

В. А. Виноградов

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
ИНСТИТУТА БРЕМЕНИ
ДОКАЗЫВАНИЯ В РОССИЙСКОМ
УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ**

научно-практическое пособие

В. А. Виноградов

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНСТИТУТА
БРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ**

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

Москва
Знание-М
2024

УДК 343.14(470)(075.3)

ББК 67.410.204

В49

Рецензенты:

Блохин Ю. И. — кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовно-правовых дисциплин Ростовского филиала
Российской таможенной академии

Стрелкова Ю. В. — кандидат юридических наук, адвокат АП г. Москвы,
старший партнер АБ «Сословие»;

Автор:

Виноградов В. А. — экономист ФЭС ФГБУ «Институт Карпинского»

Виноградов, В. А.

В49 **Правовые основы института бремени доказывания в российском уголовном процессе: исторические, теоретические и прикладные аспекты** : научно-практическое пособие / В. А. Виноградов. — Москва : Знание-М, 2024. — 192 с.

ISBN 978-5-00187-777-6

Настоящее научно-практическое пособие содержит в себе элементы историко-правового, теоретико-правового и прикладного анализа института бремени доказывания отечественного уголовного судопроизводства. В его основе лежит понимание бремени доказывания как сложного правового явления, содержащего в себе черты юридической обязанности, субъективного права и процессуального интереса. Нормативным базисом распределения бремени доказывания в суде первой инстанции выступают принципы состязательности, презумпции невиновности и публичности уголовного преследования. Между тем, данный процесс не сводится исключительно к доказыванию виновности (невиновности) подсудимого, а его участниками, в зависимости от предмета доказывания в конкретном производстве, могут являться самые разные процессуальные субъекты.

Может представлять интерес для теоретиков права, ученых-процессуалистов и практических работников правоохранительных органов, а также быть включенным в перечень дополнительно изучаемой студентами юридических факультетов литературы по дисциплинам «Уголовный процесс» и «Теория судебных доказательств».

УДК 343.14(470)(075.3)

ББК 67.410.204

ISBN 978-5-00187-777-6

© Виноградов В. А., 2024

© Знание-М, 2024

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Бремя доказывания как уголовно-процессуальная категория	11
§ 1. Становление института бремени доказывания в отечественном уголовном процессе.....	11
§ 2. Теоретические основы распределения бремени доказывания в современном российском уголовном процессе.....	37
Глава 2. Распределение бремени доказывания в суде первой инстанции	64
§ 1. Распределение бремени доказывания при подготовке к судебному заседанию и проведении предварительного слушания.....	64
§ 2. Распределение бремени доказывания при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции по существу	77
2.1 Бремя доказывания участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения	77
2.2 Бремя доказывания участников уголовного судопроизводства со стороны защиты	118
2.3 Бремя доказывания суда	130
Заключение	152
Список источников	159

Введение

Распределение бремени доказывания между участниками уголовного процесса представляет собой одну из фундаментальных составляющих правосудия. Важнейшая роль правоотношений, связанных с активной и эффективной реализацией ими своих процессуальных функций, становится особенно отчетливой в условиях перехода к состязательному характеру как всего уголовного судопроизводства, так и производства в суде первой инстанции.

Можно, в целом, согласиться с позицией Е. А. Карякина, что основу судебного доказывания, прежде всего, составляют следующие элементы: 1) понимание существа уголовно-правового спора; 2) разъяснение своих позиций по делу; 3) аргументирование с помощью системы приведенных доводов (аргументов); 4) обоснование предложенного решения по делу; 5) убеждение в своей правоте субъектов доказывания и суда¹. Данные действия осуществляются, главным образом, путем оценки доказательств. Между тем, можно признать, что, несмотря на то, что осуществление уголовного судопроизводства в суде первой инстанции является центральной стадией всего уголовного процесса, основная доказательственная база формируется именно на этапе предварительного расследования. Ввиду этого, одной из задач судебного следствия выступает ее проверка. Кроме того, разумеется, собирание доказательств также имеет существенное значение в тех случаях, когда участники процесса доказывания стремятся наиболее полно реализовать свои процессуальные интересы.

¹ См. Карякин Е. А. Цель и бремя доказывания применительно к формированию судебной истины по уголовному делу в суде первой инстанции // Российский судья. — 2016. — № 5. — С. 23.

Автором настоящего исследования не разделяется мнение, согласно которому на суд не возлагается бремя доказывания². В качестве рабочей принимается концепция, согласно которой суд реализует субсидиарную (вспомогательную) доказательственную активность — для реализации своей главной обязанности по разрешению уголовного дела и постановлению законного, обоснованного и справедливого приговора или иного итогового решения по уголовному делу. Нарушением принципа состязательности является не участие суда в собирании доказательств, а реализация этой деятельности без учета базовой арбитражной и, в ряде случаев, судейско-контрольной функции.

Несмотря на то, что разрешение уголовного дела, вполне справедливо, соотносится, главным образом, с установлением виновности (невиновности) подсудимого, в суде первой инстанции подлежат доказыванию также ряд других юридически значимых обстоятельств, — как связанных с движением уголовного дела (прежде всего, в рамках предварительного слушания), так и затрагивающих разнонаправленные интересы участников процесса (в том числе и имущественные). При распределении бремени их доказывания действие принципов состязательности и презумпции невиновности не устраняется, однако может приобретать, отчасти, измененную форму.

Весьма примечательно, что разработка основ учения о бремени доказывания в отечественной науке уголовного процесса, началась еще в XIX в., и ключевой вклад в нее внес классик российской правовой мысли И. Я. Фойницкий³. Еще около полутора веков

² См. Францифоров Ю. В. Цена истины в уголовно-процессуальном доказывании // Российский следователь. — 2005. — № 11. — С. 12.

³ См. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1996.

назад учеными отмечался тот факт, что реализация *onus probandi*⁴ неразрывно связана с процессуальными интересами участников судебного процесса.

Нельзя не отметить и того обстоятельства, что, даже в сложных условиях формирования советской правовой системы, именно в годы ее существования в уголовный процесс на нормативном уровне начались внедряться элементы презумпции невиновности, которая сегодня, вместе с принципами состязательности сторон и публичности уголовного преследования, составляет правовой базис института бремени доказывания в уголовном судопроизводстве.

Развитие отечественной доктрины уголовного процесса было связано с появлением тезиса о том, что научная и практическая проблематика бремени доказывания не сводится исключительно к вопросам о доказывании причастности к совершению преступления и о том несет ли обвиняемый встречную обязанность доказывания своей невиновности⁵. Так А. И. Либус одним из первых указывал, что, помимо прочего, обязанность доказывания представителей обвинения распространяется на все элементы состава преступления, составляющие как его объективную, так и субъективную стороны⁶.

⁴ В пер. с латинского языка — «Бремя доказывания». *Прим. автора.*

⁵ Данная парадигма, в частности, отстаивалась А. Я. Вышинским с отсылкой к англо-американской правовой системе. См. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941., однако в дальнейшем была справедливо отвергнута другими представителями отечественной науки уголовного процесса. Самым заметным ее критиком являлся М. С. Строгович. См., например, Строгович М. С. Учение о материальной истине. М., 1947.

⁶ См. Либус А. И. Презумпция невиновности в советском уголовном процессе. Ташкент, 1981.

Ключевой особенностью действующего российского уголовно-процессуального законодательства, (кроме разделения функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела), непосредственно влияющей на процесс доказывания, стало и нормативное воплощение презумпции невиновности в тексте закона на самом совершенном, за всю отечественную правовую историю, виде. Об этом свидетельствует не только возложение бремени опровержения доводов защиты в суде первой инстанции на прокурора, но и требование достижения им достоверного стандарта доказанности обвинения и толкования неустранимых сомнений в пользу подсудимого.

Между тем, нельзя сказать, что разработка учения о бремени доказывания утратила свою научную и прикладную актуальность. Наоборот, некоторое смещение акцентов с доказывания главного факта по уголовному делу позволяет сфокусировать исследовательское внимание на ряде других насущных вопросов, разрешение которых также имеет важнейшее значение для достижения целей уголовного судопроизводства. К таковым, в том числе, относится распределение бремени доказывания обстоятельств, смягчающих и отягчающих уголовную ответственность, оснований и размера гражданского иска, обоснованности и разумности процессуальных расходов потерпевшего.

Помимо этого, важно учитывать, что доказывание в суде первой инстанции начинается с момента поступления уголовного дела в суд и начала ознакомления с ним судьей для принятия решений в порядке ст. 227 Уголовно-процессуального кодекса РФ⁷

⁷ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023). Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 10.01.2024).

(далее по тексту — «УПК»)⁸. Опосредованный процесс оценки доказательств судьей также имеет место при решении вопроса о возможности прекращения уголовного дела на стадии предварительного слушания и при заявлении ходатайства о принятии судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением⁹. Отдельным предметом научного исследования в настоящей работе выступает доказательственная деятельность суда при обновлении итогового процессуального акта, которая подытоживает как результаты реализации бремени доказывания сторонами, так и выступает видом самостоятельной доказательственной деятельности. Определенное внимание уделено и особенностям следствия в суде первой инстанции. В частности, автором предпринята попытка к детальному осмыслению категории «довод стороны», а также уже традиционного, для отечественной науки уголовного процесса, но не решенного до конца вопроса, о роли суда в собирании доказательств.

⁸ В настоящей работе содержание категории «доказывание» понимается шире чем это предусмотрено в ст. 85 УПК РФ, поскольку ст. 74 УПК фактически расширяет его содержание и относит к доказыванию логико-мыслительную деятельность по оценке доказательств, направленную на установление наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также **иных обстоятельств**, имеющих значение для уголовного дела. Также представляется, что узкий подход к доказыванию, который сводит его к процессу исследования доказательств исключительно в условиях непосредственности и устности, значительно обедняет как научную доктрину, так и ее прикладной нормотворческий потенциал. *Прим автора.*

⁹ По данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ в 2022 году в «особом порядке» рассмотрено 273412 уголовных дел. См. Сводные статистические данные о состоянии судимости в России за 2022 год, отчет № 10.2 / URL: cdep.ru/index.php?id=79&item=7649 (дата обращения. 10.01.2024).

Ввиду того, что распределение бремени доказывания в уголовном процессе не сводится исключительно к деятельности сторон в суде первой инстанции, представляется перспективным дальнейшая научная разработка методологии данного правового института. Этим обусловлено содержание в настоящем научно-практическом пособии отдельной главы, посвящённой теоретико-правовым основам учения о бремени доказывания, как в современный период его существования, так и в ретроспективе.

Несмотря на значительное количество учебной и научной литературы, практических и методических рекомендаций по вопросам доказывания в настоящее время в российской уголовно-процессуальной науке не сформулировано единое и общепринятое определение бремени доказывания, отсутствуют специальные монографические исследования данного института. Однако, отдельные аспекты его распределения между участниками уголовного судопроизводства рассматривались такими авторами как А. В. Авилов, А. С. Барабаш, Ю. П. Боруленков, Л. А. Воскобитова, В. А. Лазарева, И. Б. Михайловская, А. В. Победкин, А. В. Смирнов, А. А. Сумин, О. В. Химичева.

Также бремя доказывания, как научно-теоретическая категория уголовно-процессуальной науки, выступало одним из элементов предмета исследования в работах А. А. Васяева, М. А. Дрягина, К. Б. Калиновского, А. В. Кудрявцевой, В. А. Морквина, В. Л. Сыскова. Но, несмотря на неизменный интерес к данной проблематике, изучение особенностей его распределения в ходе доказывания юридических фактов все еще сохраняет актуальную научную перспективу.

Исследование опирается на эмпирическую базу, включающую в себя судебные решения судов общей юрисдикции по результатам рассмотрения уголовных дел, прежде всего, в первой

инстанции. Кроме этого, для оценки правосудности некоторых из них, был исследован ряд судебных актов апелляционного и кассационного уровней¹⁰.

Особое значение в формировании судебной практики по вопросам доказывания имеют правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда России. Не подменяя собой законодательные нормы они, тем не менее, вносят существенный вклад в процесс реализации своих полномочий участниками уголовного судопроизводства, а также в развитие научной доктрины. Без их тщательного и системного анализа качественное исследование проблематики распределения бремени доказывания представляется весьма затруднительной задачей.

¹⁰ С использованием электронных баз судебных решений «Судакт», «Судебныерешения.рф» и «Кодекс».

Глава 1. Бремя доказывания как уголовно-процессуальная категория

§ 1. Становление института бремени доказывания в отечественном уголовном процессе

В современный период отечественного правового развития термин «бремя доказывания» является признанной и употребляемой категорией, которая внедрена в российское законодательство, присутствует в разъяснениях высших судебных инстанций РФ, а также, нередко выступает предметом доктринального анализа (обычно в рамках более широкого объекта научного исследования). Вместе с этим, главной методологической проблемой остается различное понимание и определение правового содержания категории «бремя доказывания», которую, в ряде случаев, полностью отождествляют с категорией «обязанность доказывания», в других — используют как полностью самостоятельную правовую категорию. В настоящем параграфе бремя доказывания, главным образом, понимается в широком смысле — как юридическая обязанность участника доказывания, так и фактическая необходимость проявления максимально возможной степени доказательственной активности — в целях наиболее положительного для него итога судебного процесса.

Одной из особенностей теоретико-правового исследования бремени доказывания как правового явления выступает также то обстоятельство, что его активное доктринальное осмысление началось лишь во второй половине XIX в., а само отечественное законодательство не оперировало категорией «бремя доказывания»

на большем этапе своего историко-правового развития. Вместе с тем, вопросы о том, *что* должно быть доказано, *кто*, *как*, *т. е. чем*, *с помощью чего* доказывает в ходе производства по уголовному делу, возникали в судебном процессе уже на самых ранних этапах его существования.

Ответ на вопрос, как распределялось бремя доказывания между участниками судопроизводства при рассмотрении и разрешении дела в ходе суда, дает, главным образом, историко-правовой метод изучения отечественных юридических документов. Главным обстоятельством, влиявшим на процедуру распределения бремени доказывания в конкретный исторический этап, являлось господство определенного типа уголовного процесса. Различные режимы распределения бремени доказывания могли существовать параллельно друг с другом — по мере постепенной замены одного типа уголовного процесса другим. Зародившийся в период становления отечественного государства и права частно-исковой процесс не элиминировался полностью даже в периоды, когда господствующую роль в осуществлении правосудия занял инквизиционный тип уголовного процесса.

Поскольку расцвет русского частно-искового процесса пришелся на XI–XIII вв., а круг нормативно-правовых актов данного исторического периода, доступный для историко-правового анализа, невелик, дискуссия о режиме распределения бремени доказывания в древнерусском уголовном процессе характеризуется наличием разных позиций. Согласно первой из них бремя доказывания возлагалось на истца (потерпевшего), тогда как другие авторы указывают на то, что его нес именно ответчик¹¹, а в уголовном про-

¹¹ См. Момотов В. В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. М., 2003. С. 355

цессе действовала презумпция виновности¹². Автору представляется, что наиболее правильным является суждение, согласно которому бремя доказывания, в целом, распределялось между сторонами, а поиск доказательств осуществляли и истец, и ответчик¹³. При этом, ввиду того, что суд имел право по своему усмотрению применять в процессе еще и формальные средства доказывания, можно вполне определенно говорить о том, что суд также не являлся полностью пассивным в ходе уголовного процесса¹⁴. Однако, доказательственная активность суда была в большинстве случаев субсидиарной¹⁵.

Поскольку древнерусское законодательство еще не имело официальной отраслевой дифференциации, а также деления на материальное и процессуальное право, нормы, регламентирующие распределение бремени доказывания, были расположены в нем, в значительной степени, разрозненно и эклектично. Одним из первых документов, который можно назвать полноценным источником, в том числе, уголовно-процессуального права, ввиду содержания

¹² См. Надеждин Н. Н. Правовое регулирование разрешения торговых споров в древнерусском государстве // Вестник Воронежского института МВД России. — 2007. — № 3. — С. 49

¹³ См. Брянская Е. В. О развитии доказательств в уголовном процессе дореволюционной России // Сибирский юридический вестник. — 2014. — № 4. — С. 15

¹⁴ См. Нажимов В. П. Типы, формы и виды уголовного процесса. Калининград, 1977. С. 47

¹⁵ См. Чебаненко С. Б. Княжеский и народный суд в Древней Руси: дисс. ... докт истор. наук. СПб., 2007. С. 111; Барац Г. М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией: Восстановление текста, перевод, комментарий и сравнение с другими правовыми памятниками, в частности, с Русской Правдой. Киев, 1910. С. 80; Михайлова И. Б. Полевой поединок — норма права в средневековой Руси // История повседневности. — 2016. — № 1. — С. 137

в нем достаточного количества соответствующих правовых норм, как известно, является «Русская Правда». Однако, одно из первых упоминаний о режиме распределения бремени доказывания содержится ст. 3 договора Руси с Византией 911 года: «А о главах, иже ся ключить проказа, урядимся сице: да елико яве будеть показании явленными, да имеют, верное о тацех явлении, а ему же начнуть не яти веры, да клянеться часть та иже ищеть неятю веры, да егда клянеться по вере своей, будет казнь, якоже явиться согрешень»¹⁶.

То обстоятельство, что ни один древнерусский правовой документ не был найден в оригинале, а их тексты представляют собой, главным образом, летописное воспроизведение, юридическое содержание ряда норм выступает предметом дискуссий. В историко-правовой литературе не вызывает споров, что бремя представления доказательств первоначально возлагалось именно на истца. Между тем, вопрос о том, кто, — истец или ответчик, приносит клятву, в случае недоверия к представленным доказательствам, уже дискуссионен. Так, несмотря на то, что буквальное смысловое толкование текста свидетельствует о том, что в таком случае клятву приносит ответчик, Г. М. Барац указывал, что историко-правовая наука XIX в. склонялась к тому, что клятву приносил именно истец.¹⁷ А. А. Зимин и С. В. Юшков указывали на то, что необходимость принесения клятвы (в соответствии с буквальным переводом) именно ответчиком, объясняется искажением первоначального текста¹⁸. Между тем, исходя из того, что при использовании формальных средств доказывания участниками процедуры их по-

¹⁶ См. Зимин А. А. Памятники русского права. Под общ. ред. С. В. Юшкова М., 1952. С. 7

¹⁷ См. Барац, Г. М. Указ. раб. С. 80

¹⁸ См. Зимин А. А. Указ. раб. С. 16–17

лучения могли являться как истец, так и ответчик¹⁹, а также с учетом того факта, что истцом уже представлялись определенные доказательства, можно предположить, что возложение бремени доказывания, в том числе и на ответчика, в полной мере отвечало построению частно-искового уголовного процесса.

Последний тезис наглядно подтверждается путем обращения к текстам как краткой, так и пространной редакции Русской Правды²⁰, содержащим в своих нормах предписания, дифференцировавшие распределение бремени доказывания в зависимости от уголовно-правовой сущности конкретного судебного процесса. Так, согласно ст. 2 Краткой Редакции истец освобождался от бремени доказывания нанесения побоев, если на теле оставались их следы. Данное правило дублируется в ст. 30. Если же видимых следов не обнаруживалось, то истец был обязан привести двух свидетелей для подтверждения своей правоты. Бремя доказывания добросовестного приобретения украденного имущества на ответчика путем участия в «своде» возлагалось ст. 14. Владелец вещи должен был доказать правомерность обладания, то есть указать лицо, у которого он ее приобрел²¹. Данная норма была продублирована в ст. 35 Пространной редакции, согласно которой истец и ответчик совместно «идут на свод» для выявления лица, у которого было приобретено опознанное хозяином, как украденное, имущество. Однако, если источник легального приобретения имущества все-таки устанавливался, то дальнейший поиск вора осуществлялся уже

¹⁹ См. Селедкина Н. А. Судебное следствие в российском уголовном процессе: дисс. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 58

²⁰ См. Зимин А. А. указ раб. С. 77–189.

²¹ См. Свиридов В. А. Становление и развитие судебных органов в России: исторический аспект. Воронеж, 2018. С. 27

истцом до третьего по счету приобретателя имущества. Если же «свод» изначально не давал результатов, то для того, чтобы, в принципе, доказать факт приобретения, а не хищения имущества, ответчик, в соответствии со ст. 37 Пространной редакции, должен был привести двух свидетелей, которые подтверждали клятвой его позицию.

Бремя доказывания невинности возлагалось на ответчика и в случае обвинения в совершении убийства — путем обязанности привести 7 свидетелей, которые могли бы указать на невинность подсудимого, и 2 свидетелей, если в качестве подсудимого выступал иноземец. Если же ответчику сделать этого не удавалось, то ст. 21 Пространной редакции предписывала подвергать его испытанию железом. В случае, если подозреваемый в убийстве не был задержан на месте преступления, то его поиск и поимка становилось задачей верви (общины). «Если найдена «голова» — труп убитого, то та вервь, где лежит голова, должна разыскивать виновного и выдать, после чего обвиняемый уже не пользовался никакими процессуальными средствами защиты или сама вервь должна платить «дикую виру»²². Таким образом, следует признать, что бремя доказывания могло возлагаться не только на единоличного, но и коллективного ответчика.

Построение уголовного процесса в соответствии с частно-исковым типом, в целом, сохранилось и в период феодальной раздробленности. Об этом свидетельствует обращение к самому содержательному, с точки зрения подробности регламентации уголовного судопроизводства, документу — Псковской Судной Грамоте (далее по тексту — «Грамота»)²³. Бремя доказывания, так же,

²² Владимирский-Буданов В. Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 716

²³ Псковская Судная Грамота (1397–1467). Составители Васильев И. И. Кирпичников Н. В. Псков, 1896.

как и в древнерусском уголовном процессе, распределялось, главным образом, между сторонами. В соответствии со ст. 23 Грамоты: «Если послух, на которого сошлется истец, не явится на суд или на суде покажет не то, о чем заявил потерпевший, то такое свидетельство не признается достоверным, а истец теряет свой иск». Ст. 28 предписывала при выдвижении встречного обвинения подкреплять его выставлением хотя бы одного свидетеля. В свою очередь, ответчик в соответствии со ст. 47 обязан был под присягой подтверждать добросовестность приобретения имущества, о котором истец заявлял, как об украденном. Принесение клятвы могло быть заменено представлением на суд показаний 4–5 свидетелей — ст. 56 Грамоты. Согласно ст. 107 подсудимый также был обязан давать присягу для снятия с себя обвинения в избииении «чужеземца», а для снятия обвинения в вырывании бороды — участвовать в поединке со свидетелем обвинения (ст. 119 Грамоты).

Несмотря на содержательное сходство с Русской Правдой в части распределения бремени доказывания между сторонами, Псковская Судная Грамота более подробно закрепляет роль суда в его реализации. В соответствии со ст. 21 Грамоты князь, посадский и сотник должны были допросить свидетеля и опросить потерпевшего. Ст. 25 Грамоты освобождала от бремени доказывания подсудимого, с одновременным его возложением на суд: «Если ответчик, которого обвиняют в разбое, не будет ссылаться на послуха, то, чтобы не дать преимущества одной стороне, судебная власть должна послать к суду своих людей для исследования дела на месте, а что ответчик не представил своего послуха, то ему в вину не ставить, потому что это для Псковской судебной власти не имеет значения». Данную норму можно признать знаковой, демонстрирующей эволюцию процесса доказывания в сторону инквизиционной модели — ввиду увеличения количества уголовных дел, при осу-

шествлении судопроизводства по которым, все большая степень доказательственной активности возлагалась именно на представителей публичной власти.

Между тем, говорить о начале тенденции к утверждению суда в роли основного субъекта несения бремени доказывания, по большинству уголовных дел, можно именно в период становления и укрепления российского централизованного государства (XV–XVII вв.). Одно из первых упоминаний об обязанности судебного пристава — «недельщика» пытаться вора, но делать это без предвзятости, содержится ст. 34 Судебника Ивана III 1497 г. (далее по тексту — «Судебник»): «А которому дадут татя, а велят его пытать, и ему пытать татя безхитростно, а на кого тать что взговорит, и ему то сказати великому князю или судии, которой ему татя дасть, а клепати ему татю не велети никого»²⁴. Между тем, сохраняла силу и состязательность сторон, о чем свидетельствует обращение к другим нормам Судебника. Так, ст. 38 предусматривала такой элемент частного-искового уголовного процесса как судебный поединок между ответчиком и свидетелем обвинения, а ст. 4–7 Судебника «поле» между истцом и ответчиком.

Судебник Ивана IV 1550 г. (далее по тексту — «Судебник»)²⁵ частично сохранял режим распределения бремени доказывания между сторонами, свойственный ранее русскому уголовному судопроизводству (ст. 9–12, 14, 16 предусматривали регламентацию

²⁴ Российское законодательство X–XX веков / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984–1994. 9 т.т. 2: Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский. 1985. С. 54–62 (оригинальный текст).

²⁵ Судебник Ивана IV 1550 г. Перевод Цыганова В. Б. / URL: /russiahistory.ru/download/library/istochniki/1073676_96334_sudebnik_1550_goda.pdf (дата обращения 16.01.2024).

производства судебного поединка). Однако, можно констатировать, что именно в этот период инквизиционный тип процесса начинает вытеснять частно-исковой при осуществлении судопроизводства по уголовным делам²⁶.

Ст. 56, 57, 73, 90 Судебника предусматривали проведение допроса и пыток для доказывания обстоятельств уголовного дела, причем допрашивался не только сам подсудимый, но и население. Соответственно, бремя доказывания по таким уголовным делам возлагалось на суд²⁷ в лице многочисленных должностных лиц, соединявших в себе судебные и административные функции в Московском государстве²⁸. По мнению А. А. Кухты историки права справедливо отмечают, что усиление инквизиционного начала привело к тому, что судья принял на себя функции прокурора,

²⁶ См. Косарев С. Ю. Возникновение инквизиционного процесса на Руси // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. — 2014. — № 4. — С. 9

²⁷ См. Амплеева Т. Ю. Судоустройство и уголовное судопроизводство в Московском централизованном государстве // Публичное и частное право. — 2011. — № 2. — С. 69

²⁸ См. Омеляненко Е. В. Судоустройство российского государства в XV–XVII вв. // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2020. — № 4. — С. 111; Пономарева В. В. Брестер А. А. Становление следственного процесса в России // Вестник Омского университета. Серия: Право. — 2012. — № 3. — С. 253; Расчетов В. А. Бутенко О. С. Зарождение органов розыскного следствия на Руси // Академическая публицистика. — 2018. — № 10. — С. 80–84; Рябченко А. Г. Руденко К. И. Политика Московского государства в сфере уголовного судопроизводства во второй половине XV–XVII вв. // Общество и право. — 2013. — № 3. — С. 26–30; Серов Д. О. Федоров А. В. Следствие в Древнерусском государстве X–XIV вв. // Российский следователь. — 2015. — № 1. — С. 53–56; Хутько Т. В. История государства и права России в период становления и развития абсолютизма (конец XVII–XIX вв.): учебное пособие для бакалавров — Симферополь, 2019. С. 240

следователя и вершителя самого процесса. Суд переходил в дознание, прения сторон — в распрос²⁹.

Наиболее полное закрепление инквизиционной процедуры, как основной, при производстве по уголовным делам связано с принятием Соборного уложения 1649 г. (далее по тексту — «Уложение»)³⁰. Данный правовой акт можно признать определяющим всю концепцию судебного процесса вплоть до принятия Уставов Уголовного и Гражданского Судопроизводства. Частно-исковая форма процесса не устранялась полностью, но производство по наиболее тяжким уголовным делам, затрагивающим, главным образом, публичный интерес, окончательно перешло к инквизиционной модели. Активная роль суда в познании обстоятельств предполагаемого преступления подразумевалась исходя из многократного повторения в тексте Уложения судебно-следственных действий (пытка, сыск, обыск, допрос). Сформировавшаяся в Московском государстве модель, в соответствии с которой основное бремя доказывания, при производстве по уголовному делу, возлагалось на суд, в целом господствовала до начала второй половины XIX в. Абсолютизм, свойственный публичной власти в данный исторический период, лишь усилил роль суда в реализации бремени доказывания в уголовном процессе, а также в движении уголовного дела в целом. Суд принимал жалобу, начинал судопроизводство, определял круг лиц, подлежащих вызову. Суд также определял порядок проведения следственных действий, представления и исследования доказательств³¹.

²⁹ См. Кухта А. А. Доказывание истины в уголовном процессе. Н. Новгород, 2009. С. 19

³⁰ См. Соборное Уложение 1649 г. / Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения 16.01.2024).

³¹ См. Амплеева Т. Ю. История уголовного судопроизводства России (IX–XIX вв.): дисс. ... докт. юрид. наук. М., С. 286.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее по тексту — «Устав»)³². оформил существование уголовного процесса в рамках обособленной отрасли отечественного права, а также оказал огромное влияние на развитие доктринальных исследований отечественных правоведов, что привело к появлению ряда научных работ, некоторые из которых стали классикой отечественного правоведения. Устав предусматривал осуществление уголовного судопроизводства в двух основных формах — у мирового судьи и в окружных судах. При принесении жалобы мировому судье, в соответствии с пп. 1–4 ст. 46 Устава, необходимо было указать на обстоятельства о преступном деянии (место и время его совершения, а также причиненный потерпевшему вред). В свою очередь, в соответствии с п. 5 ст. 46 Устава жалоба частного лица также должна была, в том числе, содержать указание на свидетелей или иные доказательства, которыми она подтверждалась. Ст. 104 Устава предписывала мировому судье в делах, которые дозволялось прекращать примирением, «Ограничивается рассмотрением тех только доказательств, которые сторонами представлены или указаны». Если обвинение инициировалось должностными лицами, то собирание доказательств по нему могло быть поручено мировым судьей местным органам полиции, согласно ст. 47 Устава. Между тем, ст. 106 Устава содержала указание на то, что производство судебных действий — осмотров, освидетельствований и обысков «возлагается мировым судьей на полицию только тогда, когда по каким-либо особым обстоятельствам действия эти не могут быть исполнены им лично и не представляется возможности отложить их до другого времени».

³² Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. / Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения 16.01.2024).

Производство в окружных судах регламентировалось более подробно, однако, в некоторой степени, противоречиво. Анализ текста ряда норм, регламентировавших производство по уголовному делу в окружных судах, не позволяет однозначно классифицировать его порядок как присущий судопроизводству частно-состязательного или инквизиционного типа. Ввиду этого, в отличие от порядка судопроизводства у мирового судьи, где бремя доказывания возлагалось, прежде всего, на стороны, говорить о приоритетном возложении бремени доказывания на какого-либо конкретного участника процесса при производстве в окружном суде, исходя из предписаний Устава, можно лишь условно. В соответствии со ст. 4 Устава «По уголовным делам, подведомственным общим судебным установлениям, обличение обвиняемых перед судом возлагается на прокуроров и их товарищей». Ст. 630 Устава провозглашала состязательность судебного следствия и равноправие сторон (прокурора и частного обвинителя с одной стороны и защитника, и подсудимого с другой).

Между тем, ст. 613 Устава предписывала председательствующему направлять ход дела к тому порядку, «Который наиболее способствует раскрытию истины». Данная норма, в целом, по мнению автора, снимала вопрос о возможности производить следственные действия судом по своей инициативе в тех случаях, когда нормы Устава, во-первых, напрямую не указывали на необходимость для проведения определенного следственного действия инициативы сторон, во-вторых, когда из текста правовой нормы Устава нельзя было однозначно усмотреть, — являлась ли доказательственная активность суда его правом или обязанностью (ст. 684, 687, 688, 690, 692 Устава). Представляется, что такая ситуация, при наличии общего предписания о необходимости установления судом истины по уголовному делу, позволяет говорить,

о суде как о полноценном субъекте несения бремени доказывания. Косвенно такой вывод подтверждается и тем, что процессуальную основу для эффективного поддержания прокурором государственного обвинения закладывала процессуальная деятельность судебного следователя, производившего предварительное следствие и являвшегося, согласно ст. 79 Устава, именно членом окружного суда, а не должностным лицом прокуратуры, полиции или иного государственного органа.

Устав, напрямую, не снимал вопрос о том, могло ли бремя доказывания невинности по уголовному делу возлагаться на подсудимого. Данная ситуация, по всей видимости, была обусловлена, прежде всего тем, что принцип действия презумпции невинности, выступавший одним из базовых регуляторов бремени доказывания в ряде более поздних отечественных уголовно-процессуальных актов, еще не получил прямого нормативного закрепления. Между тем, идея о недопустимости возложения на подсудимого бремени доказывания уже вполне определенно оформилась в отечественной доктрине уголовного процесса второй половины XIX в.³³ Правоведами лишь допускались некоторые специальные исключения. Так, В. К. Случевский приводил пример об обязанности подсудимого доказать законный характер приобретения им билетов, тождественных с похищенными, если они были обнаружены у него, а показания относительно их приобретения носят противоречивый характер³⁴. С. В. Познышев также указывал на возможность исключений из общего порядка доказывания и возможности возложения

³³ См. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910. С. 184; Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству. М., 1915. С. 64

³⁴ См. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса: судоустройство — судопроизводство. СПб., 1910. С. 487.

на обвиняемого бремени доказывания по делам, возникающим вследствие нанесения оскорбления в печатном издании³⁵.

Между тем, И. Я. Фойницкий, соглашаясь с доминирующей в отечественной науке позицией о невозможности возложения бремени доказывания на подсудимого, сформулировал идею, жизнеспособность которой прошла проверку временем, эволюцией нормативной базы и практикой правоприменения. Согласно И. Я. Фойницкому бремя доказывания в уголовном процессе следует понимать, как сложную родовую категорию, включающую в себя как **юридическую** обязанность доказывания, так и **фактическую** обязанность доказывания (объективную необходимость доказывания). Последняя была обусловлена процессуальным положением подсудимого и побуждала его в ряде случаев, осуществлять доказывание в целях избежать наступления негативных последствий недоказанности своих доводов³⁶. Данная конструкция нашла своих сторонников как в советские годы (А. И. Либус³⁷), так и в современной науке уголовного процесса (К. Б. Калиновский³⁸).

Советский этап развития уголовно-процессуального законодательства и учения о бремени доказывания характеризуется двумя историко-правовыми периодами, существование

³⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (*прим. автора*)

³⁶ Фойницкий И. Я. Указ. раб.

³⁷ Либус А. И. Указ. раб.

³⁸ Калиновский К. Б. Обоснованность уголовно-процессуальных решений в свете учения о бремени доказывания // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юрид. наук, профессора Полины Абрамовны Лупинской: сборник научных трудов. — М., 2011. С. 59–65

которых было обусловлено действием Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г.³⁹ и Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г.⁴⁰ а также Основ уголовного судопроизводства СССР 1958 г. (далее по тексту — «Основы»)⁴¹. Нормативное содержание данных законодательных актов, несмотря на схожесть юридической идеологии, заложенной в основы правового регулирования, имело достаточно различий. Главным из них следует признать различный объем правовых гарантий защиты прав человека в ходе уголовного судопроизводства. Этот факт оказал влияние как на юридическую практику, так и на развитие советской доктрины уголовного процесса, в том числе в части понимания категории бремени доказывания и процесса его распределения между участниками уголовного судопроизводства.

Несмотря на фундаментальные изменения, которые касались как судоустройства, так и судопроизводства, процессуальное положение суда и прокурора по УПК 1923 г. (далее по тексту — «УПК») обнаруживало определенную схожесть с Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. Невзирая на то обстоятельство, что согласно ст. 8 УПК, обвинение в суде поддерживалось прокуратурой, системное изучение норм закона позволяет сделать вполне определенный вывод, что основное бремя доказывания возлагалось именно на суд. Определяя процессуальную функцию суда, ст. 257 УПК 1923 г. фактически дублировала ст. 613 Устава, закрепляя следующее

³⁹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 15 февраля 1923 г. в ред. от 15.02.1923 г. / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 16.01.2024).

⁴⁰ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. в ред. от 27.10.1960 г. / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 16.01.2024).

⁴¹ Основы уголовного судопроизводства СССР от 25 декабря 1958 г. / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 16.01.2024).

правовое предписание: «Председательствующий в судебном заседании управляет ходом судебного заседания, устраняет из судебного следствия и прений сторон все, не имеющее отношение к рассматриваемому делу, направляя судебное следствие в сторону, наиболее способствующую раскрытию истины». Вполне логично, что УПК 1923 г. также закреплял в качестве одной из юрисдикционных основ максимально широкие полномочия суда для реализации его основной функции. Ст. 294, 295, 296, 297, 299, 300 УПК 1923 г. наделяли суд правом, на основании судебного усмотрения, оглашать показания, данные в ходе досудебного производства, производить следственные осмотры, назначать судебную экспертизу, оглашать документы. Ст. 302 УПК предусматривала право суда требовать от сторон новые доказательства в случае, если, по его мнению, имеющиеся в уголовном деле совокупность доказательств не позволяла установить истину. С целью восполнения доказательственной базы суд мог направить уголовное дело для проведения дополнительного предварительного следствия. Достаточно показателен и тот факт, что согласно ст. 283 УПК допрос подсудимого первоначально производился судом, а лишь затем обвинителями и другими участниками судебного заседания. Между тем, хотя в юридической науке, в целом, и поддерживалась концепция возложения основного бремени доказывания на суд, правоведы указывали и на то, что суд несет бремя поиска как обвинительных, так и оправдательных доказательств, сохраняя беспристрастность в целях отыскания истины⁴².

⁴² См. Борисенко Г. Ф. Уголовный процесс. Окончательное производство. Казань, 1925.; Чельцов-Бебутов М. А. Обвиняемый и его показания в советском уголовном процессе. М., 1947. С. 42; Карев Д. С. Советский уголовный процесс. М., 1956 С. 81; Матвиенко Е. А. Судебное следствие в советском уголовном процессе: дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1951. С. 55

Аналогичное мнение о недопустимости сведения доказательственной деятельности лишь к бремени доказывания виновности подсудимого высказывалось и относительно прокурора: «Прокурор не может ограничиться анализом только тех доказательств, которые подтверждают отстаиваемую им позицию, замалчивая доказательства, противоречащие его версии»⁴³.

Такое положение, как представляется, позволяет говорить лишь об относительно условном распределении бремени доказывания между публичными участниками производства в суде первой инстанции. Данная ситуация обуславливалась тем, что основным регулятором режима доказывания в советском уголовном процессе выступало не формальное обладание участником доказывания судебной или обвинительной функцией, а общее требование о необходимости отыскания истины в результате рассмотрения уголовного дела. Ввиду этого, относительно перспективную «почву» для научной дискуссии имел лишь вопрос о возможности возложения бремени доказывания невиновности на подсудимого.

Данный вопрос не получил в УПК 1923 г. однозначного разрешения. Лишь косвенно на отрицательный ответ указывает содержание ч. 1 ст. 326 УПК, которая обязывала оправдать подсудимого «В тех случаях, когда не доказано событие преступления, ему приписываемого, или не доказано участие подсудимого в совершении преступления, или, когда деяние, учиненное подсудимым, не содержит в себе состава преступления». О явной недостаточности данной нормы свидетельствует и то обстоятельство, что Верховным Судом СССР, в последующие годы, были сформулированы несколько правовых позиций относительно недопустимости возложения бремени доказывания невиновности на под-

⁴³ Шифман М. Прокурор в уголовном суде. М., 1946. С. 64

судимого. Так, в Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 28 декабря 1946 г. была сформулирована следующая правовая позиция: *«Народным судом нарушены ст. 320, 326 УПК РСФСР тем, что вместо проверки доказательств вины и установления последней суд сослался в приговоре на то обстоятельство, что он не нашел причин к оправданию подсудимой»*⁴⁴. Аналогичные выводы содержались и в Определении Судебной коллегии от 16 января 1940 г. по делу К., обвешавшегося в растрате 40 мешков дубильного экстракта: *«Никаких доказательств, которые изобличали бы К. в присвоении или растрате экстракта, в деле нет. Объяснения же К. о том, что экстракт похищен, остались нерасследованными. Вместе с тем суд в подтверждение виновности К. привел мотив, который совершенно извращает положение обвиняемого в уголовном процессе. Следственные органы и суд должны собрать веские доказательства виновности обвиняемого, а не обвиняемый должен представлять суду доказательства своей невиновности»*.⁴⁵

В науке уголовного процесса не оспаривалось, что подсудимый изначально не нес бремени доказывания своей невиновности, однако возможность возложения на него бремени после представления обвинительных доказательств, уже вызвала определенные дискуссии. А. Я. Вышинский выражал мнение, в соответствии с которым, подсудимый нес бремя доказывания доводов, приводимых им в свою защиту. Более того, он настаивал не на фактическом, а именно на юридическом его характере. Правовой основой данной позиции А. Я. Вышинского выступал принцип «actori incumbit

⁴⁴ Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР. М., 1955. глава 3 под ред. Якуб М. Л. С. 155

⁴⁵ См. Галкин Б. А. Калашникова Н. Я. Уголовный процесс. М., 1949. С. 33

onus probandi или *actori incumbit probatio*» — «доказывать должен тот, кто утверждает». В качестве подтверждения этого тезиса А. Я. Вышинский приводил пример, что при выдвижении довода об отсутствии умысла на грабеж (версия о шуточном характере действий нападавшего) в случае доказанности прокурором факта насильственного изъятия имущества, бремя доказывания отсутствия умысла перемещалось на подсудимого.⁴⁶ Данное мнение было, частично, поддержано И. С. Галаган⁴⁷.

М. С. Строгович подверг критике позицию А. Я. Вышинского. Версия обвиняемого о шуточном характере «грабежа», по мнению М. С. Строговича, подлежала проверке и могла быть отвергнута лишь на основании ее ложности, а не по мотивам ее недоказанности обвиняемым. В свою очередь, довод обвиняемого должен был обладать свойством разумности и проверяемости. В противном случае он мог быть отвергнут судом ввиду физической невозможности его опровергнуть⁴⁸. Данная позиция была, в целом, поддержана П. А. Лупинской и В. З. Лукашевичем⁴⁹.

В послевоенный период в науке советского уголовного процесса была высказана и другая фундаментальная идея — на стороне обвинения лежит бремя доказывания не только виновности подсудимого, но и оснований процессуальных решений, в том числе

⁴⁶ См. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941. С. 6.

⁴⁷ См. Галаган И. С. Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Киев, 1956. С. 4

⁴⁸ См. Строгович М. С. Учение о материальной истине. М., 1947. С. 272.

⁴⁹ См. Лупинская П. А. Доказательства в советском уголовном процессе: лекции для студентов ВЮЗИ. М., 1955. С. 40; Лукашевич В. З. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Ленинград, 1955. С. 8

промежуточных, которые связаны с осуществлением уголовного преследования: «Из презумпции невиновности обязаны исходить суд и органы расследования, оценивая доказательства как в ходе исследования фактических обстоятельств дела, так и принимая решения о привлечении в качестве обвиняемого, об избрании меры пресечения, о направлении дела в суд, о предании суду. Условием принятия этих решений является наличие доказательств, подтверждающих их обоснованность, но не отсутствие доказательств невиновности обвиняемого»⁵⁰. Причем, В. И. Каминская указывала, что промежуточные процессуальные решения, ограничивающие права человека в уголовном судопроизводстве, как и обвинительный приговор, должны быть доказаны именно достоверно, а не вероятно⁵¹.

Подводя итог развития уголовно-процессуального законодательства, судебной практики и доктрины уголовного судопроизводства РСФСР 20-х — 50-х гг. XX в., можно сделать вывод, что система правовых гарантий личности в ходе отправления правосудия и, в частности, такой ее важнейший элемент, как презумпция невиновности, напрямую не получила отражения в главнейших правовых актах — в Конституциях СССР и РСФСР, а также в УПК РСФСР 1923 г. Таким образом, вывод о возложении бремени доказывания именно на суд и сторону обвинения синтезировался путем системного толкования и разъяснений советского законодательства на подзаконном и доктринальном уровнях. Между тем, более глубокий вопрос о возможности переложения бремени доказывания невиновности на подсудимого, не получил в законодательстве

⁵⁰ См. Карев Д. С. Указ. раб. С. 77

⁵¹ См. Каминская В. И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М., 1948. С. 102

даже косвенного отражения, что вызывало принципиальную полемику в науке.

«Поздний» этап советского уголовного процесса, как предмет научного анализа, характеризуется временным периодом, который начался с принятием двух важнейших правовых актов — Основ уголовного судопроизводства 1958 г. (далее по тексту — «Основы») и УПК РСФСР 1960 года (далее по тексту — «УПК»). Их вступление в силу можно признать хотя и, отчасти, ограниченным, но прогрессивным шагом в развитии отечественного законодательства. Ст. 3 Основ устанавливала обязанность суда и органов уголовного преследования возбудить уголовное дело в случае обнаружения признаков преступления и принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию. Данная норма была продублирована в абз. 1 ст. 20 УПК РСФСР 1960 г., а предписание абз. 2 ст. 20 УПК, в свою очередь, запрещало суду, прокурору, следователю и лицу, производившему дознание, «перелгать обязанность доказывания на обвиняемого». На данное требование также указал Пленум Верховного Суда СССР: *«На основании закона обязанность доказывания обвинения лежит на обвинителе. Исходя из этого, недопустимо возлагать на обвиняемого (подсудимого) доказывание своей невиновности»*⁵².

Основной предмет доказывания по уголовному делу закреплялся в ст. 15 Основ. Установлению подлежали следующие обстоятельства: 1) событие преступления (время, место, способ и другие

⁵² абз. 1 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16.06.1978 N 5 «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 16.01.2024).

обстоятельства совершения преступления); 2) виновность обвиняемого в совершении преступления; 3) обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности, мотивы преступления; 4) характер и размер ущерба, причиненного преступлением. Кроме этого, ст. 21 УПК обязывала органы уголовного преследования и суд выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления, а абз. 2 ч. 1 ст. 68 УПК дополнительно предписывал необходимость установления мотивов преступления. Согласно абз. 1 ст. 70 УПК прокурор и суд были вправе производить допросы свидетелей и экспертов; следственные действия; требовать от учреждений и предприятий, организаций, должностных лиц и граждан предоставления предметов и документов. Закон прямо указывал на возможность суда, в ходе судебного следствия, по собственной инициативе проводить в соответствии со ст. 291 УПК, а абз. 1 ст. 292 УПК — осмотр вещественных доказательств, оглашение документов и осмотр помещения.

В рассматриваемый исторический период в науке уголовного процесса началось разграничение бремени доказывания виновности (невиновности) от бремени доказывания-обоснования принятого процессуального решения. А. М. Ларин отвергал наличие у суда первой функции из-за отсутствия у него присущего сторонам процессуального интереса⁵³. Однако, доминирующей в доктрине уголовного судопроизводства позицией являлось отнесение суда к субъектам бремени доказывания «в чистом виде», главным образом, ввиду его обязанности установить истину по уголовному делу (Л. И. Петрухин, М. А. Чельцов, Фаткуллин Ф. Н.).⁵⁴ Более

⁵³ См. Ларин А. М. Презумпция невиновности. М., 1982. С. 46.

⁵⁴ См. Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976.

того, Я. О. Мотовиловкер, который в целом разделял концепцию о подразделении бремени доказывания на юридическую обязанность и фактическую необходимость доказывания, указывал, что в советском уголовном процессе лишь суд несет *юридическую* обязанность доказывания в силу установленной ст. 301 УПК обязанности вынести законный и обоснованный приговор. Нарушение данной обязанности, по мнению Я. О. Мотовиловкера, могло повлечь применение санкции в виде отмены приговора. Ввиду этого, прокурор, защитник и подсудимый не несли, по мнению указанного автора, обязанность доказывания, а лишь обладали соответствующим процессуальным интересом⁵⁵.

Анализ распределения бремени доказывания между его участниками в 60-е — 80-е гг. XX в. стал осуществляться в доктрине на более глубоком уровне. А. И. Либус писал об ошибочности сведения проблематики распределения бремени доказывания лишь к констатации возложения бремени, в части доказывания причастности лица к совершению преступления, на государственного обвинителя и освобождения подсудимого от обязанности доказывания невинности. Данная проблематика, по мнению А. И. Либуса, была глубже, поскольку распространялась на все юридически значимые обстоятельства, образующие предмет доказывания — событие преступления (время, место, способ его совершения); мотивы преступления; обстоятельства, смягчающие или отягчающие вину обвиняемого и характеризующие его личность; характер и размер ущерба, причиненного преступлением; обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Кроме того, А. И. Либус указал на то, что проблематика бремени

⁵⁵ Мотовиловкер Я. О. Основные процессуальные функции. Ярославль. 1976. С. 8–10

доказывания не связана только с главным фактом, но «остается актуальной и применительно к обоснованию принятия промежуточных процессуальных решений»⁵⁶.

Предметом анализа становилась и деятельность защитника при осуществлении им доказывания. В отличие от действующего УПК РФ, согласно ст. 23 Основ, защитник был обязан использовать все указанные в законе средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность, и оказывать обвиняемому необходимую юридическую помощь. Данная норма была продублирована в абз. 1 ст. 51 УПК РСФСР. В науке уголовного процесса доминировала позиция, в соответствии с которой, адвокат, по аналогии с его подзащитным, не нес бремя доказывания как юридическую уголовно-процессуальную обязанность. А. М. Ларин полагал, что адвокат не является субъектом юридической обязанности доказывания, поскольку отечественное законодательство не предусматривало соответствующих санкций за ее неисполнение⁵⁷. По мнению В. Я. Вульфа, на адвоката возлагалась общая процессуальная обязанность доказывания, но не юридическая обязанность доказывать отдельные юридически значимые обстоятельства⁵⁸. Данная позиция А. М. Ларина и В. Я. Вульфа полностью не теряет своей актуальности и в современных условиях. Действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит прямых уголовно-процессуальных санкций за уклонение защитника от доказывания,

⁵⁶ Либус А. И. Презумпция невиновности в советском уголовном процессе. Ташкент, 1981. С. 131.

⁵⁷ См. Ларин А. М. указ. раб. С. 59.

⁵⁸ См. Вульф В. Я. Обязанность доказывания в советском уголовном процессе: дисс. ...канд. юрид наук. М., 1963.

а замену защитника УПК РФ предусматривает лишь в случае его неявки в судебное заседание (ст. 50 УПК).

Сторонники другого взгляда на доказательственный статус адвоката указывали, что бремя доказывания адвоката имеет именно характер юридической обязанности, — исходя из предписаний ст. 51 УПК, предусматривавшей обязанность защитника использовать все указанные в законе средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающего ответственность. При этом Ф. Н. Фаткуллин особо отмечал, что пассивность адвоката в реализации обязанности доказывания не должна влечь негативных последствий недоказанности для подсудимого, поскольку аналогичную обязанность по установлению обстоятельств уголовного дела должны были надлежательно выполнять и другие участники уголовного судопроизводства.⁵⁹ Данная позиция также полностью не лишена перспективы научного анализа в современных реалиях. Несмотря на отсутствие прямых санкций непосредственно за нарушение режима бремени доказывания, практика применения отечественного законодательства об адвокатуре и адвокатской деятельности, в ряде случаев, относит пассивность защитника в реализации доказывания к нарушению стандарта осуществления защиты в уголовном судопроизводстве. Подобное бездействие, зачастую, квалифицируется как нарушение профессиональной этики, влекущее применение мер дисциплинарной ответственности вплоть до прекращения статуса адвоката.

Таким образом, подводя итог историко-правового анализа законодательства, правоприменения и доктрины отечественного уголовного процесса, можно сделать вывод об усилении роли представителей государственной власти в реализации бремени

⁵⁹ См. Фаткуллин Ф. Н. указ. раб.

доказывания по мере усиления централизации государственной власти. Если в период доминирования частно-искового типа уголовного процесса основной вопрос, в контексте исследуемой проблематики, заключался в характере распределения бремени доказывания между истцом и ответчиком, то по мере становления инквизиционного процесса как основного типа отечественного уголовного судопроизводства, на первый план вышла проблематика распределения бремени доказывания между судом и стороной обвинения, а также степени частичного возложения бремени доказывания невиновности на подсудимого и его защитника. В XX в. в отечественной правовой науке возникло понимание и того обстоятельства, что проблематика бремени доказывания не сводится лишь к поиску его оптимального распределения при решении вопроса о виновности (невиновности) подсудимого и других вопросов, связанных с уголовной ответственностью, которые разрешаются в итоговом процессуальном решении по уголовному делу. Правоведами признавалось, что доказывание оснований для принятия промежуточных процессуальных решений также требует нормативного определения надлежащего режима распределения бремени доказывания.

Современный этап развития российского законодательства характеризуется переосмыслением целей уголовного судопроизводства, провозглашением принципа состязательности как одной из его конституционных основ, а также повышением правовых гарантий человека и гражданина при осуществлении правосудия. Данные обстоятельства, прямым образом, повлияли и на дальнейшее развитие учения о бремени доказывания, что будет проиллюстрировано в настоящем исследовании.

§ 2. Теоретические основы распределения бремени доказывания в современном российском уголовном процессе

С принятием действующей Конституции России и Уголовного-процессуального кодекса РФ презумпция невиновности из, отчасти технического инструмента процессуального доказывания, перешла на концептуально иной юридический уровень, став одной из фундаментальных основ всей правовой системы России. Ст. 49 Конституции РФ устанавливает: 1. Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. 2. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. 3. Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.

Историко-правовой анализ позволяет отметить первое, в истории отечественного уголовного процесса, появление правила о толковании неустранимых сомнений в пользу стороны защиты.

В свою очередь, ст. 14 УПК имеет в настоящее время следующее содержание: 1. Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. 2. Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. 3. Все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом,

толкуются в пользу обвиняемого. 4. Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

Несмотря на то, что, на первый взгляд, данная редакция лишь вобрала в себя уже вошедшие ранее в правовую практику нормы, ч. 2 ст. 14 УПК впервые, на законодательном уровне, сняла многолетнюю дискуссию о возможности возложения бремени доказывания на обвиняемого в тех случаях, когда обязанность доказывания была первоначально исполнена стороной обвинения. Теперь, согласно закону, подобное переложение является недопустимым. Между тем, очевидно, что речь в данном случае идет именно о невозможности переноса на подсудимого юридической обязанности доказывания, а не объективной необходимости осуществления доказательственной активности, которая может вынудить сторону защиты включаться в доказывание по мере развития судебного состязания.

Для того чтобы иметь представление о соотношении понятий «бремя доказывания», «обязанность доказывания», «объективная необходимость доказывания» целесообразно обобщить как уже частично представленный в настоящей работе доктринальный анализ проблематики, так и исследовать нормативный механизм распределения бремени доказывания. Последний не определяется исключительно текстуальным содержанием презумпции невиновности и принципа состязательности сторон, а включает в себя также категории предмета, пределов и стандартов доказывания (доказанности). Кроме этого, с процессом распределения бремени доказывания тесно связана проблематика правового интереса и юридических санкций как основных драйверов процессуальной активности участников доказывания. Весомый вклад в распределение бремени вносят и формальные средства доказывания (прежде всего презумпции). Данные проблемы будут также частично рассмотрены в настоящем параграфе.

В доктрине рядом авторов категория «бремя доказывания» отождествляется с категорией «обязанность доказывания». Так, согласно В. А. Морквину: «Бремя доказывания можно определить как предусмотренную уголовно-процессуальным законодательством обязанность доказывания определенного тезиса, неисполнение которой влечет применение процессуальных санкций»⁶⁰. Как синонимы, данные понятия рассматривает и М. А. Дрягин⁶¹. Другие авторы считают, что бремя доказывания и обязанность доказывания, с правовой точки зрения, далеко не одно и то же. Согласно определению, данному в монографии А. В. Кудрявцевой и Ю. И. Великосельского, бремя доказывания в уголовном процессе — это правовое явление, означающее объективную необходимость, обусловленную преследуемыми участниками интересами, обосновывать доводы, приводимые при положительных утверждениях и представлять доказательства для их подтверждения⁶². Представляется, что, следует согласиться с ранее представленной позицией классика российского уголовного процесса И. Я. Фойницкого, который считал, что бремя доказывания — это более широкая правовая категория, которая включает в себя как фактическую, так и юридическую обязанность доказывания.⁶³

Представляется, что понимание бремени доказывания в отечественном уголовном процессе как сложной правовой категории является актуальным и поныне. Таким образом, бремя доказывания

⁶⁰ См. Морквин В. А. Правовые презумпции в уголовном судопроизводстве России: дисс. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. С. 102

⁶¹ См. Дрягин М. А. Презумпция невиновности в российском уголовном судопроизводстве: дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. С. 135

⁶² См. Кудрявцева А. В. Великосельский Ю. И. Функция защиты на стадии предварительного расследования. Челябинск, 2006. С. 125

⁶³ См. параграф 1 настоящей работы.

в настоящей работе в дальнейшем, если иное не обуславливается контекстом, будет пониматься как **родовое понятие**, объединяющее в себе две более узких категории: юридическую **обязанность** доказывания и фактическую (объективную) **необходимость** доказывания. Разницу между этими двумя категориями помогает понять, в том числе, и обращение к общей теории права. Так, согласно Е. М. Хохловой признаками юридической обязанности являются: 1) наличие государственной необходимости (долженствования); 2) преследование цели удовлетворения интересов управомоченного лица; 3) существование в рамках определенного правоотношения — общего или конкретного; 4) наличие границ, очерченных законом (нормой права); 5) невозможность функционирования вне связи с субъективным правом; 6) наличие возможности государственного принуждения⁶⁴. Согласно Н. И. Матузову структуру юридической обязанности составляют: 1) необходимость для субъекта совершить определенные действия или воздержаться от них; 2) необходимость отреагировать на обращенные к нему требования управомоченного; 3) необходимость нести юридическую ответственность за неисполнение этих требований; 4) необходимость не препятствовать контрагенту пользоваться благом, на которое он имеет право⁶⁵.

Как особую разновидность общеправовой категории «обязанность» следует рассматривать и более узкую обязанность уголовно-процессуального доказывания. А. В. Авилов выделяет следующие ее признаки: 1) возможность использования мер процессу-

⁶⁴ См. Хохлова Е. М. Субъективное право и юридическая обязанность в механизме правового регулирования: дисс. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2008. — С. 87

⁶⁵ См. Матузов Н. И. Теория государства и права. М., 2014. С. 389

ального принуждения в ходе осуществления собирания, проверки и оценки доказательств всех обстоятельств и фактов, которые имеют значение для уголовного дела; 2) обязанность доказывания как вид деятельности имеет своей целью установление в ходе собирания проверки и оценки доказательств всех обстоятельств и фактов, которые имеют значение для уголовного дела; 3) обязанность доказывания составляет основу деятельности специальных участников уголовного судопроизводства, обусловленную их процессуальным положением и компетенцией⁶⁶.

Объективная необходимость доказывания, по мнению автора, с общетеоретической точки зрения является промежуточной правовой категорией между категориями «обязанность доказывания» и «право доказывания». Признаком, объединяющим юридическую обязанность доказывания и объективную необходимость доказывания, выступает наступление негативных последствий недоказанности. Однако, при этом, если при неисполнении юридической обязанности доказывания негативные последствия заключаются в виде возможного применения легально определенных санкций, то при отказе от реализации (недостаточно активной реализации) объективной необходимости доказывания, участник уголовного процесса несет риск недоказанности юридически значимых обстоятельств, в признании которых доказанными он заинтересован. В англосаксонской доктрине данный термин именуется как «the risk of non-persuasion»⁶⁷. Таким образом, ввиду наличия

⁶⁶ См. Авилов А. В. Субъекты обязанности доказывания в уголовном судопроизводстве: дисс. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 24

⁶⁷ Дословно в пер. с английского «риск неубеждения» см. Виноградов В. А. Распределение бремени доказывания в уголовном процессе Англии и США // Российское правосудие. — 2016. — № 8. — С. 97–101

процессуального интереса с одной стороны и отсутствия легальных санкций за отказ от реализации доказывания — с другой, объективная необходимость доказывания в определенной степени занимает промежуточное положение между юридической обязанностью доказывания и субъективным правом на осуществление доказывания.

Возложение бремени доказывания на субъектов уголовного процесса не устанавливается исключительно через прямое предписание закона, как это имеет место в ч. 2 ст. 14 и ч. 4 ст. 235 УПК. Его наличие и структура могут определяться также рядом иных способов: 1) посредством системного и логического толкования законодательства; 2) через содержание предмета доказывания 3) с помощью использования формальных средств доказывания (главным образом презумпций). Представляется целесообразным, далее, рассмотреть каждый из них.

1. УПК содержит ряд правовых норм, суть которых сводится к регламентации надлежащей доказательственной деятельности участников уголовного процесса, без использования при этом правовых терминов «бремя», «обязанность», «необходимость». Так, согласно ч. 4 ст. 7 УПК определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя должны быть законными, **обоснованными** и мотивированными; ч. 2 ст. 21 УПК предусматривает обязанность по **установлению** события преступления, **изобличению** лица или лиц, виновных в совершении преступления; ч. 3 ст. 37 УПК устанавливает, что в ходе судебного производства по уголовному делу прокурор **поддерживает** государственное обвинение, обеспечивая его законность и **обоснованность**; в соответствии с ч. 1 ст. 86 УПК **собрание** доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства

дознанием, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий; на основании ст. 87 УПК проводится **проверка** доказательств дознавателем, следователем, прокурором, судом путем **сопоставления** их с другими доказательствами; ч. 1 ст. 88 УПК содержит правило, что каждое доказательство подлежит **оценке** с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела; ч. 1 ст. 240 УПК предписывает непосредственно **исследовать** доказательства, для чего суд производит следственные действия; согласно ч. 2 ст. 274 УПК первой **представляет** доказательства сторона обвинения, а после исследования доказательств, представленных стороной обвинения, исследуются доказательства, представленные стороной защиты. Кроме того, ст. 292 УПК предусматривает участие государственного обвинителя и защитника в прениях сторон, которые подытоживают доказательственную деятельность участников уголовного процесса в суде первой инстанции. Очевидно, что перечисленная выше деятельность невозможна без реализации бремени доказывания. Для профессиональных участников она будет носить, прежде всего, характер юридической обязанности для непрофессиональных, в свою очередь, объективной необходимости.

2. Возложив общую обязанность доказывания на публичные органы и должностных лиц законодатель, в целом, снял вопрос о том, «кто доказывает?», но максимально точно определить ее объем и содержание можно лишь путем обращения к общему предмету доказывания по уголовному делу, то есть, ответив тем самым на вопрос «что именно подлежит доказыванию стороной обвинения?».

Согласно первой точке зрения, предмет доказывания понимается ограничено, — с включением в него лишь главного факта,

подлежащего доказыванию в ходе уголовного судопроизводства. Такой позиции придерживались, в частности, Л. Т. Ульянова и В. А. Банин: «Предмет доказывания образуют не все обстоятельства, установление которых имеет какое-либо значение, а именно те, от которых зависит разрешение дела, по существу. Предмет доказывания может быть только один. Нет и не может быть множества предметов доказывания по уголовному делу»⁶⁸.

Другая, более многочисленная, группа исследователей наряду с главным фактом, относит к предмету доказывания в уголовном процессе и другие обстоятельства. Признавая, что событие преступления, элементы состава преступления, виновность подсудимого подлежат установлению при производстве по уголовному делу в первую очередь, эти авторы отмечают, что заранее определить содержание предмета доказывания при производстве по уголовному делу невозможно — ввиду его индивидуальности в каждом отдельном случае⁶⁹.

Представляется, что следует согласиться с В. А. Лазаревой, которая утверждает о невозможности исчерпывающе установить в тексте нормативного акта универсальный предмет доказывания в силу уникальности процесса доказывания в каждом отдельном случае. Это привело к появлению в науке уголовного процесса термина «обстоятельства, подлежащие доказыванию», включающего

⁶⁸ Ульянова Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М., 2008. С. 43

⁶⁹ См. Петрова О. В., Струкова В. В. Уголовно-процессуальное доказывание. Курск, 2013. С. 67; Терехин В. В., Наметкин Д. В., Смолин А. Ю. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: учебное пособие. Н. Новгород, 2013. С. 52; Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 50; Чурилов С. Н. Предмет доказывания в уголовном судопроизводстве и криминалистике. М., 2010. С. 36

в себя иные, кроме указанных в ст. 73 УПК, юридически значимые факты, подлежащие доказыванию при производстве по уголовному делу⁷⁰. Солидарное мнение высказывалось и одним из классиков отечественной процессуальной науки С. А. Шейфером⁷¹.

По мнению автора настоящей работы, наиболее емко и точно содержание предмета доказывания в уголовном процессе определил А. В. Победкин. Во-первых, это обстоятельства, подлежащие доказыванию по каждому уголовному делу (ст. 73 УПК); во-вторых, обстоятельства, подлежащие выяснению по отдельным категориям уголовных дел (ст. 421, 434 УПК); в-третьих, доказательственные (промежуточные) факты; в-четвертых, обстоятельства, установление которых необходимо для принятия отдельных процессуальных решений.⁷² Можно согласиться с мнением С. В. Малюгина, что данные обстоятельства образуют так называемый «локальный предмет доказывания».⁷³ Представляется вполне допустимым и использование категории «промежуточный предмет доказывания». При этом, в отличие от обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК, юридически значимые обстоятельства, образующие локальные предметы доказывания, определяются спецификой каждого конкретного уголовного дела и совокупностью целого ряда индивидуальных факторов. Так, при поступлении уголовного дела в суд судья может назначить предварительное слушание для решения вопросов, предусмотренных ч. 1 ст. 236 УПК. В свою

⁷⁰ См. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе. М., 2013. С. 143

⁷¹ См. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М., 2014. С. 56

⁷² Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. М., 2009. С. 114

⁷³ Малюгин С. В. Локальный предмет доказывания в уголовном судопроизводстве России // Российский юридический журнал. — 2014. — № 2. — С. 98–103

очередь, в случае отсутствия предварительного слушания не существуют и промежуточные процессуальные решения, принимаемые по его итогам и процесс распределения бремени доказывания их оснований.

Таким образом, наличие обстоятельств, подлежащих установлению (предмет доказывания), не может не порождать вопроса о субъектах бремени доказывания данных обстоятельств. И наоборот, — наличие общей процессуальной обязанности доказывания, существование которой обусловлено целями уголовного судопроизводства, общими принципами уголовного процесса и наличием уголовно-процессуальных функций, в ряде случаев, обуславливает появление соответствующего предмета доказывания. Так, в соответствии с п. 12 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, ознакомившись с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК, защитник, при необходимости, должен заявить соответствующие ходатайства (например, об исключении недопустимого доказательства), которые повлекут за собой возникновение бремени доказывания их обоснованности (необоснованности)⁷⁴.

3. формальные средства доказывания вносят существенный вклад в распределение бремени доказывания — либо путем полного освобождения участника уголовного судопроизводства от его реализации, либо значительно упрощая для него данный процесс. К наиболее значимым из них для уголовно-процессуальной практики можно отнести презумпции, фикции и преюдицию.

⁷⁴ Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.) Доступ из СПС «Гарант» (Дата обращения 02.10.2023)

Презумпция — это индуктивное умозаключение о вероятном существовании факта, основанное на статистически закономерной, обусловленной повторяемостью явлений и процессов взаимосвязи между имеющимся и презюмируемым фактами⁷⁵. Правовые презумпции выступают в качестве средств юридической техники, представляющих собой профессиональные механизмы упрощения и оптимизации процедуры рассмотрения дела, средств рационализации юридической деятельности⁷⁶. Существенным признаком презумпции также является ее опровержимость в чем собственно и заключается бремя того участника уголовного судопроизводства против которого действует конкретная презумпция. Более того, само назначение презумпций, в том числе, и состоит в предоставлении той или другой стороне возможности опровергать наличие юридического факта⁷⁷.

Поскольку значительное число юридически значимых обстоятельств, образующих предмет доказывания (в том числе и главный факт, предусмотренный пп. 1–5 ч. ст. 73 УПК), являются уголовно-правовыми, а не уголовно-процессуальными, то существенное значение при распределении бремени доказывания, помимо процессуальных, имеют и уголовно-правовые презумпции. В отличие от классических правовых презумпций, к которым относится и презумпция невиновности, ни одна из уголовно-правовых презумпций не имеет прямой юридической конструкции, — они

⁷⁵ См. Пронина М. П. Презумпции в современном российском праве: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С. 7

⁷⁶ См. Давыдова М. Л. Правовые презумпции в системе средств юридической техники // Юридическая техника. — 2010. — № 4. — С. 170

⁷⁷ См. Смирнов А. В. Калиновский К. Б. Презумпции в уголовном процессе // Российское правосудие. — 2008. — № 4. — С. 71

расположены в общей части УК РФ и все являются косвенными, поскольку выводятся из смысла соответствующих статей, но прямо в них не закреплены⁷⁸.

К уголовно-правовым презумпциям К. К. Панько относит, в том числе, следующие: знания закона (ст. 9 УК); истинности уголовного запрета (ст. 9, 10 УК); непонимания лицом до достижения 14–16 лет общественной опасности совершаемого им деяния (ч. 1, 2 ст. 20 УК); осознания лицом, достигшим 14–16-летнего возраста на момент совершения преступления, вредности своего поведения (ч. 1, 2, 3 ст. 20 УК); увеличения степени опасности правонарушения при рецидиве преступлений (ст. 18, п. «а» ч. 1 ст. 63 УК); истинности приговора (ст. 70, 73 УК); понимания характера опасности своего деяния лицом, находящимся в состоянии опьянения (ст. 23 УК); предположения о возможности совершения вновь тождественного деяния подсудимым, если он будет после осуждения заниматься той же деятельностью или занимать ту же должность (ст. 74 УК); утраты общественной опасности совершенного правонарушения и личности преступника по истечении длительных сроков с момента совершения деяния (ст. 78, 83 УК); повышения общественной опасности содеянного при совершении преступления с отягчающими, квалифицирующими обстоятельствами⁷⁹.

Между тем, как отмечает Л. М. Астемирова: «Показательно, что практически каждая презумпция, нашедшая отражение в российском законодательстве, становится предметом дискуссий

⁷⁸ См. Пронина М. П. Презумпции в современном российском праве. М. 2011. С. 74

⁷⁹ См. Панько К. К. Презумпции в уголовном праве и процессе, их значение и квалификация // Вестник Воронежского государственного университета. серия «Право». — 2013. — № 1. — С. 325

и разноречивого толкования».⁸⁰ Так, несмотря на то, что рядом авторов утверждается о существовании презумпции вменяемости подсудимого,⁸¹ что означало бы освобождение стороны обвинения от обязанности ее доказывания, изучение судебной практики позволяет сделать вывод о существовании именно презумпции невменяемости⁸². А. В. Смирнов указывает на одну из наиболее существенных ошибок при описании презумпций: «Презумпции следует отличать от оснований правовых норм. Например, ограничивая возраст уголовной ответственности (14–16 лет) законодатель исходил из вероятного предположения, что до достижения этого возраста лицо еще вряд ли способно, в полной мере, осознавать общественную опасность своих противоправных действий. Однако было бы неправильно полагать, что существует презумпция неразумения лицом, не достигшего возраста уголовной ответственности, значения своих действий»⁸³. В противном случае сторона обвинения имела бы возможность опровергая ее осуществлять уголовное преследование лиц не достигших данного возраста, что, разумеется, является нереальным.

⁸⁰ Астемирова Л. М. Презумпции в российском праве: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2010. С. 3

⁸¹ См. Groшев А. В. Презумпции в уголовном праве их роль в правоприменительной деятельности // Юридическая техника. — 2010. — № 4. — С. 21; Кузнецов И. П. Доказывание и его особенности на стадиях уголовного процесса России: дисс. ...докт. юрид. наук: Воронеж, 1998. С. 121; Дрягин М. А. Презумпция невиновности в российском уголовном судопроизводстве: дисс. ...канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. — С. 144.

⁸² См. Виноградов В. А. Кто должен доказывать вменяемость, алиби и состояние необходимой обороны? // Уголовный процесс. — 2019. — № 11. — С. 54–58

⁸³ Смирнов А. В. Презумпции и распределение бремени доказывания в уголовном процессе // Государство и право. — 2008. — № 1. — С. 60

Правовая фикция — это прием юридической техники, существующий в виде законного неопровержимого предположения, который применяется в уголовном судопроизводстве с целью упорядочения правоотношений и их согласования с установленными нормативными предписаниями.⁸⁴ Д. В. Зотов перечисляет основные виды содержания доказательственных фикций: 1) представление о существовании факта, о котором известно, что он вовсе не существует или существует в другом виде; 2) представление о существовании факта, не доказанного с достаточностью, но предполагаемого; 3) представление о факте, выражающемся в трактовке другого известного факта, эквивалентного первому; 4) представление о факте (событии, явлении) как о несуществующем, в то время как он существует. «Одним из ключевых признаков фикции как средства юридической техники, отличающим ее от иных форм фиктивного в праве, является очевидность и сознательность ее использования в процессе правотворческой и правоприменительной деятельности. Вымысел, несоответствие объективной действительности правовых установлений, осознается и адресантом и адресатом правовой нормы»⁸⁵. Прямая фикция закрепляется, как правило, с помощью слов «считается», «не считается», «не учитываются» и др. Косвенные фикции выводятся из текста нормативно-правового акта путем толкования⁸⁶.

⁸⁴ Каландаришвили Х. А. Правовая фикция и ее проявления в российском уголовном процессе // Судебная власть и уголовный процесс. — 2021. — № 4. — С. 42–68

⁸⁵ Зотов Д. В. Доказательственные фикции в уголовном процессе // Судебная власть и уголовный процесс. — 2019. — № 2. — С. 167

⁸⁶ См. Васильев А. А. Зацепина О. Е. Презумпции и фикции как элементы текста нормативно-правового акта // Юрислингвистика. — 2017. — № 6. — С. 26–27

По мнению А. А. Тарасенко следующие уголовно-правовые нормы, сконструированы законодателем с помощью такого средства правотворческой техники, как правовая фикция: принцип законности (ч. 1 ст. 3 УК РФ); принцип равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ); основание уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ); действие уголовного закона во времени (ч. 2 ст. 9 УК РФ); обратная сила уголовного закона (ч. 1 ст. 10 УК РФ); рецидив преступлений (ч. 4 ст. 18 УК РФ); невиновное причинение вреда (ст. 28 УК РФ); посредственный исполнитель преступления (ч. 2. ст. 33 УК РФ); совершение преступления организованной группой (ч. 3 ст. 35 УК РФ); обстоятельства, исключающие преступность деяния (гл. 8 УК РФ); назначение наказания при рецидиве преступлений (ст. 68 УК РФ); судимость (ч. 2 и 6 ст. 86 УК РФ); примечания к ст. 131 УК РФ⁸⁷.

Как и презумпция, фикция освобождает участника уголовного процесса от бремени доказывания фиктивного положения, но если в случае действия презумпции, бремя доказывания снимается с него лишь первоначально, то фикция снимает его окончательно ввиду невозможности ее опровержения.

Использование института преюдиции в процессе доказывания в современном отечественном уголовном процессе предусмотрено ст. 90 УПК, согласно которой обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, за исключением приговора, постановленного судом в соответствии со ст. 226.9, 316 или 317.7 УПК, либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются

⁸⁷ См. Тарасенко В. В. Презумпции и фикции в современном уголовном праве России: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 22

судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки.

Такие приговор или иное суда решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле. При этом, Конституционный Суд РФ указал следующее: *«Признание при рассмотрении уголовного дела преюдициального значения фактических обстоятельств, установленных вступившим в законную силу судебным актом, разрешившим дело по существу в порядке гражданского судопроизводства, не может препятствовать рассмотрению уголовного дела на основе принципа презумпции невиновности лица, обвиняемого в совершении преступления, которая может быть опровергнута только посредством процедур, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, и только в рамках уголовного судопроизводства»⁸⁸.*

Это освобождает сторону обвинения от бремени доказывания фактических обстоятельств, установленных судами за рамками уголовного процесса, однако не снимает с нее обязанность оценить юридически значимые обстоятельства именно в их уголовно-правовом значении. *«Пределы действия преюдициальности судебного решения объективно определяются тем, что установленные судом в рамках его предмета рассмотрения по делу факты в их правовой сущности могут иметь иное значение в качестве элемента предмета доказывания по другому делу, поскольку предметы доказывания в разных видах судопроизводства не совпадают,*

⁸⁸ абз. 4 п. 1 резолютивной части Постановления Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 N 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 17.10.2024).

а суды в их исследовании ограничены своей компетенцией в рамках конкретного вида судопроизводства»⁸⁹.

Так, отменяя решения судов первой и апелляционной инстанций, Четвертый кассационный суд общей юрисдикции, в частности, указал следующее: *«Выводы судов первой и апелляционной инстанций о том, что решение Арбитражного суда от 03.04.2019 по делу №... не может являться доказательством совершения подсудимым преступления по ч. 1.1 ст. 293 УК РФ, поскольку в этом решении не исследовался вопрос о наличии состава преступления по названному обвинению, является преждевременным, основанным на неверном толковании закона. По смыслу уголовного закона, институт преюдиции подлежит применению с учетом принципа свободы оценки доказательств судом, вытекающего из конституционных принципов независимости и самостоятельности судебной власти, при этом фактические обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом, сами по себе не определяют выводы суда о виновности обвиняемого по уголовному делу, которая устанавливается на основе всей совокупности доказательств, равно как и уголовно-правовая квалификация действий (бездействия) лица определяется исключительно в рамках процедур, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. При этом в уголовном судопроизводстве результатом преюдиции может быть принятие судом данных только о наличии либо об отсутствии какого-либо деяния или события, но не его квалификация*

⁸⁹ абз. 1 п. 3.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 N 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 17.10.2023).

(Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2011 № 30-П). С учетом изложенного, вступившее в законную силу решение Арбитражного суда К-го края от 03.04.2019 по делу №... о признании незаконным действий Г. подлежало оценке судом в совокупности с другими доказательствами по делу. При этом, согласно главе IV Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации к компетенции арбитражных судов не относится исследование вопроса о наличии состава преступления в действиях ответчика, в связи с чем, данный вопрос не подлежал установлению по делу №...»⁹⁰

Автором разделяется позиция В. М. Ястребова: «Сфера действия преюдиции ограничена исключительно фактическими обстоятельствами дела и не включает их правовую оценку»⁹¹. Таким образом, ошибочным будет являться, с одной стороны, как игнорирование в процессе доказывания относимых к уголовному делу преюдициальных решений и установленных ими фактов, а с другой — отказ от их повторной переоценки с учетом принципов и правил уголовного процесса. «Преюдицию необходимо трактовать не как запрет на познание преюдициальных фактов, отраженных в приговоре, а как обязательность особой формы их познания»⁹².

Теоретическую конструкцию бремени доказывания нельзя считать завершенной без определения критерия его надлежатель

⁹⁰ Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 26 сентября 2023 г. по делу № 77-3301/2023 / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения: 17.10.2023).

⁹¹ Ястребов В. М. Отдельные особенности унификации правил преюдиции в судопроизводстве // *Sciences of Europe*. — 2020. — № 50-5 (50). — С. 52

⁹² Салеева Ю. Е. Преюдиция в современном уголовном процессе России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Н Новгород, 2014. С. 23

реализации соответствующим участником уголовного процесса. Можно признать, что таковым является достижение субъектом бремени доказывания надлежащего стандарта доказанности обстоятельств, образующих предмет доказывания в конкретном производстве. Главной методологической проблемой, в данном контексте, представляется ошибочное смешение понятий «стандарт доказанности» и «пределы доказывания». Согласно О. В. Левченко, «пределы доказывания» — это границы, в которых осуществляется соби́рание, проверка и оценка различных средств доказывания в необходимой и достаточной их совокупности в целях достижения истины по уголовному делу»⁹³. В свою очередь, А. Б. Коновалова полагает, что критерием достижения глубины доказывания выступает формирование соответствующего внутреннего убеждения у лица, осуществляющего обоснование конкретного юридического факта⁹⁴.

В целом, при определении понятия пределов доказывания отечественными учеными используются два основных критерия — количественный и качественный. Под количественным критерием понимается предоставление субъектом доказывания необходимой совокупности доказательств. Под качественным — их способность формировать определенную степень внутреннего убеждения у лица (о вероятном или достоверном характере доказанности обстоятельств, составляющих предмет доказывания), принимающего процессуальное решение. Позиция о различии количественного и качественного критериев, в частности, выражена С. А. Барабашем: «Пределы доказывания характеризуют существующее

⁹³ Левченко О. В. Доказывание в уголовном процессе России. Астрахань, 2000. С. 91

⁹⁴ См. Коновалова А. Б. Основы теории доказывания Киров, 2012. С. 70

наличие доказательств, достаточность характеризует их с позиции возможности получения знания. Пределы доказывания — количественная характеристика, достаточность — качественная. Или точнее, пределы доказывания превращаются в новое качество, в знание при их достаточности. Достаточность характеризует скачок — переход количества в качество»⁹⁵.

Нельзя не согласиться, что количественный и качественный критерий — различные категории, поэтому, представляется, методологически целесообразным дифференцировать каждую из них. Под количественным критерием следует понимать минимально необходимую совокупность доказательств для установления какого-либо факта, входящего в предмет доказывания. Обязательность представления необходимого объема доказательств субъектом бремени доказывания устанавливается законодателем, правовыми позициями высших судебных органов, а также судебной практикой. Например, в соответствии со ст. 196 УПК надлежащие пределы доказывания при производстве по ряду уголовных дел невозможно достичь без представления такого доказательства как заключение эксперта (экспертов). Особую роль в установлении так называемых «обязательных доказательств»⁹⁶ по уголовному делу играют правовые позиции Верховного Суда РФ. Таковыми доказательствами ими, в том числе, признаются: копии соответствующих

⁹⁵ Барабаш А. С. Сущность уголовного процесса и его роль в формировании ответственности правонарушителя. Красноярск, 1997. С. 88

⁹⁶ Обязательные доказательства — это сведения, которые не могут быть установлены или подтвердаться другими доказательствами по уголовному делу обладающие наибольшей ценностью, как с точки зрения познания, так и аргументации своей позиции стороной в уголовном судопроизводстве. См. Брянская Е. В. Аргументирующая сила обязательных доказательств в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. — 2016. — № 10. — С. 55

судебных решений по вопросам, связанным с исполнением приговора (ст. 399 УПК)⁹⁷; копия постановления о возбуждении уголовного дела и протокола задержания при рассмотрении ходатайства о применении меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 108 УПК)⁹⁸; копия постановления о возбуждении уголовного дела и принятии его к своему производству при судебном порядке рассмотрения ходатайства о проведении следственного действия (ст. 165 УПК)⁹⁹; документы, устанавливающие личность подсудимого и достоверность содержащихся в уголовном деле персональных данных подсудимого (ст. 265 УПК)¹⁰⁰; заключение эксперта для решения вопроса о том, являются ли оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами или взрывными устройствами предметы, которые лицо незаконно носило, хранило, приобрело, изгото-

⁹⁷ п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 N 21 (ред. от 18.12.2018) «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 19.10.2023).

⁹⁸ п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 42 (ред. от 15.12.2022) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» / доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 19.10.2023).

⁹⁹ п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 N 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 19.10.2023).

¹⁰⁰ п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 N 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 19.10.2023).

вило, сбыло или похитило (ст. 222, 226 УК)¹⁰¹; заключение эксперта при определении особой исторической, научной, художественной или культурной ценности похищенных предметов или документов (ст. 164 УК)¹⁰²; заключение эксперта или специалиста для определения вида средств и веществ (наркотическое, психотропное или их аналоги, сильнодействующее или ядовитое, новое потенциально опасное психоактивное), их размеров, названий и свойств, происхождения, способа изготовления, производства или переработки, а также для установления принадлежности растений к культурам, содержащим наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры (ст. 228–234.1 УК)¹⁰³; протокол освидетельствования лица, управляющим транспортным средством, на предмет употребления веществ, вызывающих алкогольное опьянение (ст. 264, 264.1 УК)¹⁰⁴.

¹⁰¹ п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 N 5 (ред. от 11.06.2019) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 19.10.2023).

¹⁰² абз. 5 п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 19.10.2023).

¹⁰³ п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 19.10.2023).

¹⁰⁴ п. 10.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 N 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 19.10.2023).

В свою очередь, способность представленной субъектом бремени доказывания необходимой совокупности доказательств сформировать у лица, принимающего процессуальное решение, достаточную степень внутреннего убеждения в доказанности (недоказанности) определенного факта, входящего в предмет доказывания, означает, что им достигнут надлежащий стандарт доказанности входящих в предмет доказывания обстоятельств (главных, предусмотренных ст. 73 УПК, или промежуточных). Именно стандарт доказанности обстоятельств, составляющих предмет доказывания, создает ориентир для субъекта бремени доказывания в процессе своей деятельности по собиранию, проверке и оценке доказательств, способный дать ответ на вопрос — соблюден ли критерий достаточности в осуществлении доказывания, и может ли собранная и представленная суду совокупность доказательств убедить его в доказанности юридически значимого обстоятельства.

В отличие от англосаксонской доктрины, предусматривающей множество стандартов доказанности, соответствующих достижению судом различной по глубине степени внутреннего убеждения¹⁰⁵, в отечественном уголовном процессе существуют лишь два общепризнанных стандарта доказанности — достижение в результате процесса доказывания либо **вероятного**, либо **достоверного** знания о наличии (отсутствии) юридически значимого обстоятельства.

При этом, к сожалению, в отечественной теории уголовного процесса не выработан единый критерий, которому должна соответствовать достоверная убежденность суда в доказанности обстоятельств, составляющих предмет доказывания. Справедливое

¹⁰⁵ Neubauer D. Fradella H. Americas Courts and the criminal justice system. Boston, 2015. P. 36.

указание на тот факт, что обвинительный приговор суда должен содержать достоверные сведения, подтверждающие виновность подсудимого, не дает ответ на другой важнейший вопрос — допускается ли при постановлении обвинительного приговора хотя бы малейшее сомнение суда в доказанности наличия события и состава преступления и причастности подсудимого к его совершению? В настоящий момент отрицательный ответ на данный вопрос дает норма, предусмотренная ч. 3 ст. 14 УПК: «Все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу обвиняемого». В действующей редакции ее содержание соответствует англосаксонскому стандарту доказанности «вне тени сомнений» («Beyond the shadow of doubts») — с одной стороны предоставляя подсудимому более высокую гарантию реализации его права на защиту, с другой — изначально ставя под сомнение возможность его практического воплощения в юридической практике.

Представляется, что даже при самом требовательном отношении к доказательствам обвинения, а также участию в уголовном преследовании самых профессиональных прокуроров, следователей и дознавателей, практически невозможно обеспечить отсутствие хотя бы минимальных сомнений у суда в доказанности обвинения по ряду уголовных дел. Об этом пишет и Д. А. Мезинов: «Но возможно ли внутреннее убеждение «вне всякого сомнения» у вменяемого, объективно и разносторонне (а не субъективно и шаблонно) мыслящего человека (судьи, прокурора, следователя)? При многих обстоятельствах такой человек, делая маловероятные или невероятные (на первый взгляд) предположения об устанавливаемых фактах, будет переживать сомнения, которые невозможно полностью устранить, но и нельзя в конкретной ситуации признать разумными (например, при наличии достаточной совокупности

косвенных доказательств вины обвиняемого, делая предположения о том, что убийство совершил не он, а лицо, прошедшее к месту происшествия под неусыпным взором свидетелей, но оставшееся незамеченным ими в силу владения этим лицом навыками гипноза). По логике отвергающих стандарт «вне разумных сомнений» в таких ситуациях суду надо продолжать процесс познания, дальше проверяя подобные маловероятные и невероятные (на первый взгляд) версии? В реальности же именно стандарт «вне разумных сомнений» реализуется при исследовании обстоятельств совершения преступлений следователями, прокурорами, судьями, в том числе теми, которые считают, что устанавливают «объективную истину». Иными словами, ими устраняются именно «разумные сомнения», до устранения «неразумных сомнений», к счастью, на практике дело не доходит, иначе процесс исследования обстоятельств каждого совершенного преступления был бы бесконечен»¹⁰⁶.

Несмотря на то, что для определения степени доказанности прочих юридических фактов, не связанных напрямую, с доказыванием виновности подсудимого, вполне можно использовать категорию «вероятность» (с уточнением ее степени), не встречая на этом пути неразрешимых правовых проблем, отечественное уголовно-процессуальное законодательство использует только специальные, применяемые лишь в конкретном производстве, стандарты доказанности юридически значимых обстоятельств. Так, согласно правовой позиции Верховного Суда РФ: «Избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности

¹⁰⁶ Мезинов Д. А. Стандарт «вне разумных сомнений» как критерий достижения цели уголовно-процессуального доказывания // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2017. — № 23 — С. 45

лица к совершенному преступлению. Обоснованное подозрение предполагает наличие данных о том, что это лицо причастно к совершенному преступлению»¹⁰⁷. Данный стандарт доказанности причастности обвиняемого (подозреваемого) к совершению преступления именуется «обоснованное подозрение» и не соответствует, по мнению автора, не только достоверной, но даже высокой степени вероятности убежденности суда. Тем не менее, наличие лишь минимальных сведений о причастности лица к совершению преступления на начальных этапах уголовного преследования может быть достаточным (в совокупности с существованием иных необходимых условий) для избрания меры пресечения.

Таким образом, бремя доказывания в уголовном процессе объединяет в себе категории как юридической обязанности, так и объективной необходимости доказывания юридически значимых обстоятельств уголовного дела, установление которых необходимо для принятия судом итогового или промежуточного процессуального решения. Юридическая обязанность отличается от объективной необходимости доказывания официальным закреплением в правовых нормах и возможностью применения легальных санкций за ее невыполнение. Главными драйверами реализации объективной необходимости доказывания выступают наличие у участника доказывания процессуального интереса в установлении того или иного юридического факта и его фактическое процессуальное положение. В ходе движения уголовного дела могут складываться

¹⁰⁷ п. 2 «Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 20.10.2023).

ситуации, когда на участника доказывания возлагается лишь юридическая обязанность доказывания, только фактическая (объективная) необходимость доказывания, а также обе они одновременно.

Кроме прямого нормативного возложения бремени доказывания на участника уголовного процесса его объем и особенности распределения (перераспределения) определяется путем логического и системного толкования законодательства, уточнением предмета доказывания и обязательностью использования в конкретном уголовном деле соответствующих формальных средств доказывания. Критерием, как надлежащей реализации обязанности доказывания, так и осуществления объективной необходимости доказывания является достижение необходимых пределов доказывания и стандарта доказанности обстоятельств, составляющих предмет доказывания в конкретном производстве. Особенности возложения бремени доказывания на конкретных участников уголовного судопроизводства будут рассмотрены в следующей главе настоящей работы.

Глава 2. Распределение бремени доказывания в суде первой инстанции

§ 1. Распределение бремени доказывания при подготовке к судебному заседанию и проведении предварительного слушания

Проблематика бремени доказывания на этапе предания обвиняемого суду имеет два, хотя и органически взаимосвязанных, но, тем не менее, относительно самостоятельных аспекта: доказательственную деятельность судьи при поступлении уголовного дела в суд и доказательственную деятельность участников уголовного процесса в ходе предварительного слушания по уголовному делу.

Согласно ч. 1 ст. 227 УПК по поступившему уголовному делу судья принимает одно из следующих решений: 1) о направлении уголовного дела по подсудности; 2) о назначении предварительного слушания; 3) о назначении судебного заседания.

Между тем, по мнению Т. К. Рябининой: «За рамками правового регулирования остался центральный вопрос, характеризующий стадию подготовки уголовного дела к судебному заседанию как контрольно-проверочную стадию, — в чем собственно заключается сама проверка материалов поступившего в суд уголовного дела, то есть в законе не установлены ни предмет проверки материалов уголовного дела, ни пределы такой проверки, ни как итог такой проверки — основания назначения судебного разби-

рательства»¹⁰⁸. С данной позицией можно частично согласиться. Предметом познавательной деятельности судьи будут являться юридические факты, перечисленные в ч. 1 ст. 228 УПК и п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству»¹⁰⁹ (далее по тексту — «ППВС № 28»).

Однако, вопрос о том, что служит основанием (основаниями) для начала судебного разбирательства все равно остается актуальным. Согласно В. З. Лукашевичу: «Если ходатайства сторон о проведении предварительного слушания не были заявлены, и по собственной инициативе судья не установил оснований для назначения предварительного слушания, указанных в ст. 229 УПК, то судья выносит постановление о назначении судебного разбирательства без предварительного слушания»¹¹⁰. По мнению Г. М. Мерекутова и С. А. Лабановой суд в стадии назначения судебного заседания не должен вдаваться в существо дела, изучать доказательства, что следует из содержания ч. 1 ст. 228 УПК РФ¹¹¹.

¹⁰⁸ Рябинина Т. К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Курск, 2021. С. 7

¹⁰⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 N 28 (ред. от 15.05.2018) «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.12.2022) / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 08.11.2023).

¹¹⁰ Лукашевич В. З. Назначение судебного заседания по новому УПК РФ // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2002. — № 3. — С. 162

¹¹¹ См. Мерекутов Г. М. Лабанова С. А. Доказательственная деятельность суда в стадии назначения судебного разбирательства // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2012. — № 82. — С. 1152

Между тем, существует и позиция, согласно которой судье для принятия решения о начале судебного разбирательства по существу необходимо, помимо процессуальных вопросов, первоначально оценить и достаточность доказательственной базы обвинения на предмет его обоснованности: «Количественное установление судом наличия в деле доказательств, дающих начать судебное разбирательство уголовного дела, видится нам необходимым».¹¹² Сходное мнение также было выражено и С. В. Лупановой: «Суд должен оценить и проверить как законность досудебного производства по делу, обеспечивающую соблюдение основных прав и интересов участников процесса, имеющих в деле признаваемый законом интерес, так и законность, и обоснованность требования стороны обвинения о внесении дела в суд с целью разрешения вопроса о виновности обвиняемого или о наличии оснований для применения к данному лицу принудительных мер медицинского характера»¹¹³.

Однако и прямо противоположное мнение также нашло свое отражение в доктрине: «Разрешение вопроса о достаточности доказательств неизбежно предполагает разрешение вопроса о виновности обвиняемого. Даже если разграничить понятия достаточность для рассмотрения и достаточность для осуждения, сомнительным будет выглядеть оправдание подсудимого за недостаточностью доказательств его вины, если ранее судья

¹¹² Комбарова Е. Л. Особенности доказательственной деятельности, осуществляемой судом в процессе предварительного слушания уголовных дел // Судебная власть и уголовный процесс. — 2016. — № 1. — С. 150

¹¹³ Лупанова С. В. Предварительные слушания как форма подготовки дела к судебному разбирательству в российском уголовном процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 9–10

сам же установит, что доказательств для разрешения дела достаточно»¹¹⁴.

Представляется, что в условиях действия принципа состязательности уголовного судопроизводства, на судью не может быть возложена обязанность оценки доказательств по уголовному делу с точки зрения их достаточности, если речь не идет об особом порядке судебного разбирательства или о возможности прекращения уголовного дела. Более того, П. К. Барабанов высказал точку зрения, согласно которой предлагается направлять в суд не все материалы предварительного расследования, а только обвинительное заключение (обвинительный акт), а также документы, определяющие процессуальный статус вовлеченных в процесс лиц и о движении уголовного дела, то есть материалы уголовного дела, в которых отсутствуют собранные стороной обвинения сведения о доказательствах по уголовному делу: «Тем самым на этапе представления доказательств исключаются условия для обвинительного уклона судьи и тот не может содействовать стороне, не подготовившейся к процессу»¹¹⁵.

Ранее отечественное уголовно-процессуальное законодательство предусматривало обязанность оценки судом обвинительных доказательств на стадии предания обвиняемого суду с целью оценки обоснованности предъявленного обвинения (ч. 1 ст. 240 УПК РСФСР 1922 г.). В свою очередь, п. 3 ч. 1 ст. 22 УПК РСФСР 1960 г. предписывал судье при разрешении вопроса о назначении судеб-

¹¹⁴ Юрченко Л. В. Оценочные действия судьи на этапе подготовки к судебному заседанию: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2008. С. 87

¹¹⁵ Барабанов П. К. Реализация назначения уголовного судопроизводства при доказывании в суде первой инстанции: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Владимир, 2011. С. 16

ного заседания выяснять, были ли собраны доказательства, достаточные для рассмотрения дела в судебном заседании. Наличие подобной обязанности в советском уголовном судопроизводстве было обусловлено, в том числе, возможностью производства дополнительного расследования по уголовному делу в его «классическом» понимании — с целью восполнения неполноты предварительного расследования. В современных же правовых реалиях, когда суд не выступает на стороне обвинения и защиты, а цель установления объективной истины по уголовному делу не может достигаться в ущерб принципам уголовного судопроизводства, возложение на судью обязанности оценки доказательств на предмет их достоверности и достаточности, фактически означало бы превращение усмотрения судьи в источник движения уголовного дела. Помимо того, что доказательственная деятельность суда (судьи) не может, по общему правилу, подменять стороны в процессе доказывания, без возможности возвращения уголовного дела для устранения неполноты предварительного расследования данное предложение кроме концептуального изъяна лишается еще и правоприменительной целесообразности.¹¹⁶

Иная ситуация, по мнению автора, может иметь место лишь при производстве по уголовному делу в так называемом «особом порядке», что обусловлено как требованием ч. 7 ст. 316 УПК, так и логикой построения процедуры производства в суде первой инстанции — при производстве по уголовному делу в общем порядке для оценки и проверки доказательств предусмотрена процедура

¹¹⁶ Сходная позиция также получила свое отражение в доктрине. См. Костовская Н. В. Оценка доказательств при принятии процессуальных решений по уголовному делу судом первой инстанции: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 18

судебного следствия, в котором бремя доказывания возлагается, прежде всего, на сторону обвинения.

Устраниться от оценки доказательств судья не может также при необходимости принятия некоторых процессуальных решений при проведении предварительного слушания¹¹⁷. При этом, в силу их различного характера различным будет и степень объективной необходимости «погружения» суда в исследование материалов уголовного дела, несмотря на единый порядок судопроизводства для разрешения большинства данных вопросов.

При этом, констатировать возможность назначения предварительного слушания при наличии основания (оснований) для прекращения уголовного дела (п. 3 ч. 2 ст. 229 УПК) представляется невозможным без предварительной оценки большинства собранных стороной обвинения доказательств, что роднит данную процессуальную ситуацию с процедурой назначения особого порядка судебного разбирательства. Комплексный анализ ст. 73, 220, 22 УПК позволяет говорить о том, что в случае, если решение о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию выносится судом, то материалами уголовного дела должны в обязательном порядке подтверждаться обстоятельства, предусмотренные п. 1–5 ч. 1 ст. 73 УПК. Ввиду этого автор согласен с позицией В. А. Лазаревой и Ю. И. Максимихиной: «В тех случаях, когда итогом доказывания виновности является применение уголовного наказания, этот итог должен быть подтвержден

¹¹⁷ См. Максимова Т. Ю. Стадия назначения судебного заседания по уголовному делу: история и современность: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2007. С. 14–15; Осипков Е. Н. Действие принципа состязательности сторон на этапе подготовки к судебному заседанию в уголовном судопроизводстве России: автореф. ...дисс. канд. юрид. наук. Оренбург, 2009. С. 19

обвинительным приговором, имеющим законную силу. Но это не означает, что при завершении производства по уголовному делу иным способом виновность не требует доказывания». ¹¹⁸ Таким образом, судья при наличии оснований для прекращения уголовного дела в соответствии со ст. 25, 25.1 и 28 УПК еще до проведения предварительного слушания обязан оценить доказательства обвинения с точки зрения всех придаваемых им УПК свойств — относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Ст. 236 УПК предусматривает девять видов процессуальных решений, принимаемых по результатам предварительного слушания, которые можно условно разделить на три группы.

Первые предусмотрены п. 4 и п. 4.1 ст. 236 УПК и являются, наряду с приговором суда, итоговыми процессуальными решениями, а ядро предмета доказывания составляют именно вопросы главного факта, имеющие, в первую очередь, уголовно-правовое значение и предусмотренные ст. 73 УПК. Вторую группу образуют решения, предусмотренные пп. 3 и 5–6 ст. 236 УПК и ч. 5 ст. 235 УПК, связанные с определением надлежащего порядка дальнейшего движения уголовного дела и контролем за соблюдением требования законности в ходе уголовного судопроизводства. Наконец, третью группу составляют решения, имеющие, главным образом, промежуточное (процессуальное значение), однако их принятие невозможно без оценки ряда именно уголовно-правовых обстоятельств, предусмотренных, прежде всего, п. 1, и 3–4 ст. 73 УПК. К таковым относятся юридические факты, перечисляемые п. 1–2 и 7–8 ст. 236 УПК.

¹¹⁸ Лазарева В. А. Максимихина Ю. О. Проблемы установления виновности при прекращении уголовного дела в связи со смертью обвиняемого // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. — 2017. — № 1 (28). — С. 55–58

Соответственно, по мнению автора, говорить о наличии бремени доказывания при проведении предварительного слушания можно лишь в тех случаях, когда его участниками устанавливаются либо юридические факты, имеющие уголовно-правовое значение, либо промежуточные (локальные) факты, но посредством использования именно доказательств, а не путем обращения к документам, имеющим исключительно процессуальное (организационное) значение.

Процедура проведения судебного заседания регламентируется, прежде всего, положениями ст. 234 УПК и носит состязательный характер, несмотря на то, что в ряде случаев допускается его проведение в отсутствие обвиняемого.

Между тем, если при рассмотрении уголовного дела по существу бремя доказывания и как юридическая обязанность и как объективная процессуальная необходимость, возлагается, главным образом, на сторону обвинения, то при проведении предварительного слушания положение частично меняется. Такая ситуация обусловлена тем, что интересантом в доказанности большинства из альтернативно возможных юридических фактов, предусмотренных ст. 236 УПК, может быть, как сторона обвинения, так и сторона защиты. Кроме этого, ввиду того, что вопрос о виновности, за исключением наличия оснований для прекращения уголовного преследования, либо не обсуждается вовсе, либо исследуется косвенно, некоторым образом видоизменяется действие норм, содержащихся в ст. 14 УПК.

Ключевыми нормами, регламентирующими непосредственно процесс реализации участниками предварительного слушания бремени доказывания, являются положения ч. 1, 7, 8 ст. 234; 2–4 ст. 235 и ч. 1 ст. 271 УПК. В связи с этим Н. Н. Ковтун отмечает, что применительно к процедуре проведения предварительного

слушания более-менее урегулирован оказался лишь алгоритм действий его участников при решении вопроса об исключении недопустимых доказательств. «Суть проблемы в том, что допуская на этом этапе непосредственное исследование доказательств по правилам судебного следствия, законодатель не указывает при этом в ч. 1 ст. 234 УПК на необходимость учета и соблюдения основополагающих норм главы 37 УПК»¹¹⁹.

Таким образом, нормы УПК, регулирующие процесс доказывания при производстве предварительного слушания можно признать частично несовершенными в части двух принципиальных вопросов: 1) о круге участников процедуры предварительного слушания 2) о возможности в процессе доказывания собирания всех видов доказательств, предусмотренных УПК, и проведения для этого следственных действий, ведь именно глава 37 предусматривает их перечень и порядок проведения в рамках производства в суде первой инстанции.

Вопрос о субъектном составе участников процедуры предварительного слушания неоднозначно решается в науке уголовного процесса. Это, как представляется, обусловлено различным толкованием ч. 1, 2, 4 ст. 234 УПК в их логической взаимосвязи. Ввиду этого, некоторыми исследователями отмечается, что обязательность присутствия прокурора при проведении судебного заседания не является очевидной. Однако именно приказ Генеральной прокуратуры РФ предписывает обязательное участие прокурора в процессе проведения предварительного слушания: «Принимая во внимание, что в ходе предварительного слушания могут быть

¹¹⁹ Ковтун Н. Н. О спорных вопросах порядка проведения судьей предварительных слушаний по уголовным делам // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2006. — № 3. — С. 94

заявлены и разрешены ходатайства об исключении доказательств, о возвращении уголовного дела прокурору, о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, обеспечить обязательное участие прокурора на этом этапе уголовного судопроизводства, поскольку бремя опровержения доводов защиты лежит на прокуроре»¹²⁰. Изучение судебной практики показывает, что участие прокурора и защитника в судебных заседаниях является повсеместным¹²¹. Более того, имеются случаи, когда в судебном заседании присутствуют несколько представителей прокуратуры¹²². Такая практика выглядит правильной и способствует наиболее полному и глубокому изучению всех юридически значимых обстоятельств, образующих предмет доказывания, в условиях состязательного судопроизводства.

Вопрос о допустимой степени активности суда в собирании доказательств при проведении процедуры предварительного слушания, как и при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции по существу, остается дискуссионным. Так, А. Ю. Егоров выражает точку зрения, согласно которой пополнение доказательственной базы на данной стадии должно осуществляться только

¹²⁰ п. 1.7 Приказа Генпрокуратуры РФ от 20.11.2007 N 185 (ред. от 26.05.2008) «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 04.12.2023).

¹²¹ С помощью ресурса «Судакт» методом сплошной случайной выборки были исследованы 30 постановлений районных (городских) судов о возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК за 2020–2023 г. (все субъекты РФ)

¹²² Постановление Ленинского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан Постановление № 1-183/202 от 24 мая 2023 г. Доступ из электронной базы судебных решений / «Судакт» URL: sudact.ru (дата обращения 04.12.2023).

по инициативе сторон, что обеспечивает равенство их возможностей по отстаиванию своих интересов при рассмотрении дела по существу.¹²³ Напротив, А. В. Шигуров отмечает, что соби́рание доказательств судом не противоречит принципу состязательности сторон, поскольку решения, для принятия которых собираются доказательства, носят промежуточный характер (за исключением решения о прекращении уголовного дела или преследования), они не затрагивают вопросов виновности или невиновности обвиняемого»¹²⁴.

Представляется, что соби́рание доказательств судом на стадии предварительного слушания не только является допустимым, но и выступает юридической обязанностью судьи, поскольку, в ряде случаев, без её реализации невозможно как соблюсти требования к законности всего дальнейшего производства по уголовному делу, так и обеспечить такие свойства постановления суда, как его законность, обоснованность и мотивированность.

В этой связи, заслуживающими особого внимания представляются две правовые позиции Конституционного Суда РФ: 1) орган предварительного расследования и суд не вправе отказать подозреваемому или обвиняемому, его защитнику в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела, а суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе

¹²³ См. Егоров А. Ю. Состязательность в стадии назначения судебного заседания: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2003. С. 20

¹²⁴ Шигуров А. В. Подготовка уголовного дела к судебному заседанию в российском уголовном процессе: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Ижевск 2004. С. 25

в судебном заседании лица в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон (ч. 2 ст. 159, ч. 7 ст. 234 и ч. 4 ст. 271 УПК)¹²⁵; 2) орган предварительного расследования и суд не вправе отказать подозреваемому или обвиняемому, его защитнику в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела (ч. 2 ст. 159 и ч. 7 ст. 234 УПК).¹²⁶

Таким образом, можно признать, что Конституционным судом РФ фактически признана возможность применения положений главы 33 УПК при проведении предварительного слушания, что означает существование на стадии предания суду элементов судебного следствия¹²⁷.

¹²⁵ абз. 3 п. 2 Определения КС РФ от 29 мая 2019 г. № 1221-О/2019 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мазуровой Дианы Александровны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 221, 234, 237, 271 и 389.17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения 28.11.2023).

¹²⁶ абз. 4 п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 1616-О/2015 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Коровина Вадима Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части второй статьи 38, статьей 86, частью второй статьи 159, частями седьмой и восьмой статьи 234, частями первой и второй статьи 271, статьей 286 и частью шестой статьи 389.13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Decision/pages/default.aspx> (дата обращения 28.11.2023).

¹²⁷ Арсеньев Д. В. Должен ли порядок проведения предварительного слушания предусматривать судебное следствие? (некоторые суждения) // Право и правосудие в современном мире: актуальные проблемы публичного и частного права, сборник научных статей молодых исследователей. Санкт-Петербург, 2021. С. 536

Главное же различие в контексте распределения бремени доказывания между участниками предварительного слушания и судебного следствия в суде первой инстанции заключается в различном предмете, пределах и стандартах доказанности при соответствующих видах судопроизводства. Однако, можно признать, что при обсуждении вопроса о прекращении уголовного дела они соприкасаются и становятся, в значительной степени тождественными. Ввиду этого, при принятии решения о прекращении уголовного дела вина подсудимого должна подтверждаться достоверно, как и при рассмотрении уголовного дела в порядке, предусматривающем судебное следствие. Если судья по результатам предварительного слушания не убежден в доказанности обстоятельств, предусмотренных п. 1–5 ч. 1 ст. 7 УПК, и (или) в существовании оснований (условий) для прекращения уголовного дела, то он обязан назначить судебное разбирательство.

При установлении других обстоятельств, являющихся предметом доказывания при проведении предварительного слушания, на сторону обвинения возлагается обязанность их доказывания с достижением вероятного стандарта доказанности, поскольку они выступают основаниями для принятия промежуточных судебных решений. Между тем, остальные элементы презумпции невиновности, в частности, правило о толковании сомнений в доказанности (недоказанности) юридически значимых обстоятельств в пользу защиты, сохраняют свое действие в полном объеме.

§ 2. Распределение бремени доказывания при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции по существу

2.1 Бремя доказывания участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения

Рассмотрение уголовного дела в суде первой инстанции представляет собой центральную стадию всего отечественного уголовного процесса. Именно в ней наиболее ярко проявляют себя такие конституционные принципы уголовного судопроизводства, как его состязательность и презумпция невиновности. Кроме того, особенно отчетливо проявляются все процессуальные функции участников доказывания, ввиду того, что именно в ходе судебного следствия они получают максимальные возможности по реализации своих процессуальных интересов. Это касается не только профессиональных участников уголовного судопроизводства, но и лиц, обладающих, прежде всего, личными интересами — потерпевшего, гражданского истца (ответчика), их законных представителей, а также прочих лиц, вовлеченных в сферу уголовной юстиции.

На основании вышеизложенного, проблематика реализации бремени доказывания участниками производства по уголовному делу в суде первой инстанции не ограничивается вопросами, предусмотренными ст. 73 УПК. Предмет доказывания образуют

также вопросы, предусмотренные ст. 299 УПК¹²⁸ и касающиеся, в том числе, их имущественных прав. Такое положение вещей представляется вполне оправданным, поскольку в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК именно защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, выступает приоритетной целью всего уголовного судопроизводства. Данная норма обеспечивает реализацию базового права человека и гражданина на судебную защиту, предусмотренного ст. 52 Конституции РФ.

Время доказывания виновности подсудимого и как юридическая обязанность, и как объективная необходимость, при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции, в полном объеме возлагается на государственного обвинителя в соответствии с ч. 2 ст. 14, ч. 1 ст. 20, ч. 3 ст. 37 и ч. 1 ст. 246 УПК. Другие участники доказывания со стороны обвинения, в частности, потерпевший, хотя и обладают соответствующими интересами и правами стороны¹²⁹, не несут юридической обязанности доказывания. Однако, в ряде случаев, они обременены процессуальной объективной необходимостью активного участия в нем (чаще всего в случае недостаточной процессуальной активности государственного обвинителя).

¹²⁸ См. Кудрявцева А. В. Петров А. В. Доказывание и доказательства при осуществлении доказывания в уголовном судопроизводстве // Регулирование уголовно-процессуальных правоотношений: 20 летний опыт применения уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией К. А. Корсакова, В. А. Шиплюка. Санкт-Петербург, 2023. С. 49

¹²⁹ п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 N 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 07.12.2023).

Кроме конституционных принципов презумпции невиновности и состязательности сторон, базовым регулятором процессуальной активности прокурора выступает принцип публичности уголовного преследования. В доктрине основой его правового содержания признается то обстоятельство, что доказывание является не правом, а юридической обязанностью государственного обвинителя¹³⁰. При этом общую обязанность доказывания не следует отождествлять с должностными полномочиями на совершение (несовершение) отдельных процессуальных действий, то есть действий государственного обвинителя на основе своего внутреннего убеждения и усмотрения¹³¹. Последние обусловлены, прежде всего, тактикой поддержания государственного обвинения и этическими соображениями, однако все равно реализуются в рамках базовой обязанности уголовного преследования и доказывания обстоятельств, входящих в предмет доказывания, как ее основной составляющей.

Если обязанность доказывания представляет собой фундаментальную основу деятельности государственного обвинителя, то объективная необходимость активного участия в доказывании обусловлена состязательным характером уголовного судопроизводства и как законным, так и незаконным противодействием стороны защиты. На основании этого, активно участвовать в процессе доказывания государственному обвини-

¹³⁰ См. Александров А. С. Принципы уголовного судопроизводства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2003. — № 5. — С. 169; Рябцева Е. В. Соотношение принципа разумности, публичности и диспозитивности в уголовном процессе // Общество и право. — 2011. — № 5 (37). — С. 219

¹³¹ См. Козлова А. Н. Публичность как принцип уголовного судопроизводства: дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2007. С. 163

телю предписывают не только нормы УПК, но и подзаконные акты¹³².

Представляется, что управомоченными лицами, которые вправе требовать осуществления данной обязанности в уголовном процессе, являются, прежде всего, лица и организации, потерпевшие от преступления. Таким образом, можно констатировать, что между государством и конкретными лицами и организациями, которым фактом совершения общественно опасного деяния был причин вред, складываются уголовно-процессуальные правоотношения, основным содержанием которых является правосстановительная деятельность органов уголовного преследования в целом, и прокурора на судебных стадиях уголовного судопроизводства, в частности. Без осуществления обязанности доказывания невозможно привлечение виновных в совершении преступлений лиц к уголовной ответственности, а, следовательно, и восстановление прав и законных интересов потерпевших.

В качестве материально-правового основания для привлечения прокурора к ответственности за упущения, допущенные при реализации обязанности доказывания или при полном уклонении от данной деятельности (при отсутствии оснований для отказа от обвинения), следует рассматривать возможность отнесения таких действий к дисциплинарному проступку, связанному в соответствии с п. 1 ст. 47.7 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации»¹³³, с неисполнением или ненадлежащим исполнением работником

¹³² См., например, Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» / Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения 07.12.2023).

¹³³ Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1 / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 08.12.2023).

прокуратуры своих служебных обязанностей. В некоторых случаях не исключается применение к прокурорским работникам и уголовной ответственности.

Вместе с тем, кроме непосредственно юридической обязанности доказывания, прокурор имеет и процессуальный интерес, который заключается в положительном, для стороны обвинения, исходе судебного разбирательства. Кроме того, не во всех случаях «поражения» в состязательном уголовном процессе имеет место именно правонарушение участника доказывания со стороны обвинения, заключающееся в неисполнении обязанности доказывания.

Так, например, иногда, несмотря на все усилия государственного обвинителя, возможно оправдание подсудимого или существенное снижение наказания в связи с грамотной работой защитников, изначально некачественным собиранием доказательств в ходе предварительного расследования, или в случае судебной ошибки. Можно ли в подобных случаях говорить о невыполнении участниками доказывания со стороны обвинения их обязанности? Думается что нет. Но, в то же время, вполне уместно говорить о том, что прокурором не была достигнута объективно необходимая для победы в условиях конкретного состязательного уголовного процесса, степень убеждения суда в существовании юридических фактов, образующих предмет доказывания. В результате чего представители стороны обвинения лишаются возможности довести до финала уголовное преследование и удовлетворить ряд других требований в ходе осуществления судопроизводства.

Несмотря на то, что в целом, процессуальный механизм распределения бремени доказывания, на первый взгляд, исчерпывающим образом отражен в ст. 14, 15 УПК, ряд проблем не получили однозначного разрешения как в науке уголовного процесса, так и в правоприменительной практике. К таковым можно отнести

следующие: 1) вопрос о наличии (отсутствии) у прокурора обязанности доказывать все обстоятельства, входящие в предмет доказывания по уголовному делу; 2) особенности доказывания отдельных юридически значимых обстоятельств в силу существования ряда презумпций; 3) неразработанность на теоретическом уровне понятия «довод» в контексте необходимости опровержения его (их) стороной обвинения; 4) соотношение бремени доказывания прокурора и потерпевшего (гражданского истца) при доказывании гражданского иска.

Вопрос о наличии (отсутствии) у государственного обвинителя бремени доказывания всех обстоятельств, образующих предмет доказывания по уголовному делу, обусловлен наличием среди них не только уличающих подсудимого, но и оправдательных (защитительных) фактов, предусмотренных пп. 5–7 ч. 1 ст. 73 УПК, также необходимостью проверки в ходе судебного разбирательства версий, свидетельствующих о невиновности подсудимого.

Весьма примечательно, что теоретической основой позиции о том, что сторона обвинения не обязана доказывать наличие вышеуказанных обстоятельств, выступает не цель борьбы с преступностью или приоритет общественных (государственных) интересов над частными, а действующая конструкция принципа состязательности сторон. По мнению З. В. Макаровой отсутствие в УПК принципа полноты, всесторонности и объективности при осуществлении доказывания, а также действие ч. 2 ст. 15 УПК, освобождает сторону обвинения от обязанности доказывать юридические факты, не связанные с функцией уголовного преследования и возлагает ее на участников уголовного процесса со стороны защиты (за исключением подсудимого)¹³⁴. Такие авторы как

¹³⁴ См. Макарова З. В. Профессиональная защита подозреваемых, обвиняемых. СПб., 2008. С. 195

В. А. Лазарева и О. В. Химичева указывают, что поскольку невиновность подсудимого презюмируется в соответствии со ст. 14 УПК, то ее доказывание концептуально невозможно¹³⁵, однако возложение на сторону защиты бремени доказывания смягчающих обстоятельств допустимо.¹³⁶

Другая точка зрения базируется как на гносеологических основах процесса доказывания по уголовному делу, так и назначении всего уголовного судопроизводства. Так, И. Б. Михайловская указывала: «Реализация обязанности доказывания, возложенной на сторону обвинения, предполагает положительное установление обстоятельств инкриминируемого обвиняемому деяния. А поскольку положительное установление какого-либо факта невозможно без исключения любых иных вариантов события прошлого, то и обязанность доказывания виновности обвиняемого включает в себя и обязанность органов расследования собирать и исследовать все доказательства, опровергающие версию обвиняемого»¹³⁷. И. Ю. Мурашкин указывает, что отказ должностных лиц органов уголовного преследования от проверки защитительных версий не соотносится с защитой личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод как одной из целей уголовного

¹³⁵ См. Лазарева В. А. Состязательность и доказывание в уголовном процессе // Уголовное право. — 2007. — № 3. С. 100

¹³⁶ См. Химичева О. В. Сумин А. А. Onus Probandi: Проблема переноса (реверса) в уголовном процессе // Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2022. С. 306

¹³⁷ Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М. 2008. С. 143

судопроизводства¹³⁸. Данную позицию, в целом, занял и Конституционный Суд РФ, указав, в том числе следующее: *«Исходя из предписаний статей 2, 18 и 45 (часть 1) Конституции Российской Федерации о том, что государственная защита прав и свобод человека и гражданина гарантируется и именно права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и обеспечиваются правосудием, дознаватель, следователь, прокурор и суд, осуществляя доказывание, обязаны принимать в установленных процессуальных формах все зависящие от них меры к тому, чтобы были получены доказательства, подтверждающие как виновность, так и невиновность лица в совершении инкриминируемого ему преступления»*¹³⁹. Отдельно в абз. 4 п. 3 той же правовой позиции Конституционный Суд РФ отметил, что данная деятельность стороны обвинения не противоречит ч. 2 ст. 15 УПК. Подобный подход Конституционный Суд РФ применил не только в отношении доказательств, но и в отношении установления обстоятельств, на которые ссылается сторона защиты: *«Отсутствие в статье 73 УПК Российской Федерации указания на необходимость доказывания обстоятельств, на которые ссылается сторона защиты, не предполагает, что данные*

¹³⁸ Мурашкин И. Ю. Сторона обвинения как субъект доказывания невиновности // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2018. — № 1. — С. 26

¹³⁹ абз. 2 п. 4. Постановления Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 N 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 18.12.2023).

обстоятельства не должны опровергаться стороной обвинения при доказывании виновности»¹⁴⁰.

Проблематика распределения как общего, так и специального бремени доказывания, как отмечалось ранее, тесно связано с действием в российском уголовном процессе и уголовном праве ряда других презумпций¹⁴¹. Устанавливая общее бремя доказывания стороны обвинения, ст. 14 УПК является базовой, но не единственной из существенно влияющих на правоприменительную практику. Несмотря на то, что в большинстве случаев доказательственные презумпции носят неписанный характер, влияние их на процесс доказывания бесспорно, поскольку они восполняют пробельность и неоднозначность правового регулирования в целом ряде случаев,

¹⁴⁰ абз. 2 п. 2. Определения Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2011 г. N 1238-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Боброва Вячеслава Викторовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 73, частью первой статьи 252 и статьей 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения 11.01.2024).

¹⁴¹ ряд уголовно-правовых презумпций, выделяемых в доктрине, приводился в параграфе 2 настоящей работы. Кроме этого, в науке уголовного процесса также заявляется о существовании целого ряда фактических презумпций: презумпции ожидания естественных вредных последствий своих действий; презумпции неопределенного (неконкретизированного) умысла; презумпции соучастия в организованной группе или преступном сообществе; презумпции знания точного размера наркотического или психотропного средства; презумпции «плодов отравленного дерева»; презумпции допустимости иностранных доказательств. См. Смирнов А. В. Формальные средства юридического доказывания в уголовном праве и процессе. (тезисы для обсуждения на конференции 16–17 марта 2018 г. «Юридическая истина в уголовном праве и процессе») / URL : <https://www.iaaj.net/node/2382> (дата обращения 18.12.2023)

главным образом, когда субъект несения бремени доказывания не очевиден.

Нетрудно заметить, что большинство из выделяемых в науке уголовного процесса презумпций относятся именно к субъекту и субъективной стороне состава преступления. Это обусловлено тем, что доказывание данных элементов вызывает наибольшие трудности как с точки зрения гносеологических закономерностей, так и применительно к процессу уголовно-процессуального доказывания. Ввиду этого, автору представляется необходимым более подробно остановиться на рассмотрении вопроса о существовании трех из них — вменяемости, знания закона и знания общеизвестных фактов. Последнюю иногда относят к отдельному виду формального средства доказывания¹⁴². Первая относится к субъекту преступления, вторая же и третья — к субъективной стороне, а конкретно к такому элементу субъективной стороны преступления как вина. Особое научное и прикладное значение данного вопроса обусловлено также тем, что вопрос о вменяемости и вине входит в предмет доказывания по каждому уголовному делу, где лицо привлекается в качестве обвиняемого, в отличие от ряда других фактов, доказывание которых обеспечивается действием других презумпций. Их значение, как правило, ограничивается не всеми, а конкретными составами преступлений.

Дискуссия по вопросу обязанности доказывания вменяемости подсудимого возможна ввиду того, что п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК не раскрывает, какие именно данные о личности обвиняемого подлежат установлению при производстве по каждому уголовному делу. Рядом исследователей признается существование фактической

¹⁴² См. Смирнов А. В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. М. 2023.

«презумпции вменяемости»¹⁴³, исходя из действия которой, по их мнению, ее оценка не производится, кроме случаев, прямо предусмотренных УПК, и лишь тогда, когда существуют основания в ней сомневаться. Такой подход, на первый взгляд, находит подтверждение и на законодательном уровне. Согласно ч. 1 ст. 300 УПК вопрос о вменяемости подсудимого при постановлении приговора суд обсуждает, только если он возникал в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства. Между тем, системное толкование норм уголовно-процессуального и уголовного законодательства позволяет сделать вывод, что вменяемость подсудимого подлежит доказыванию.

Во-первых, согласно ст. 8 УК основанием уголовной ответственности является совершение общественно опасного деяния, содержащего все признаки преступления, а вменяемость, относясь к субъекту деяния, очевидно, представляет собой один из них; во-вторых, на доказывание любого из элементов состава преступления полностью распространяется действие презумпции невиновности. Ввиду этого, представляется, что материальная норма, устанавливающая само основание уголовной ответственности и норма-принцип уголовного процесса в своей совокупности, имеют приоритет над предписанием ч. 1 ст. 300 УПК РФ.

По пути, отвергающему существование презумпции вменяемости в ее уголовно-правовом смысле, идет и судебно-следственная практика. Изучение 30 приговоров судов первой инстанции

¹⁴³ См. Грошев А. В. Презумпции в уголовном праве их роль в правоприменительной деятельности // Юридическая техника. — 2010. — № 4 — С. 21; Кузнецов И. П. Доказывание его особенности на стадиях уголовного процесса России: дисс ...докт. юрид. наук. Воронеж, 1998. — С. 121; Дрягин М. А. Презумпция невиновности в российском уголовном судопроизводстве: дисс. ...канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. — С. 144

по уголовным делам, где проведение психиатрической экспертизы было не обязательно, показало следующие результаты. В 18 из них (60%) имелись стандартные для судебной практики доказательства вменяемости подсудимого — справки об отсутствии нахождения на психиатрическом и наркологическом учетах по месту жительства. Типичное извлечение из приговора суда выглядит следующим образом: *«По месту жительства УУП ОУУП и ДН МО МВД России «Я-ий» характеризуется удовлетворительно, к административной ответственности не привлекался, женат, имеет на иждивении двоих малолетних детей 2018 и 2022 годов рождения, на учете у врача нарколога и врача-психиатра не состоит. С учетом сведений о личности подсудимого и его поведении на предварительном следствии и в суде, суд приходит к выводу, что Ф. преступление совершил вменяемым»*¹⁴⁴.

Следует признать, что данный подход соответствует не только российскому законодательству, но и объективной логике уголовно-процессуального доказывания, согласно которой стороной обвинения доказываются все элементы (признаки) состава преступления.

Презумпция знания закона является общеправовой презумпцией, известной не только отечественной правовой системе, но и законодательству многих других зарубежных государств, а ее основа имеет давнюю юридическую традицию¹⁴⁵. Более того,

¹⁴⁴ Приговор Ярцевского городского суда Смоленской области от 06 декабря 2022 г. по уголовному делу № 1-285/2022 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт». / URL: sudact.ru (дата обращения 18.12.2023).

¹⁴⁵ См. Кодан С. В. Закрепление Презумпции знания закона в российском законодательстве (XVIII — начало XX в.) // Юридическая техника. — 2010. — № 4. С. 236–247

некоторыми авторами она называется древнейшей из всех существующих презумпций¹⁴⁶.

Ее существование вполне оправданно, поскольку отсутствие такого инструмента свело бы к хаосу нормальное функционирование общественных отношений, а надлежащее исполнение правовых обязанностей и правозащитную функцию закона — к недопустимому уровню. Не может отвечать целям правового регулирования положение, когда незнание нормы закона предпочтительнее чем осведомленность о ее содержании — в целях избегания потенциальной юридической ответственности за противоправное поведение. Презумпция знания закона обеспечивает стабильность правопорядка. Законодатель исходит из того, что содержанием закона после его опубликования должны заинтересоваться все, кому он адресован, и поступать в соответствии с предписаниями его правовых норм.¹⁴⁷

Между тем, ввиду особой тяжести уголовной ответственности, а также установления повышенного уровня гарантий защиты обвиняемого в уголовном судопроизводстве по сравнению с другими отраслями права, проблематика действия презумпции знания закона в уголовном процессе особо актуальна. Полное отсутствие прямого нормативного регулирования ее действия не в полной мере отвечает принципу законности¹⁴⁸. При этом одним из насущных

¹⁴⁶ См. Придворов Н. А. Трофимов В. В. Презумпции в Римском и современном праве: историко-теоретический аспект // Юридическая техника. — 2010. — № 4. — С. 468

¹⁴⁷ См. Панько К. К. Презумпции в уголовном праве и процессе // Судебная власть и уголовный процесс. — 2020. — № 4. — С. 38–39

¹⁴⁸ Ранее отечественное законодательство вполне оправданно напрямую включало в себя норму о действии презумпции знания закона, причем на самом высоком — конституционном уровне. См. ст. 67.4. Конституции РСФСР в редакции от 9, 10 декабря 1992 г. / Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения 21.12.2023).

вопросов остаются границы ее действия по всей иерархии правовых актов. Согласно И. Л. Петрухину: «Каждый гражданин предполагается знающим уголовный закон, поэтому нет необходимости доказывать знание или незнание закона всяким обвиняемым»¹⁴⁹.

Однако, очевидно, что данная проблематика глубже. Презюмируется ли лицом знание лишь федерального законодательства или также и законов субъектов РФ и подзаконных правовых актов, в том числе и специальных (узкопрофессиональных)? В целом ряде случаев именно их нарушение служит юридическим фактом, обуславливающим появление у правоохранительных органов обязанность начать уголовное преследование. Изучение судебной практики показывает, что встречаются случаи, когда правоприменителем признавалась обязанность подсудимого быть осведомленным именно о действии подзаконного нормативного акта: *«Неознакомление осужденного с постановлением администрации Я-го района Кемеровской области от 18 марта 2015 года №... «Об утверждении положения о сносе аварийных деревьев, представляющих угрозу жизни, здоровью, имуществу граждан и организаций на территории Я-го муниципального района», которое официально опубликовано и общедоступно, не свидетельствует о невиновности А. в совершении преступления, как и его обращение в различные государственные органы за разъяснением порядка вырубки аварийных деревьев»*¹⁵⁰.

¹⁴⁹ Петрухин И. Л. Внутреннее убеждение суда и правовые презумпции // Советское государство и право. — 1964. — № 3. — С. 65

¹⁵⁰ Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10 января 2023 г. по делу № 77-381/2023 / Доступ из базы судебных решений «судебныерешения.рф». <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--plai/72712137> (дата обращения 21.12.2023).

В связи с наличием подобных судебных решений уместно привести суждение В. К. Бабаева: «Неопровержимость презумпции знания закона может иметь место при совершении таких преступлений, общественная опасность которых очевидна не только с точки зрения правовых запретов, но и с точки зрения общечеловеческой (например, убийство). Ссылка на незнание закона в таких случаях не становится предметом исследования. Общественная опасность такого деяния очевидна уже в силу его противоестественного характера»¹⁵¹. Между тем, как свидетельствуют реалии, знание всего объема существующих правовых актов, в том числе бланкетных, выступает непосильной задачей для большинства граждан.¹⁵² Ситуация еще более усугубляется, когда правонарушение осознается самим лицом не как общественно опасное деяние, а как обычный акт деловой практики, факт хозяйственной жизни или самозащиты своих прав, прежде всего гражданских, не связано с применением насилия и не оспаривается другими лицами.

Представляется, что отказываться от презумпции знания закона нецелесообразно даже с учетом этих факторов, поскольку извинительный характер незнания закона не может выступать поощрительной мерой для потенциальных правонарушителей, а возложение обязанности доказывания его знания на сторону обвинения будет являться для нее непосильным бременем в большинстве случаев. Данный шаг, ко всему прочему, выступит и нарушением принципа состязательности сторон в части необходимости обеспечения их равенства в уголовном судопроизводстве. Однако,

¹⁵¹ Бабаев В. К. Презумпции в советском праве Горький, 1974. С. 113

¹⁵² См. Горячев И. Н. Презумпция знания закона и принцип несущественности юридической ошибки в уголовном праве России: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 15

с учетом действия, прежде всего, ст. 5 УК, предусматривающей принцип вины при установлении уголовной ответственности, необходим дальнейший поиск баланса как в ее действии в уголовном праве, так и в распределении бремени доказывания в уголовном процессе.

В связи с этим, заслуживающими внимания являются некоторые предложения, выработанные доктриной уголовного процесса. Так, по мнению С. В. Рахманова, для того, чтобы незнание или заблуждение относительно содержания таких признаков имело юридическое значение, необходимо, чтобы лицом были приняты действия, которые можно счесть разумно достаточными для ознакомления с юридическими предписаниями, и чтобы в дальнейшем лицо соразмеряло свои поступки со своими представлениями о таких юридических предписаниях¹⁵³. В целом, разделяя данную позицию, тем не менее, можно предположить, что в случае ее внедрения в УК в качестве правовой нормы, потенциальные правонарушители, с целью соблюдения видимости соблюдения закона, могут заранее создавать условия для ее использования в противоправных целях. Например, получить соответствующие консультационные услуги или юридические документы (как подлинные, так и подложные), в которых заявляется о правомерности потенциальных действий или их правовой неопределенности, что обяжет правоприменительные органы, в случае отсутствия возможности доказать попытку заранее искусственно сфальсифицировать доказательства защиты, толковать сомнения в пользу злоумышленников. Подобные ситуации недопустимы, особенно когда речь идет

¹⁵³ См. Рахманин С. В. Проблема опровержимости презумпции знания закона и юридическая ошибка в уголовном праве // Право и политика. — 2019. — № 3. — С. 44–45

о приготовлении к особо тяжким и тяжким преступлениям, посягательствах на права личности. Однако, подобная норма может быть внедрена в законодательство при условии распространения ее действия на общественные отношения при осуществлении предпринимательской, хозяйственно-бытовой или трудовой деятельности.

Сходная редакция нормы была предложена И. В. Горячевым: «Незнание закона, по общему правилу, не освобождает от уголовной ответственности. Суд вправе, с учетом всех обстоятельств дела, признать деяние совершенным невиновно, если будет установлено, что лицо не должно было или не могло осознавать незаконный характер своего действия».¹⁵⁴ Между тем, было бы предпочтительнее указать не на незнание закона, а на «незнание содержания правового акта». Представляется, что именно в данных направлениях движение по усовершенствованию действия данной презумпции наиболее конструктивно.

Презумпция знания общеизвестного факта, по своему духу, схожа с презумпцией знания закона. Главное отличие между ними заключается в том, что если последняя исходит из общеизвестности нормативных предписаний и, как следствие, противоправности отдельных действий, то первая — из обязанности всех вменяемых лиц знать о фактах бытия и закономерностях человеческой жизнедеятельности. Как средства познания общеизвестные факты используются участниками уголовного процесса в «готовом виде», истинность их очевидна и доказывание является излишним¹⁵⁵.

¹⁵⁴ Горячев И. Н. О статистических основаниях действия презумпции знания закона в уголовном праве России. — Юридическая техника. — 2010. — № 4. — С. 144

¹⁵⁵ См. Левченко О. В. Система средств познавательной деятельности в доказывании по уголовным делам и ее совершенствование: автореф. дисс. ...докт. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 16

Между тем, О. В. Левченко также совершенно верно указывает следующее: «Вероятно, следует признать, что всеобщее признание факта весьма относительное свойство общеизвестности. Несоввершеннолетний участник процесса не может обладать тем же уровнем знаний, что и взрослый человек. Общеизвестность факта может зависеть также от пола, национальности, особенностей мышления, жизненного опыта лица. То, что для одной категории людей общеизвестно, для другой — может быть совершенно незнакомо. Например, потерпевший недавно прибыл в данную местность, и не знает общеизвестные факты, имеющие локальное значение (месторасположение отдельных объектов, время и место происшедших стихийных бедствий и т. п.). В каждом конкретном случае вопрос должен решаться индивидуально следователем, дознавателем, прокурором, судом (судьей) и другими участниками уголовно-процессуального доказывания».¹⁵⁶

На относительный характер категории «общеизвестность» указывают и другие авторы. Е. А. Гринь отмечает, что нельзя обозначить количественный состав, также как и невозможно нормативно идентифицировать «общеизвестные факты», установить критерии общеизвестности фактов в силу обширности различного рода событий, свойств, логических суждений¹⁵⁷. Тем не менее, следует согласиться с Е. В. Селиной, что невозможно рассмотреть ни

¹⁵⁶ Левченко О. В. Общеизвестные факты как средства уголовно-процессуального доказывания // Государство и право. — 2002. — № 8. — С. 47–54

¹⁵⁷ См. Гринь Е. А. Оценочный признак общеизвестных фактов // правовое обеспечение агропромышленного комплекса: современное правовое регулирование и перспективы развития законодательства. Сборник статей II Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (симпозиума). Краснодар, 2021. С. 79

одного уголовного дела без освобождения участников процесса от доказывания общеизвестных фактов¹⁵⁸.

Изучение судебной практики подтверждает научные изыскания по данному вопросу, показывая, что общеизвестными фактами признаются самые разные обстоятельства, ввиду чего их классификация и группировка именно в юридическом, а не общенаучном фокусе весьма затруднительна. Уверенно можно заключить лишь то, что судами последовательно признается общеизвестным фактом то обстоятельство, что нанесение телесных повреждений человеку вызывает вред его здоровью и физическую боль: *«По убеждению суда, действия подсудимой в сложившейся ситуации носили целенаправленный характер, при этом наличие в области грудной клетки человека жизненно-важных органов, повреждение которых смертельно опасно, является общеизвестным фактом»*¹⁵⁹. Сходные формулировки встречаются также и в других судебных решениях¹⁶⁰. При этом, особенно примечателен приговор, в котором суд выделил критерий отнесения факта к общеизвестному: *«Факт нахождения в области живота важных внутренних органов человека, в том числе органов системы пищеварения является*

¹⁵⁸ См. Селина Е. В. Судейская осведомленность и правовой обычай в уголовном процессе. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2012. — № 2. — С. 64

¹⁵⁹ Приговор Куртамышского районного суда Курганской области от 27 мая 2020 г. по уголовному делу № 1-41/2020 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: sudact.ru / (дата обращения 22.12.2023).

¹⁶⁰ См. Приговор Октябрьского районного суда города Архангельска от 16 июля 2020 г. по уголовному делу № 1-47/2020. Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 22.12.2023).

общеизвестным, изучается в рамках школьного образования, которое согласно данным о его личности имеется»¹⁶¹.

Однако, в ряде решений судов отнесение сведений к общеизвестным вызывает определенные сомнения: *«Общеизвестным фактом является то, что заключение под стражу как мера пресечения избирается судом, а не оперуполномоченными и следователями»¹⁶².* В следующем случае суд указал: *«Судом установлено, что по поводу своего заболевания, которое, по словам О., препятствует ему выходить из дома и выполнять физические работы, он за медицинской помощью, включая скорую медицинскую помощь, не обращался. Его доводы об отсутствии полиса обязательного медицинского страхования убедительными не признаны ввиду общеизвестного факта оказания гражданам неотложной медицинской помощи без указанного полиса»¹⁶³.* Представляется, что установленные в первом случае факты являются общеизвестными только для лиц с юридическим образованием, а во втором — с медицинским, а речь может идти скорее о презумпции знания закона, а не общеизвестного факта.

Как и в случаях незнания норм нормативного акта, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство не может двигаться

¹⁶¹ Приговор Яранского городского суда Кировской области от 28 октября 2020 г. по уголовному делу № 1-112/2020 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 22.12.2023).

¹⁶² Приговор Брюховецкого суда Краснодарского Края от 23 июля 2020 г. по уголовному делу № 1-190/2019 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: https://sudact.ru (дата обращения 22.12.2023).

¹⁶³ Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 5 июля 2022 г. по делу № 4/17-65/2022 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: https://sudact.ru (дата обращения 22.12.2023).

по пути установления привилегированного положения для лиц, которые в силу своей полной или частичной необразованности не знают некоторых очевидных для подавляющего большинства лиц общеизвестных фактов. Изменения в подобном ключе также делают бремя доказывания для стороны обвинения непосильным. Это повлечет и нарушение цели уголовного процесса, предусмотренной п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК, и отдаление целей уголовного наказания, предусмотренных ч. 2 ст. 43 УК. Ввиду этого, думается, что заявление стороной защиты довода о незнании какого-либо общеизвестного обстоятельства, возлагает на сторону обвинения бремя его опровержения, только если его незнание было очевидно вызвано уважительными обстоятельствами (тяжелое длительное заболевание, многомесячная командировка, иные случаи вынужденной изоляции от общества, не связанные с применением мер государственного принуждения). Окончательное отнесение юридически значимого обстоятельства к общеизвестному факту, в конечном итоге, зависит от усмотрения суда, ввиду явной невозможности классифицировать их исчерпывающе.

Последней представляется целесообразным вновь рассмотреть презумпцию невиновности в контексте логико-правового понятия «довод» и возложения бремени его (их) опровержения на сторону обвинения. Данная норма, несмотря на всю неоспоримую необходимость, порождает несколько вопросов, имеющих как теоретическое, так и правоприменительное значение: 1) о понятии довода 2) о разумности довода 3) о возможности (целесообразности) проверки каждого довода стороны защиты.

На первый взгляд, понятие довода не нуждается в подробном анализе — как по причине элементарности его сущности, так и ввиду кажущегося совпадения его юридического и общеупотребительного смысла. Между тем, автор разделяет позицию о недо-

пустимости смешения данной категории с другими близкими, но имеющими иное юридическое содержание понятиями (в числе прочих с такими как аргумент и суждение)¹⁶⁴. Вполне удачной является формулировка, предложенная К. В. Каргиным, согласно которой правовым доводом, является востребованное и допустимое нормой права высказывание субъекта правовых отношений, сделанное им в целях вызвать наступление определенных желаемых правовых последствий.¹⁶⁵

Исходя из этого, можно предположить, что в контексте уголовного судопроизводства защитительный довод — это высказывание участника доказывания, конечной целью которого является формирование у суда убеждения в несостоятельности либо обвинения в целом, либо недоказанности отдельных юридических фактов. Между тем, УПК не предусматривает применительно к защитительным доводам не только требования к их обоснованности, но и мотивированности. Таким образом, фактически, подсудимый не обязан не только ссылаться в их подтверждение на доказательства, но и аргументировать свои заявления, подтверждать их дополнительными сведениями, необходимыми для их более эффективной и быстрой проверки.

Такое положение приводит к тому, что в ряде случаев суды отказываются от проверки доводов подсудимых. *«Суд критически относится к показаниям свидетеля С. данным в судебном заседании, считает их недостоверными и не соответствующими действительности, а доводы свидетеля о том, что показания*

¹⁶⁴ См. Боруленков Ю. П. Довод как категория доказательственного права // Российский судья. — 2019. — № 3. — С. 23–28

¹⁶⁵ См. Каргин К. В. Понятие юридической аргументации // Юридическая техника. — 2013. — № 7-1. — С. 64

на следствии он давал под воздействием сотрудников полиции, которые принуждали его быть свидетелем, а не виновником совершения преступления, суд находит лишенными здравого смысла, а потому не заслуживающими внимания. Кроме того, свидетель С. не может назвать лиц, которые принуждали его быть свидетелем, а не обвиняемым по делу, что, по мнению суда, свидетельствует о том, что С. намеренно высказывает версию, которую невозможно проверить, а, следовательно, у суда есть основания не доверять ему»¹⁶⁶. В похожем ключе выражена позиция суда и в следующем решении: «Заявления об оговоре Ш. со стороны сотрудников полиции суд подробно анализировать не видит смысла, ибо те достаточным образом не мотивированы, а потому как таковыми доводами считаться не могут, являясь лишь ничем не подтвержденными измышления подсудимого»¹⁶⁷.

С одной стороны, согласно п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебном приговоре», суд должен оценить доводы, приводимые подсудимым в свою защиту¹⁶⁸. С другой, оценка доводов защиты не обязательно предполагает их проверку, путем собирания дополнительных доказательств или даже переоценки уже имеющихся в материалах уголовного дела на момент

¹⁶⁶ Приговор Рубцовского городского суда Алтайского Края 12 ноября 2019 г. по делу № 1-522/2019 Доступ из базы электронных решений «Судакт» / URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 18.06.2022).

¹⁶⁷ Приговор Железнодорожного районного суда г. Ульяновска Ульяновской области по делу № 1-1/2020 от 20 января 2020 г. Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 27.12.2022).

¹⁶⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 27.12.2023).

заявления соответствующего довода. Однако это не снимает со стороны обвинения, кроме общей обязанности уголовного преследования, так называемое специальное бремя доказывания¹⁶⁹. Оно заключается в том, что сторона обвинения, в ряде случаев, объективно вынуждена опровергать доводы подсудимого для того, чтобы не породить у суда сомнения в доказанности обвинения, а суд — проверять все версии стороны защиты для того, чтобы избежать обжалования приговора стороной защиты и ссылок в апелляционных жалобах на наличие в деле неустранимых сомнений. Несмотря на то, что сторона защиты не обязана представлять оправдательные доказательства и обосновывать свои доводы, она объективно заинтересована сделать это при наличии такой возможности. Ситуация меняется, когда таковые либо отсутствуют, либо в случае ложности самой защитительной версии. В подобной ситуации главной задачей стороны защиты становится порождение неустранимых сомнений, которые согласно ч. 3 ст. 14 УПК толкуются в пользу подсудимого.

Ввиду изложенного, даже при отсутствии у стороны обвинения и суда сомнений в доказанности обвинения и несостоятельности контрдоводов стороны защиты, подобные доводы, представляется более целесообразным опровергать как путем получения новых доказательств, так и путем повторной оценки уже исследованных. Особенно актуальным это становится в ходе судебного произ-

¹⁶⁹ Смирнов А. В. Стандарты доказанности: взаимосвязь в презумпции и распределением бремени доказывания // Уголовный процесс. — 2021. — № 12. — С. 86–94; Калиновский К. Б. // Бремя доказывания в уголовном процессе: динамический или статистический подходы В сборнике: Юридическая истина в уголовном праве и процессе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под общ. ред. К. Б. Калиновского, Л. А. Зашляпина. — 2018. — С. 94–103.

водства с участием присяжных заседателей, а также способствует повышению «устойчивости» судебного акта. Ведь вполне очевидно, что там, где суд первой инстанции может посчитать доводы защиты не порождающими сомнений в доказанности обвинительного тезиса, а значит и, логическим образом, не подлежащими «устранению», (как это имело место в рассмотренных выше примерах), коллегия присяжных заседателей или суд вышестоящий инстанции могут посчитать иначе. Поэтому, более правильной представляется проверка доводов стороны защиты, пусть даже, в ряде случаев «голословных» и «надуманных» — как ввиду гуманистических соображений, так и исходя из профессионального интереса суда в вынесении законных судебных решений. Этот тезис представляется верным даже несмотря на то, что п. 2 ст. 307 УПК обязывает суд при постановлении обвинительного приговора мотивировать лишь причины отвержения определенных доказательств, но не доводов. Кроме того, игнорирование последних в текстах судебных решений может быть оценено вышестоящими судебными инстанциями как нарушение, в том числе, требования ч. 4 ст. 14 УПК о соблюдении достоверного стандарта доказанности обвинения¹⁷⁰. Конституционный Суд РФ также указал на обязательность проверки доводов стороны защиты в случае обжалования судебного решения¹⁷¹.

¹⁷⁰ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.03.2021 № 48-УД21-2-К7 / URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1977440 (дата обращения 27.12.2023).

¹⁷¹ См. абз 3 п. 2. Определения Конституционного Суда РФ от 18 июля 2017 г. N 1524-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мигули Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 389.9 и 389.19 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения 27.12.2023).

Изучение судебной практики показывает, что одним из наиболее часто выдвигаемых защитительных доводов выступает указание на возможный оговор подсудимого. Подобный довод был отвергнут Чусовским городским судом Пермского Края следующим образом: *«К показаниям подсудимого, отрицающего свое участие в хищении имущества ООО «К.» суд относится критически, поскольку эти показания опровергаются исследованными в судебном заседании доказательствами. Выдвинутая версия подсудимого и его защитника об оговоре подсудимого свидетелями Л. и Ц. с целью смягчить свою участь и переложить часть ответственности на подсудимого в судебном заседании своего подтверждения не нашла, поскольку данная версия носит предположительный характер, свидетели оснований для оговора подсудимого не указали, при этом установлено, что до произошедшего подсудимый с Ц. и Л. знаком не был, с ... находился в приятельских отношениях, конфликтов и каких-либо личных неприязненных отношений между ними не было. В связи с изложенным, оснований для оговора подсудимого указанными свидетелями в судебном заседании не установлено»*¹⁷². При этом наиболее оптимальным выглядит использование в тексте описательно-мотивировочной части обвинительного приговора не формулировок, которые указывают на сомнительность доводов стороны защиты, а основания их полного опровержения — ввиду требования ч. 4 ст. 14 УПК о том, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. Представляется, что именно такая правовая позиция выражена в следующем судебном решении: *«Оценивая приведенные показания*

¹⁷² Приговор Чусовского городского суда Пермского Края от 29 июля 2021 г. по делу № 1-195/2021 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 27.12.2022).

свидетелей, суд находит их последовательными, логичными, не содержащими противоречий и, в совокупности с приведенными доказательствами, устанавливающими события и обстоятельства совершенного преступления. При этом у суда нет оснований сомневаться в достоверности показаний свидетелей, поскольку они последовательны, согласуются друг с другом и с иными доказательствами, исследованными в судебном заседании. Кроме того, потерпевший, свидетели предупреждались об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и оснований считать, что потерпевший и свидетели оговаривают подсудимого, у суда не имеется»¹⁷³. Последний пример также свидетельствует о том, что собиране и проверка новых доказательств для проверки доводов стороны более желательны для всех участников процесса, однако в случае отсутствия соответствующих ходатайств сторон суд вполне может отвергнуть версию и на основании ранее исследованных доказательств.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. 1. Суд, согласно действующему законодательству, обязан дать оценку всем доводам стороны защиты, даже если они представляются неразумными и голословными 2. Оценка довода не тождественна по своему юридическому смыслу его полной проверке, в том числе и с обращением к доказательствам 3. Отказ от соответствующей проверки довода не означает автоматическое опровержение позиции обвинения (его элементов) и появления в деле неустранимых сомнений у суда первой инстанции, однако повышает вероятность обжалования приговора и появление

¹⁷³ Приговор Шарангского городского суда Нижегородской области от 28 июля 2021 г. по делу № 1-34/2021 / URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 27.12.2022).

сомнений в доказанности обвинения у вышестоящих судов. 4. При проверке довода стороны защиты суд может отвергнуть его как путем собирания новых доказательств, так и опираясь на совокупность уже исследованных.

Заканчивая обзор основных проблем, связанных с возложением бремени доказывания на прокурора, нельзя не коснуться темы его потенциального отказа от обвинения. Подобный шаг представляет собой единственный законный случай в делах публичного и частно-публичного обвинения, когда прокурор вправе официально отказаться от уголовного преследования, полного судебного состязания и, как следствие, от реализации бремени доказывания. Между тем, и здесь имеются свои аспекты, которые также можно отнести к доказательственной деятельности.

Согласно ч. 7 ст. 246 УПК, если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Данная норма, в контексте анализа бремени доказывания, характеризуется двумя фактами: во-первых, отказ от обвинения должен быть мотивирован, что обуславливает обязанность прокурора производить оценку фактических обстоятельств уголовного дела; во-вторых, доказывать приходится не наличие положительных фактов, а фактов отрицательных, что помимо прочего, также является исключением из ординарного режима доказывания в уголовном судопроизводстве.

То обстоятельство, что объем нормативного регулирования института отказа государственного обвинителя от обвинения в УПК представляется явно недостаточным, обусловило появление правовых позиций высших судов. Однако, акты Конституционного Суда РФ и Верховного Суда России, хотя и внесли определенную

ясность в порядок применения ч. 7 ст. 246 УПК, но тем не менее, не сняли всех вопросов. Так, согласно абз. 9 п. 7 Постановления Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П, сами по себе отказ государственного обвинителя от обвинения либо изменение им обвинения в сторону смягчения, так и принятие судом соответствующего решения могут иметь место лишь по завершении исследования значимых для такого рода решений материалов дела и заслушивания мнений по этому поводу участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты¹⁷⁴. В свою очередь, суд, принимая обусловленное позицией государственного обвинителя решение, обязан не просто рассмотреть мотивы его действий, но и в отвечающей требованиям состязательности процедуре, установить обоснованность таких отказа или изменения, для чего необходимо исследовать обстоятельства дела, проверить и оценить собранные и представленные суду доказательства. Лишь по результатам этой процедуры может быть принято соответствующее судебное решение, законность, обоснованность и справедливость которого возможно проверить в вышестоящем суде¹⁷⁵.

¹⁷⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 N 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан / URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Decision/pages/default.aspx> (дата обращения 02.01.2024).

¹⁷⁵ абз. 4 п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 1744-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Мамкина Данилы Даниловича и Мамкиной Нины Ивановны на нарушение их конституционных прав частью седьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения 02. 01. 2024).

С теоретической точки зрения правовая позиция Конституционного Суда не содержит в себе конкретизации формулировки «значимое исследование доказательств». Если значимость вполне возможно понимать, как достаточную степень познавательной деятельности суда, которая является оценочной и определяется исходя из фактических обстоятельств конкретного уголовного дела, то категория «исследование» доказательств уже нуждается в нормативной конкретизации. Пока же остается не ясным, в какой форме должна быть реализована данная обязанность и предполагает ли ее реализация задействование всех предусмотренных законом элементов процесса доказывания, а также как она распределяется между судом и государственным обвинителем. Предписание мотивировать отказ от обвинения, сформулированное в ч. 7 ст. 246 УПК, и правовая позиция Конституционного Суда РФ предполагают, что прокурором, как минимум будет оценена часть имеющихся в уголовном деле доказательств.

Еще более неоднозначной, сквозь призму учения об уголовно-процессуальных функциях, является ситуация, когда прокурором приведены мотивы отказа от поддержания обвинения, и доводы данного шага хотя бы отчасти обоснованы, но суду они представляются недостаточными. Если при частичной доказательственной пассивности государственного обвинителя в ходе судебного следствия субсидиарная, проверочная активность суда не нарушает принципа состязательности сторон, то при решении вопроса о продолжении самого уголовного преследования таковая уже может рассматриваться как принятие судом несвойственной ему процессуальной функции обвинения. Это отмечают Н. С. Манова и Ю. В. Францифиров: «При отказе от обвинения суд освобожден от обязанности оценивать правильность точки зрения прокурора. Ответственность за обоснованность уголовного преследования возложена законом на

прокурора»¹⁷⁶. На обязательность отказа от обвинения для суда указывают и другие авторы¹⁷⁷, а Т. А. Ермакова отмечает, что требование о точном указании мотивов отказа государственного обвинителя от обвинения в постановлении о прекращении уголовного дела не может толковаться расширительно, а должно обеспечивать перспективы проверки законности и обоснованности этого постановления суда первой инстанции в вышестоящем суде¹⁷⁸.

В связи с изложенным, представляется невозможным согласиться с мнением, что в случаях, когда доказательственная активность прокурора представляется суду недостаточной, он должен принять меры по замене государственного обвинителя¹⁷⁹. Данные правоотношения в большей степени являются организационными нежели уголовно-процессуальными, и подлежат регулированию ведомственными нормативно-правовыми актами. В соответствии с Приказом Генеральной прокуратуры РФ от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» государственному обвинителю при существенном расхождении его позиции с позицией, выраженной

¹⁷⁶ Манова Н. С., Францифоров Ю. В. Правовые последствия отказа прокурора от обвинения: проблемы и возможности их решения // Российский криминологический взгляд. — 2009. — № 1. — С. 367

¹⁷⁷ Ефименко С. П. Отказ прокурора от обвинения при несогласии потерпевшего // Законность. — 2011. — № 10 (924). — С. 6

¹⁷⁸ См. Ермакова Т. А. Отказ от обвинения: кто должен поддерживать государственное обвинение после отмены постановления суда о прекращении уголовного дела? // Уголовное право. — 2015. — № 6. — С. 93

¹⁷⁹ См. Хайдаров А. А. К вопросу о последствиях отказа государственного обвинителя от обвинения в рамках судебного следствия // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2013. — № 1 (31). — С. 40

в обвинительном заключении или обвинительном акте, предписывается докладывать об этом прокурору, поручившему поддерживать государственное обвинение, который вправе осуществить такую замену либо поддерживать обвинение самостоятельно¹⁸⁰.

Нерешенным в науке уголовного процесса остается и вопрос о возможности (невозможности) отказа от государственного обвинения на этапе предварительного слушания. Несмотря на то, что законодательном уровне такого запрета не имеется, не все авторы признают его целесообразность. Так, по мнению Н. М. Жумакановой, убежденность прокурора в полной или частичной невинности обвиняемого может сложиться только после исследования всей совокупности доказательств по делу¹⁸¹. Схожую точку зрения выражает и В. Ф. Крюков, указывая на отсутствие процессуальной возможности определиться по существу со свойством достаточности доказательств, для разрешения уголовного дела, что лишает прокурора возможности надлежащим образом обосновать отказ от поддержания обвинения¹⁸². Поддерживая данную позицию П. П. Рукавишников аргументирует ее тем, что государственным обвинителем лично не исследовались доказательства, положенные в основу обвинения¹⁸³.

¹⁸⁰ Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» / Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения 02. 01. 2023).

¹⁸¹ См. Жумаканова Н. А. К вопросу об основаниях отказа государственного обвинителя от обвинения // Пробелы в российском законодательстве. — 2013. — № 6. — С. 242

¹⁸² См. Крюков В. Ф. Правовой статус прокурора в уголовном преследовании (досудебное и судебное производство): дисс. ...докт. юрид. наук. М., 2012. — С. 257

¹⁸³ См. Рукавишников П. П. Отказ государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве: дисс. ...канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. — С. 140

Согласно другой точке зрения, отказ государственного обвинителя от обвинения на стадии предварительного слушания является допустимым в случаях, когда основания для такого решения очевидны и не требуют проведения судебного следствия.¹⁸⁴ С ней вполне можно согласиться, а изучение материалов судебной практики позволяет убедиться в том, что такие случаи имеют место, что иллюстрирует извлечение из следующего судебного решения: *«В ходе судебного заседания государственный обвинитель В. пояснил, что судимость по ст. 264.1 УК РФ по приговору Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 12 апреля 2016 года на дату инкриминируемого преступления — 12 октября 2019 года являлась погашенной, а значит, действия Л. не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. С учетом изложенного, в соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК РФ государственный обвинитель полностью отказался от обвинения в отношении Л. по ст. 264.1 УК РФ по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 статьи 24 УПК, то есть, в связи с отсутствием в действиях Л. состава преступления»*¹⁸⁵. Очевидно, что для вывода об отсутствии одного из элементов состава преступления далеко не всегда необходима оценка, проверка и собирание дополнительных доказательств. Представляется, что проведение судебного следствия в таких случаях не только не соответствует целям уголовного судопроизводства, но и не отвечает процессуальным интересам

¹⁸⁴ См. Евстигнеева О. В. Лавнов М. А. Спесивов Н. В. Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в российском уголовном процессе. Саратов, 2018. С. 117

¹⁸⁵ Постановление Фрунзенского районного суда г. Иваново от 27 февраля 2020 г. по уголовному делу № 1-64/2020 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 02. 01. 2023)

всех участников уголовного судопроизводства: подсудимого — из-за претерпевания негативных последствий уголовного преследования, суда — ввиду временных и организационных затрат, а органов прокуратуры, помимо всего прочего, — по причине увеличения размера потенциальных исковых требований реабилитированного лица. Таким образом, целесообразным выглядит освобождение прокурора и суда от обязанности исследования всех материалов уголовного дела (главным образом, свидетельствующих о причастности к совершению преступления) в случае, если установлено отсутствие хотя бы одного обязательного элемента состава преступления, и против этого не возражает обвиняемый.

Другую группу участников доказывания со стороны обвинения в суде первой инстанции, чье отношение к реализации бремени будет существенно отличаться от такового у прокурора, составляют непрофессиональные участники уголовного процесса: потерпевший (гражданский истец), а также их законные представители. Они не являются субъектами юридической обязанности доказывания (которую не стоит отождествлять с обязанностью потерпевшего давать показания — в соответствии с п. 2 ч. 5 ст. 42 УПК, а также в ряде случаев, участвовать в проведении судебной экспертизы в соответствии ст. 196 УПК). В последних случаях потерпевший является не субъектом доказывания, а источником доказательств.

Представляется, что главным процессуальным драйвером, определяющим активность непрофессионального участника доказывания, выступает стремление к восстановлению нарушенных преступлением прав и законных интересов, основными формами реализации которых является заявление гражданского иска, а также компенсация судебных расходов. Однако, если при доказывании обстоятельств, имеющих уголовное-правовое значение, прокурор несет как юридическую обязанность доказывания, так и обладает

объективной необходимостью доказывания, в силу чего доказательственная активность потерпевшего является субсидиарной, то при установлении обстоятельств, относящихся к гражданскому иску, складывается другая ситуация, а нормативная база и судебная практика находятся в состоянии постоянных изменений.

Федеральным законом от 28.12.2013 N 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве»¹⁸⁶ в отечественный уголовный процесс была внесена достаточно знаковая норма (в виде п. 1.1 ч. 2 ст. 32 УПК). Она отнесла расходы потерпевшего на оплату труда представителя к процессуальным издержкам, концептуально, по мнению автора, приравняв обвиняемого и потерпевшего в праве на бесплатную юридическую помощь в уголовном судопроизводстве. Основное же различие между ними заключается в том, что если обвиняемому защитник предоставляется без предварительной оплаты его услуг (с возможностью дальнейшего взыскания ее стоимости в виде судебных издержек), то в случае с потерпевшим имеет место обратная ситуация. Данный участник уголовного судопроизводства сперва приглашает представителя, оплачивая его услуги, а лишь затем добивается компенсации их стоимости, в том числе и при производстве по уголовному делу в суде первой инстанции.¹⁸⁷

¹⁸⁶ Федеральный закон от 28.12.2013 N 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 04.01.2024).

¹⁸⁷ Стоит сразу же оговориться, что и в том и в другом случае «бесплатность» юридической помощи, во многом, является условной, поскольку с подсудимого ее стоимость может быть взыскана на основании ст. 132 УПК, а потерпевший обязан доказать необходимость и оправданность расходов. *Прим автора.*

Согласно ч. 1 ст. 132 УПК, процессуальные издержки взыскиваются с осужденных, а также с лиц, уголовное дело или уголовное преследование в отношении которых прекращено по основаниям, не дающим права на реабилитацию, или возмещаются за счет средств федерального бюджета. Между тем, механизм распределения бремени доказывания процессуальных издержек нормами закона не урегулирован. Несмотря на то, что согласно п. 13 ч. 1 ст. 299 УПК суд обязан определить на кого и в каком размере должны быть возложены процессуальные издержки, бремя доказывания их оснований их выплат и размера, УПК не распределяет.

Согласно п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 N 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»¹⁸⁸ потерпевшему подлежат возмещению необходимые и оправданные расходы, связанные с выплатой вознаграждения представителю потерпевшего, которые должны быть подтверждены соответствующими документами. Между тем, ответа на вопрос о том, кто обязан выполнить соответствующую доказательственную обязанность, остался открытым. Его актуальность еще более усиливает тот факт, что Конституционный Суд РФ подчеркнул трехсторонний, то есть, фактически состязательный характер разрешения этого вопроса: «Вопрос о необходимости и оправданности тех или иных расходов потерпевшего на участие представителя как процессуальных издержек должен разрешаться

¹⁸⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 N 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 05. 01. 2024).

судом с учетом позиций сторон судопроизводства и представляемых ими документов¹⁸⁹. В свою очередь, более позднее Постановление Пленума Верховного Суда РФ содержит указание на то, что при отсутствии необходимых для разрешения вопроса о распределении процессуальных издержек сведений, суд истребует и приобщает к делу копии решений о произведенных из средств федерального бюджета выплатах, а также другие документы, подтверждающие имеющиеся по делу расходы¹⁹⁰.

Однако, в подавляющем числе случаев документы, свидетельствующие о необходимости и оправданности судебных расходов, представляются именно потерпевшими. Это обусловлено, во-первых, тем, что именно потерпевший является основным заинтересованным в реализации доказывания, а также тем фактом, что абз. 3 п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда № 42 (далее по тексту — ППВС № 42) может быть разрешен как после вынесения итогового судебного решения, так и в стадии исполнения приговора. Причем, например, если ч. 2 ст. 309 УПК содержит указание на то, по каким основаниям суд может передать дело вопрос о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства, то применительно к близкому по содержанию вопросу судебных издержек ни УПК, ни ППВС № 42 подобных норм

¹⁸⁹ абз. 5 п. 2. Определения Конституционного Суда РФ от 20.02.2014 N 298-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Малюжца Сергея Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьей 131 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision155129.pdf> (дата обращения 05.01.2024).

¹⁹⁰ абз. 4 п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 42 (ред. от 15.12.2022) «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» / доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 05.01.2023).

не содержат. Ввиду этого, для скорейшего и наибольшего удовлетворения своих финансовых требований объективную необходимость доказывания несет именно потерпевший.

Чтобы найти разумный баланс между интересами потерпевшего, с одной стороны, и интересами государства и подсудимого — с другой, на потерпевшего можно возложить обязанность аналогичную бремени убеждения. В соответствии с этим на него, в случае отсутствия подтверждающих судебные расходы доказательств, целесообразно законодательно возложить обязанность указать источники, из которых судом могут быть истребованы те или иные доказательства. Кроме того, бремя опровержения доводов заявителя стоит возложить на тех участников процесса, которые не согласны с заявленными суммами процессуальных расходов, а также четко определить основания, по которым требования потерпевшего не могут быть разрешены вместе с внесением итогового решения судом первой инстанции по уголовному делу.

Концептуально схожая схема распределения бремени доказывания реализуется и при заявлении гражданского иска в уголовном процессе. Процессуальная активность государственного обвинителя здесь также уже не является основной, несмотря на то, что согласно ч. 6 ст. 246 УПК прокурор предъявляет или поддерживает предъявленный по уголовному делу гражданский иск.

Между тем, во-первых, согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, бремя доказывания гражданского иска в уголовном процессе несет именно гражданский истец.¹⁹¹ Во-вторых, несмотря на то, что в п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК, в отличие от правовой позиции Кон-

¹⁹¹ п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» / URL: <https://vsrf.ru/documents/own/29308/> (дата обращения 02.01.2023).

ституционного Суда РФ¹⁹², бремя доказывания уголовно-правовых и гражданско-правовых последствий преступления не разделяется, вполне очевидно, что основной процессуальный интерес прокурора состоит в доказывании обстоятельств, образующих именно состав преступления (а не обстоятельств, свидетельствующих об обоснованности заявленных гражданско-правовых требований потерпевшего). Поэтому, в отличие от заинтересованности в уголовном преследовании подсудимого (гражданского ответчика), позиции государственного обвинителя и гражданского истца могут начать расходиться, даже с учетом того факта, что удовлетворению гражданского иска предшествует доказывание виновности подсудимого (гражданского ответчика) в совершении преступления. Так, в одном из приговоров судом было, в том числе указано следующее: *«Согласно заключению эксперта от 10 ноября 2020 года №... установлена стоимость мобильного телефона X. R. N., с учетом периода эксплуатации (износа) и в ценах, действующих на дату хищения — 11 октября 2020 года. Данное заключение составлено экспертом, обладающим необходимыми специальными познаниями. Объективность эксперта сомнений не вызывает. Заключение является подробным и мотивированным, согласуется с другими доказательствами, исследованными в судебном заседании, а именно документами на данный мобильный телефон. Суд признает*

¹⁹² Подразделение последствий преступления на уголовно-правовые и гражданско-правовые сформулировано, в том числе в правовой позиции Конституционного Суда РФ. См. абз. 4 п. 2 Постановления Конституционного суда РФ от 7 апреля 2015 г. № 7-П по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 1064 гражданского кодекса Российской Федерации и пункта «а» части второй статьи 166 уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Кряжева / URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения 02. 01.2023).

заклучение обоснованным, в связи, с чем к доводам потерпевшей о том, что стоимость мобильного телефона, указанная в обвинительном заключении, занижена, относится критически. При этом потерпевшей не представлено каких-либо иных доказательств о стоимости похищенного мобильного телефона на дату его хищения»¹⁹³. В данном случае разница в оценке стоимости мобильного телефона государственным обвинителем и гражданский истцом принципиальным образом не виляла на итоговую уголовно-правовую квалификацию деяния, однако, разумеется, более высокая оценка стоимости имущества отвечала процессуальным интересам гражданского истца и нейтральным образом сказывалась на интересах прокурора. Подобные примеры еще раз иллюстрируют, что залогом активной доказательственной деятельности выступает не только юридическая обязанность, но и объективная необходимость, основанная на процессуальном интересе. Представляется, что если бы последствия недоказанности сказывались на итоговой квалификации хищения, то прокурором могли бы быть заявлены дополнительные ходатайства, направленные на уточнение стоимости имущества.

Таким образом, гражданский истец (потерпевший) несет как юридическую обязанность доказывания оснований и размера гражданского иска — в силу ст. 56 Гражданско-процессуального кодекса РФ¹⁹⁴, так и обладает объективной необходимостью

¹⁹³ Приговор Чусовского городского суда Пермского Края от 18 марта 2021 г. по делу № 1-63/2021 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL : <https://sudact.ru> (дата обращения 06.01.2024).

¹⁹⁴ «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023) / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 02.01.2024).

доказывания в силу того, что прокурор освобожден от обязанности доказывания оснований и размера гражданского иска, и, очевидно, в большинстве случаев, не имеет соответствующего процессуального интереса, а значит и объективной необходимости их доказывания.

2.2 Бремя доказывания участников уголовного судопроизводства со стороны защиты

Несмотря на то, что сторона защиты в уголовном процессе ассоциируется, главным образом, с подсудимым, а защитительная функция понимается, прежде всего, как процессуальная деятельность, направленная на опровержение тезисов о виновности, проблематика бремени доказывания, в данном контексте, является куда более широкой. Во-первых, следует отдельно оценивать процессуальные статусы подсудимого, защитника и гражданского ответчика. Данные лица далеко не тождественны в своих правах и обязанностях при осуществлении доказывания. Во-вторых, сам процесс доказывания не сводится исключительно к установлению события преступления, его состава и причастности конкретных лиц к его совершению. Ввиду этого, в настоящем параграфе рассматриваются в качестве основных три вопроса: 1) пределы возложения бремени доказывания на защитника подсудимого; 2) распределение бремени доказывания смягчающих и отягчающих обстоятельств, а также вопросов, связанных с имуществом, подлежащим конфискации; 3) правовой статус гражданского ответчика.

Если ч. 2 ст. 14 УПК прямо указывает на то, что обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, то нормы об отношении к бремени доказывания защитника нормативная конструкция презумпции невиновности не содержит. В свою очередь, ст. 53 УПК устанавливает перечень прав, но не обязанностей адвоката. Вместе с тем, данная ситуация не означает, что адвокат не несет юридической ответственности за пассивность в реализации своих полномочий. В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 7 Федерального

закона от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 24.07.2023)¹⁹⁵ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат **обязан** честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами. Согласно п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее по тексту — «КПЭА»)¹⁹⁶ адвокат активно защищает права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, а ст. 19–26 данного правового акта предусматривают порядок привлечения к дисциплинарной ответственности за ненадлежащее осуществление своих профессиональных обязанностей. Кроме этого, в соответствии со ст. 13 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве¹⁹⁷: «Защитник принимает меры к собиранию и представлению необходимых для защиты доказательств, в том числе посредством заявления ходатайств, направления адвокатских запросов, привлечения специалиста, если в ходе уголовного судопроизводства возникает такая необходимость и обстоятельства дела позволяют принять такие меры, а также совершает иные действия, необходимые для реализации правовой позиции по делу; ч. 3 Стандарта оказания адвокатом бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной

¹⁹⁵ Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 07.01.2024).

¹⁹⁶ «Кодекс профессиональной этики адвоката» (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 15.04.2021) Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 07.01.2023).

¹⁹⁷ «Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве» (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.) / Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения 07.01.2023).

юридической помощи¹⁹⁸ устанавливает, что адвокат, оказывающий бесплатную юридическую помощь, обязан действовать честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, **принципиально** и **активно**; своевременно совершать необходимые действия по защите прав и законных интересов доверителя.

При этом, несмотря на то, что ст. 44 УПК содержит перечень прав защитника в уголовном судопроизводстве, согласно разъяснению Экспертно-методической комиссии Совета Федеральной палаты адвокатов РФ в связи со случаями невыполнения адвокатами–защитниками своих профессиональных обязанностей, нарушающими права доверителей на защиту¹⁹⁹, участие в судебном разбирательстве уголовного дела, а также выступление в судебных прениях названо именно **обязанностью** адвоката–защитника. Эту позицию позднее подтвердил и Конституционный Суд РФ: *«Адвокат, принявший на себя защиту подсудимого, обязан участвовать в судебных прениях в любом случае, независимо от позиции по этому вопросу самого подзащитного, с тем чтобы обеспечить оказание ему квалифицированной юридической помощи и в своей защитительной речи дать объяснение всем тем обстоятельствам и доводам, которыми опровергается или ослабляется предъявляемое подсудимому обвинение, а также*

¹⁹⁸ «Стандарт оказания адвокатом бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи» (утв. XI Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2023) / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 07.01.2023).

¹⁹⁹ Разъяснение Экспертно-методической комиссии Совета Федеральной палаты адвокатов РФ в связи со случаями невыполнения адвокатами–защитниками своих профессиональных обязанностей, нарушающими права доверителей на защиту / URL: <http://advpalata28.ru/upload/iblock/42f/Raziasneniia-FPA-RF.pdf> (дата обращения 07.01.2024).

требовать от суда принятия мер по предотвращению нарушения прав и законных интересов своего подзащитного. Отказ адвоката от выступления в прениях означает невыполнение профессиональным защитником своей процессуальной функции»²⁰⁰.

Процессуальная пассивность части защитников в уголовном процессе долгое время оставалось бичом отечественного уголовного судопроизводства. Однако, можно признать, что в последние годы адвокатским сообществом были предприняты ряд мер, направленных на искоренение формального участия адвокатов как в уголовном деле в целом, так и в процессе доказывания в частности. Обобщение дисциплинарной практики крупнейших адвокатских палат²⁰¹ показывает, что к нарушителям прав подзащитных и иных участников уголовного судопроизводства применяются меры дисциплинарной ответственности — вплоть до прекращения статуса адвоката. Таким образом, можно признать, что доказательственная деятельность адвоката, несмотря на отнесение его к стороне защиты является юридической обязанностью, а ее ненадлежащее исполнение влечет применение кроме

²⁰⁰ абз. 4 п. 2.2 Определения Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. N 2873-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сайгакова Алексея Алексеевича на нарушение его конституционных прав положениями частей первой и третьей статьи 50, частей первой и третьей статьи 51, части второй статьи 52, части второй статьи 248, части первой статьи 292, части первой статьи 293, статьи 294 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта «в» части третьей статьи 146 Уголовного кодекса Российской Федерации» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 07.01.2024).

²⁰¹ См. рубрику «Обзор дисциплинарной практики адвокатских палат» в журнале «Уголовный процесс». Прим автора.

юридических санкций еще и репутационные²⁰² и, как следствие, экономические издержки. Таким образом, надлежащее участие защитника в уголовном процессе обеспечивается не только мерами юридической ответственности, но и объективной необходимостью подтверждать высокую профессиональную компетентность.

Между тем, выработать универсальные объективные критерии к оценке качества юридической помощи вряд ли возможно. По-настоящему эффективная защита может обеспечиваться относительно непродолжительными, но интенсивными временными затратами. В то же время, недобросовестный защитник может имитировать процессуальную активность, злоупотребляя правом с противоправными и неэтичными целями. Однако, представляется, что одним из условных критериев надлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей является оценка, хотя бы на этапе судебных прений, всех или большинства доказательств, представленных стороной обвинения, а также выдвинутых ею доводов (в случае если судебное разбирательство проводится в общем порядке). Другим косвенным свидетельством недостаточно активного участия в процессе доказывания адвоката может, по мнению автора, являться полное отсутствие представленных защитником доказательств или, по меньшей мере, заявленных ходатайств об их истребовании судом.

²⁰² Ряд крупнейших адвокатских палат субъектов РФ регулярно публикуют решения квалификационных комиссий и Советов палат о применении мер дисциплинарной ответственности. См. сайты адвокатских палат г. Москва / URL: <https://www.advokatymoscow.ru/>; Московской области / URL: <https://arpo.ru/>; Санкт-Петербурга / URL: <https://apspb.ru/>; Республики Дагестан / URL: <http://advokatrd.ru/> и других.

Если отсутствие единообразия судебной практики при решении вопросов о виновности подсудимого вызвано, в том числе, не всегда правильным пониманием практическими работниками глубинной сущности презумпции невиновности в совокупности всех ее элементов, то проблема отсутствия единства в вопросах доказывания других обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК (пп. 5–8 ч. 1) обусловлена уже не только методологическими факторами, но и теоретической неразрешенностью вопроса о надлежащем режиме бремени доказывания при их исследовании.

Признав виновным Т. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, Советский районный суд г. Владивостока, в частности, указал в приговоре следующее: *«В ходе судебного следствия стороной защиты и подсудимым не представлено доказательств, свидетельствующих о наличии у Т. заболеваний, являющихся основанием для смягчения назначаемого наказания»*²⁰³. Таким образом, суд констатировал невыполнение бремени доказывания наличия смягчающего обстоятельства стороной защиты.

При изучении судебных решений, нередко встречаются и такие, где не указано, кто из участников судебного следствия не выполнил бремя доказывания наличия смягчающего обстоятельства, вследствие чего суд не стал учитывать его при назначении наказания. Признав Л. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ, Шебекинский районный суд Белгородской области, решая вопрос о наказании отметил: *«Суд не относит к обстоятельствам, смягчающим наказание Л. активное содействие раскрытию и расследованию преступления,*

²⁰³ Приговор Советского районного суда г. Владивостока от 28 мая 2018 г. по делу № 1–235/2018. Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: sudact.ru (дата обращения 01.11. 2021 г.)

так как сторонами не представлено доказательств, свидетельствующих о наличии указанных обстоятельств»²⁰⁴. Несмотря на юридическое указание в числе субъектов, не выполнивших бремя доказывания, в том числе и прокурора, в данном случае, оно, фактически, все равно было возложено на сторону защиты, поскольку негативные последствия недоказанности факта наличия смягчающего обстоятельства понес именно подсудимый, а не государственный обвинитель.

Таким образом, при желании сослаться на наличие смягчающих обстоятельств сторона защиты, зачастую, сталкивается с необходимостью доказать их наличие. В свою очередь, при ссылке стороны обвинения на наличие в уголовном деле обстоятельств, отягчающих наказание, на подсудимого возлагается такой элемент бремени доказывания, как бремя опровержения доводов государственного обвинителя. Между тем, существуют судебные решения, где судом констатируется, что бремя доказывания обстоятельств, выходящих за пределы состава преступления и виновности подсудимого, не выполнено именно стороной обвинения.

Это иллюстрируется следующим примером из судебной практики. Суд апелляционной инстанции указал, что стороной обвинения не доказано, что мобильный телефон, использовавшийся для приобретения наркотического вещества, принадлежал именно подсудимому и может быть конфискован в соответствии со ст. 104.1 УК и п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК: *«Суд апелляционной инстанции, проверив материалы дела, заслушав пояснения осужденного Х. о принадлежности сотового телефон марки «S.» с сим-картой*

²⁰⁴ Приговор Шебекинского районного суда Белгородской области от 06 августа 2019 г. № 1–106/2019 Доступ их электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: sudact.ru (дата обращения 02.11 2021).

оператора связи «У.» Ф., допросив свидетеля Ф. о том, что указанный телефон с сим-картой принадлежит ей, сим-карта оператора сотовой связи «У.» зарегистрирована на ее имя, исследовав материалы уголовного дела, касающиеся изъятия и осмотра сотового телефона, а также справку ООО С. о том, что владельцем абонентского номера сим — карты является Ф. и учитывая, что показания осужденного и свидетеля о принадлежности телефона с сим-картой Ф., а не Х., стороной обвинения не опровергнуты, приходит к выводу о том, что вышеуказанный сотовый телефон с сим-картой подлежит возвращению собственнику — свидетелю Ф»²⁰⁵

Таким образом, при доказывании обстоятельств, входящих в главный предмет доказывания по уголовному делу, но не относящихся к виновности подсудимого, исходя из реалий судебной практики, возможны следующие варианты распределения бремени доказывания:

1) Сторона обвинения заявляет о существовании обстоятельства, подлежащего доказыванию. Она же обязана привести доказательства, подтверждающие ее доводы, например, справку из ПНД по месту жительства лица, страдающего психическим расстройством, в случае, если сторона обвинения заявляет об отягчающем преступление обстоятельстве, предусмотренном п. «д». ч. 1 ст. 63 УК. То есть, сторона обвинения несет и бремя убеждения суда в существовании обстоятельства, имеющего юридическое значение, и бремя представления доказательств, его подтверждающих. Даже если исходить из позиции, что презумпция невиновности не распространяется на доказывание данного юридического факта, то в данном

²⁰⁵ Апелляционное постановление Ивановского областного суда от 27 июня 2019 г. по делу № 22–1010/2019 Доступ из СПС «Судакт» / URL: sudact.ru (дата обращения 01.11.2021).

случае будет действовать общеправовой принцип «доказывает тот, кто утверждает». В этом случае сторона защиты может избрать следующие варианты процессуального реагирования: 1) полное игнорирование доводов и доказательств стороны обвинения; 2) заявление о несостоятельности доводов стороны обвинения и представленных доказательств; 3) заявление о несостоятельности доводов обвинения с приведением собственных контрдоводов — например об осознании подсудимым неадекватности поведения его сообщника, но не знании о том, что оно вызвано именно психическим заболеванием, а не тяжелыми жизненными обстоятельствами; 4) приведение контрдоводов, а также представление доказательств, подтверждающих позицию стороны защиты, — копию водительского удостоверения, сообщника, оригинал которого видел подсудимый и на основании этого предполагал, что лицо, обладающее данным документом, по умолчанию, является вменяемым. В свою очередь, защитник, исходя из требований Стандарта осуществления защиты в уголовном судопроизводстве и КППЭА, обязан занимать процессуально-активную позицию, из чего следует, что варианты 1 и 2 для него являются неприемлемыми. Адвокат обязан проявлять доказательственную активность.

Ситуация как с теоретической, так и с практической точек зрения становится еще более сложной, если речь идет о доказывании смягчающих обстоятельств. Несмотря на то, что ст. 14 УПК РФ возлагает на сторону обвинения лишь бремя доказывания виновности подсудимого, обязанность установить, в том числе наличие (отсутствие) смягчающих обстоятельств также возлагается на сторону обвинения, исходя из требований ст. 73 УПК, п. 7 ч. 1 ст. 220 УПК и п. 1 ч. 1 ст. 225 УПК. Проблема здесь кроется в том, что, во-первых, сторона обвинения, как правило, не обладает процессуальным интересом в доказывании смягчающих обстоятельств, во-вторых,

доказывание отрицательного факта, исходя не только из основ криминалистики, но и общих законов гносеологии (теории познания), отличается большей сложностью, чем доказывание фактов положительных.

Главной теоретической проблемой, в данном контексте, является вопрос — действует ли правило «доказывает тот, кто утверждает» в случае, если о наличии смягчающих обстоятельств заявляет сторона защиты? Представляется, что нет, и дело здесь как раз в том, что сторона обвинения, как было отмечено выше, должна установить наличие (отсутствие) отягчающих и смягчающих обстоятельств и отразить информацию об их доказывании в обвинительном заключении (обвинительном акте). Если же сторона обвинения пришла к выводу об отсутствии смягчающих обстоятельств, то в случае, если стороной защиты ставится под сомнение данный тезис, то, исходя из все тех же требований ст. 73, 220 и 225 УПК, опровергнуть его должна сторона обвинения. Однако, в данной процессуальной конфигурации нерешенным остается все тот же вопрос — в чью пользу толковать сомнения, если они остаются у суда — теперь уже в вопросе наличия смягчающих обстоятельств, о которых заявляет сторона защиты? И вновь, как и при решении о доказанности других обстоятельств, предусмотренных пп. 5–8 ч. 1 ст. 73 УПК, «правильного», то есть легально определенного или хотя бы доктринально принятого решения, по мнению автора, не существует. Для снятия данной проблематики законодателю целесообразно определить — допустимо ли распространять действие презумпции невиновности не только на обстоятельства, характеризующие преступность деяния, но и на обстоятельства, влияющие на его наказуемость. Пока ответа на данный вопрос нет, адвокату и его подзащитному в случаях, когда они оспаривают наличие отягчающих обстоятельств, заявляют о наличии смягчающих

обстоятельств, или об отсутствии оснований для конфискации имущества, необходимо проявлять максимальную активность в осуществлении доказывания, чтобы у суда не оставалось сомнений в доказанности юридических фактов, о наличии (отсутствии) которых заявляет сторона защиты.

При общем анализе возложения бремени доказывания на участников уголовного процесса со стороны защиты необходимо обратиться и к специфике правового положения гражданского ответчика. Данная проблематика становится особенно актуальной при сочетании с процессуальным статусом подсудимого. Доказательственная активность участников уголовного судопроизводства при рассмотрении и разрешении гражданского иска регламентируется нормами как уголовного права и процесса, так и нормами гражданского и гражданско-процессуального права. Данная позиция является доминирующей и, в целом, принята юридической наукой, и судебно-следственной практикой. Между тем, существуют и другие точки зрения. По мнению А. Л. Калининой, процессуальный статус гражданского истца и гражданского ответчика, их представителей детально регламентирован в УПК РФ, что позволяет сделать вывод о том, что к правам и обязанностям данных субъектов не применимы положения гражданско-процессуального законодательства²⁰⁶.

Между тем, является очевидным, что, выступая средством регулирования, прежде всего, публичных правоотношений, связанных с уголовным преследованием, нормы уголовного процесса не содержат и не могут содержать всех правовых предписаний

²⁰⁶ См. Калинина А. Л. Проблемы применения гражданского иска при рассмотрении уголовного дела в особом порядке // Мир юридической науки. — 2018. — № 7. — С. 65

в части гражданского иска в уголовном деле. Как отмечала еще П. А. Лупинская, особенности доказательственного процесса и его результат в уголовном и гражданском процессах определяются, в первую очередь, предметом доказывания, а также различием субъектов процесса, на которых возлагается обязанность доказывания в уголовном и гражданском судопроизводстве (ч. 2 ст. 14 УПК, ст. 56 ГПК).²⁰⁷

В связи с этим, представляется, что проблема решается следующим образом: при доказывании фактов, имеющих уголовно-правовое значение (ст. 73 УПК) обязанность доказывания возлагается на сторону обвинения, а в отношении обвиняемого (гражданского ответчика) действует презумпция невиновности, в соответствии с которой они не обязаны доказывать свою невиновность; при доказывании же обстоятельств, имеющих гражданско-правовое значение, в соответствии со ст. 56 ГПК подсудимый будет должен привести свои доводы против гражданского иска.

²⁰⁷ Лупинская П. А. Общее и особенное в правилах о доказательствах и доказывании в УПК РФ и ГПК РФ // Lex Russica. — 2005. — № 4. — С. 709

2.3 Бремя доказывания суда

Сторонникам концепции, так называемой, «чистой состязательности» само название данного параграфа может показаться неуместным ввиду четко обозначенного состязательного характера отечественного уголовного судопроизводства. Кроме этого, именно в судебных стадиях, когда сторона защиты более независима от стороны обвинения в реализации своих доказательственных прав и обязанностей, и, с учетом трехстороннего характера правоотношений, можно предполагать его максимальную функциональность.

Между тем, разумеется, даже в состязательном уголовном процессе суд не лишен полномочий по осуществлению доказывания, о чем, прежде всего, свидетельствует существование ч. 1 ст. 86 УПК. Анализ популярного в доктрине вопроса о допустимости собирания судом доказательств по своей инициативе не является самоцелью настоящего исследования. Ответ на него был дан Конституционным Судом РФ еще в первые годы действия УПК: *«Такое право является неперемным условием использования судом (в том числе в порядке части первой статьи 86, части первой статьи 240, части первой статьи 282, части первой статьи 283 УПК Российской Федерации) тех или иных доказательств для принятия на их основе правосудных решений. Иное не позволяло бы суду при рассмотрении уголовных дел давать объективную оценку отстаиваемым сторонами позициям и устранять возникающие в ходе судебного разбирательства сомнения в их обоснованности, а следовательно, не обеспечивало бы независимость и беспристрастность суда при отправлении*

правосудия»²⁰⁸. В аналогичном решении, где проблемой стал вызов свидетеля судом, без соответствующего ходатайства стороны, Конституционный Суд РФ также конкретизировал сущность действия принципа состязательности сторон: «В уголовном судопроизводстве принцип состязательности предполагает, что обвинение и защита осуществляются только теми определенными в уголовно-процессуальном законе органами и лицами, которые наделены полномочиями выступать в качестве участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и со стороны защиты. При этом выполнение функции обвинения заключается в возбуждении уголовного преследования, формулировании обвинения и отстаивании его в суде»²⁰⁹. Таким образом, в данной правовой позиции Конституционный Суд РФ обозначил, какие действия суда при осуществлении правосудия будут являться нарушением принципа состязательности. Собираение доказательств по собственной инициативе, само по себе, в их число не входит.

Несмотря на то, что в определении Конституционного Суда РФ по обращению гражданина Веккера, соби́рание доказательств

²⁰⁸ абз. 4 п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 20.11.2003 N 451-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Веккера Сергея Вадимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 86, 87, 235, 252, 253, 283 и 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 12.01.2023).

²⁰⁹ абз. 3 п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. N 104-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33761.pdf> (дата обращения 12.01.2024).

названо правом, а не обязанностью судов, логическое толкование данной правовой позиции позволяет сделать вывод о том, что данное право является полномочием, которое, в свою очередь, служит для реализации уже именно обязанности, по оценке обоснованности позиций сторон. Ее реализация невозможна, по меньшей мере, без оценки и проверки доказательств, представляемых ими. Роль суда в ходе судебного следствия состоит в «доказывании-проверке», а на этапе постановления итогового судебного решения — в «доказывании-обосновании» своего внутреннего убеждения относительно доказанности обстоятельств образующих предмет доказывания по уголовному делу.²¹⁰ Именно для реализации данной функции суд осуществляет уголовно-процессуальное доказывание, направленное на формирование своего внутреннего убеждения в существовании обстоятельств, предусмотренных, прежде всего, ст. 73 УПК. Об этом свидетельствует и правовая позиция Верховного Суда РФ: *«Установление в подготовительной части судебного заседания личности подсудимого не освобождает суд от обязанности в силу требований статьи 73 УПК РФ в ходе судебного следствия выяснить обстоятельства, характеризующие личность подсудимого и имеющие значение для постановления приговора или иного итогового судебного решения».*²¹¹

Таким образом, можно отметить, что реализация судом бремени доказывания также связана с оценкой существования обстоя-

²¹⁰ Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе М. 2009. С. 35

²¹¹ абз. 3 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 N 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 12.01.2024).

тельств, образующих предмет доказывания так же и у сторон уголовного судопроизводства.²¹² Основное же отличие заключается в том, что суд нейтрален по отношению к их установлению (неустановлению) и собирает, проверяет и оценивает доказательства лишь в рамках предъявленного обвинения, имея иной процессуальный интерес. Он заключается не в удовлетворении своих процессуальных требований, как это имеет место у прочих участников судопроизводства, а в вынесении правосудного судебного акта, обладающего свойствами законности, обоснованности и справедливости. Данные процедуры будут существенным образом отличаться друг от друга при проведении судебного разбирательства в общем порядке и в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Основной же процессуальной санкцией за неисполнение данной обязанности будет выступать либо отмена, либо изменение судебного акта вышестоящей инстанцией. Ввиду этого, если бремя доказывания сторон, заключается в убеждении суда в существовании юридически значимых обстоятельств, образующих предмет доказывания, то бремя доказывания суда состоит в убеждении всех заинтересованных в исходе уголовного дела в обоснованности своих выводов относительно их доказанности.

Основной формой реализации бремени доказывания суда на этапе судебного следствия выступают следственные и иные

²¹² Главный предмет доказывания по уголовному делу формируется не только ст. 73 УПК, но и статьями 299, 300, 309 УПК. См. Кудрявцева А. В. Петров А. В. Доказывание и доказательства при осуществлении судебного контроля в уголовном судопроизводстве // Регулирование уголовно-процессуальных правоотношений: 20-летний опыт применения уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией К. А. Корсакова, В. А. Шиплюка. Санкт-Петербург, 2023. С. 49

процессуальные действия, в том числе в тех случаях, когда ходатайства об их проведении заявлялись другими участниками уголовного судопроизводства. При этом, нормативную основу активной доказательственной деятельности суда закладывают, прежде всего, ч. 1 и ч. 3 ст. 240 УПК, в соответствии с которыми суд заслушивает показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключение эксперта, осматривает вещественные доказательства, оглашает протоколы и иные документы, производит другие судебные действия по исследованию доказательств, а приговор может быть основан лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании²¹³. При этом сущность надлежущей реализации принципа непосредственности достаточно удачно сформулирована Ю. Л. Бурносовой: «Активная позиция суда в процессе доказывания предполагает инициативу в проверке всех доказательств, представленных как стороной обвинения, так и стороной защиты, без которой выполнение функции правосудия и вынесение обоснованного и мотивированного решения невозможно»²¹⁴.

Разумеется, что основная часть доказательств, в силу очевидных причин, собирается стороной обвинения еще на стадии

²¹³ Как указал Конституционный Суд РФ: «Приведенные нормы направлены на объективное и всестороннее рассмотрение уголовного дела, непосредственное исследование доказательств судом и сторонами». См. абз. 2 п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 25.04.2023 N 975-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Подгайного Александра Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision678450.pdf> (дата обращения 11.01.2024).

²¹⁴ Бурносова Ю. Л. Теоретические основы и практика применения правила непосредственности при рассмотрении уголовных дел судом первой инстанции: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Челябинск, 2022. С. 14–15

предварительного расследования, а при проведении судебного следствия они подлежат преимущественно оценке и проверке. Однако, и в ходе него доказательственная база пополняется доказательствами, которые вправе представить стороны²¹⁵, а также заявить ходатайства об их истребовании судом.

Приобщение доказательств судом и их истребование как по собственной инициативе, так и по инициативе других участников уголовного судопроизводства, по мнению автора, также относится к собиранию доказательств судом в контексте ч. 1 ст. 86 УПК. Ведь отказ от совершения данных процессуальных действий фактически означает, что доказательство не вовлекается в последующий процесс проверки и оценки, что подтверждает данный тезис.

Конституционный суд РФ, кроме концептуальных решений относительно общего отношения суда к процессу доказывания, сформулировал также ряд правовых позиций, касающихся деятельности по собиранию, проверке и оценке доказательств в рамках конкретных процессуальных (следственных) действий. Анализ их

²¹⁵ Возможность стороны обвинения представлять в суде первой инстанции доказательства, не указанные в обвинительном заключении, то есть фактически собирать доказательства на этапе судебного следствия, была подтверждена в правовой позиции Конституционного Суда РФ. См. абз. 2 п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 г. 2329-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гагарина Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения 12.01.2024).; Более того, в доктрине уголовного процесса деятельность суда, направленная на инициирование собирания сторонами дополнительных доказательств, рассматривается некоторыми авторами как одна из функции суда на этапе судебного следствия. См. Плашевская А. А. Собираание доказательств при рассмотрении дела по первой инстанции в уголовном процессе России: дисс. ...канд. юрид. наук. Томск, 2006. С. 32

сути указывает на то, что суд в ходе судебного следствия не вправе уклоняться от содействия сторонам в собирании доказательств и произвольно отказывать, в том числе, стороне защиты в исследовании представленных ею доказательств. Подобный отказ, допускается лишь в ряде случаев: 1) неотносимости доказательства; 2) его недопустимости; 3) избыточности собирания (приобщения) новых доказательств — исходя из принципа разумности в установлении конкретных обстоятельств²¹⁶. Данная позиция последовательно прослеживается и в других решениях Конституционного Суда РФ относительно исследования отдельных видов доказательств²¹⁷.

²¹⁶ абз. 4 п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 29 мая 2019 г. N 1206-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Душакова Александра Михайловича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / доступ из СПС «Гарант» (дата обращения 12.01.2024).

²¹⁷ абз. 2 п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 23 ноября 2017 г. N 2725-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мироненко Владимира Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьями 80, 87, 88 и 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision305577.pdf> (дата обращения 12.01.2024).; абз. 5 п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 30.06.2020 N 1357-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шакировой Ксении Анатольевны на нарушение ее конституционных прав частью восьмой статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision489457.pdf> (дата обращения 12.01.2024).; абз. 3 п. 1 Определения Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 № 1925-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Феоктистова Олега Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 256, статьями 271 и 274 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 5, статьями 8 и 105 Уголовного кодекса Российской Федерации» / URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision507055.pdf> (дата обращения 12.01.2024).;

Бремя доказывания по собиранию, проверке и оценке доказательств на этапе судебного следствия осуществляется судом для реализации конечной цели всей стадии производства в суде первой инстанции — вынесения правосудного итогового акта. Вследствие этого, доказательственная деятельность суда при постановлении приговора является не менее существенной чем в рамках судебного следствия, даже с учетом того факта, что такой элемент доказывания как их собирание, на ней уже отсутствует, как и требование устности и непосредственности доказательственной деятельности.

В контексте учения о бремени доказывания ключевым свойством приговора и иного судебного решения является его обоснованность, так как именно соблюдение данного требования к судебному акту позволяет в полной степени воспринимать заинтересованным лицам позицию суда относительно доказанности обстоятельств, составляющих предмет доказывания по уголовному делу.

Согласно И. Б. Михайловской, приговор суда является обоснованным, если: 1) выводы суда подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании; 2) при наличии противоречивых доказательств, имеющих существенное значение для выводов суда, в приговоре указано, по каким основаниям суд принял одни из этих доказательств и отверг другие; 3) выводы суда, изложенные в приговоре, непротиворечивы и согласуются друг с другом; 4) в приговоре учтены все обстоятельства, которые могли существенно повлиять на выводы суда²¹⁸. Таким образом, обоснование судебного решения заключается в оценке имеющихся на этапе постановления приговора доказательств и доводов сторон, с целью изложения судом своего внутреннего убеждения относи-

²¹⁸ Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе М., 2006. С. 181.

тельно вопросов, предусмотренных ст. 73 и ст. 299 УПК, прежде всего, в описательно-мотивировочной части приговора.

Закрепляя в п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК обязанность для субъектов доказывания установить событие преступления, законодатель отдельно перечисляет ряд обстоятельств, относящихся к событию преступления, но не являющихся обязательными признаками элементов большинства составов преступлений, предусмотренных УК РФ (время, место, способ). Такое положение вещей, на практике, приводит к тому, что участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения, зачастую, данные обстоятельства не устанавливаются вообще либо устанавливаются неполно. В свою очередь суды, несмотря на констатацию данного факта в описательно-мотивировочной части решения, в ряде случаев, все равно выносят обвинительные приговоры: *«В неустановленный в ходе предварительного следствия день в мае 2018 года, более точные дата и время в ходе предварительного следствия не установлены, А., действуя в составе организованной преступной группы, реализуя единый преступный умысел, направленный на извлечение существенной материальной выгоды от противоправных действий, связанных с незаконными приобретением, хранением в целях последующего сбыта и незаконным сбытом препаратов для снижения массы тела, содержащие сильнодействующее вещество — «с-н», не являющееся наркотическим средством или психотропным веществом, прибыла в г. К. Республики К-н. и в неустановленном месте, на территории г. К. Республики К-н., где свободная продажа сильнодействующих веществ физическим лицам разрешена, при неустановленных следствием обстоятельствах, у неустановленного лица, приобрела препараты для снижения массы тела, в состав которых входит сильнодействующее вещество «с-н», суммарной массой не менее 34,8 г., то есть в крупном размере,*

с целью дальнейшего незаконного сбыта жителям города Ч. и г. Ч. Ч-ой области»²¹⁹.

Из всех трех признаков, характеризующих событие преступления, установление которых прямо предписывается п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК, наибольшие трудности для правоприменителей вызывает именно установление времени совершения преступления. Данный тезис наглядно демонстрируется обращением к материалам судебной практики и наличием значительного количества жалоб, приносимых на приговоры судов первой инстанции именно по этому основанию.

В свою очередь, подход судов, осуществляющих проверку решений судов первой инстанции, к факту недоказанности времени совершения преступления весьма различен. Так, А. М. Паночкин отмечает, что необходимая степень конкретизации при установлении времени, места, способа и других обстоятельств совершения преступления может быть неодинаковой и определяться формулировками различных составов преступлений²²⁰. Однако, даже при производстве следствия по однородным составам преступлений суды по-разному оценивают доказательственную деятельность стороны обвинения.

Иногда суды признают достаточным, для констатации выполнения стороной обвинения обязанности доказывания, когда время совершения общественно опасного деяния не конкретизиро-

²¹⁹ Приговор Троицкого районного суда Челябинской области от 15 мая 2020 г. по делу № 1-105/2019 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: sudact.ru (дата обращения 12.01.2024).

²²⁰ См. Паночкин А. М. Неустановленные обстоятельства совершения преступления: проблемы доказывания // Журнал российского права. — 2015. — № 11. — С. 93

вано даже до соответствующего месяца: *«Вопреки доводам жалобы, время изготовления 3. огнестрельного оружия судом установлено — лето 2014 г., о чём указано в приговоре»*²²¹. Можно признать, что существующее положение вещей прямо не нарушает принцип законности при осуществлении доказывания стороной обвинения ввиду того, что УПК не содержит в себе требования о детализации времени совершения преступления.

Между тем, как верно указывают О. А. Попова и А. В. Ключков, доказательственное значение установления времени совершения преступления возрастает, когда в процессе расследования возникает необходимость конкретизации действий обвиняемого, проверки выдвинутого им алиби, разделения ответственности между соучастниками²²².

Схожие проблемы на практике имеют место и с установлением места совершения преступления. Как и при определении времени преступного деяния, практические работники расходятся во мнениях относительно должной конкретизации описания данного признака объективной стороны преступления. Обращение к материалам судебной практики показывает, что в отдельных случаях место преступления обобщается вплоть до муниципальных районов. Так, при вынесении обвинительного приговора в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 292 УК суд указал следующее: *«Местом совершения преступления определена территория*

²²¹ Постановление президиума Тамбовского областного суда от 12 сентября 2019 г. по делу № 1–6/2017 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: sudact.ru (дата обращения 12.01.2024).

²²² См. Попов О. А. Ключков А. В. Допустимая неопределенность в установлении времени совершения преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2018. — № 4 (47). — С. 119–124

У-го района А-го края, так как в указанный промежуток времени осуществлял свою трудовую деятельность именно на территории У-го района»²²³.

Если при определении времени совершения преступного деяния одной из ошибок, как отмечалось, выступает сведение его юридического значения лишь к истечению сроков давности привлечения к уголовной ответственности, то ошибочное (неточное) установление места совершения преступления, ведет, в свою очередь, к неверному определению подсудности (подследственности) уголовного дела. Однако, в ряде случаев, точное определение места совершения преступления вплоть до дома позволяет сделать вывод не только о непричастности подсудимого к совершению преступления, но и об отсутствии такового в том виде, в каком оно сформулировано стороной обвинения. Это наглядно иллюстрирует правовая позиция суда апелляционной инстанции, который, отменяя вынесенный районным судом приговор, отметил, что подсудимый не мог совершить преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 264 УК, ввиду неверного указания дома, у которого, по версии государственного обвинителя, произошло причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, поскольку указанный в приговоре дом не граничит с местом совершения преступления. Довод прокурора об опечатке был отвергнут, а уголовное дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции²²⁴.

²²³ Приговор Усть-Калманский районный суд Алтайского края от 03 июня 2019 по уголовному делу № 1 – 90/2018 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: sudact.ru (дата обращения 12.01.2024).

²²⁴ Апелляционное постановление Нижегородского областного суда от 3 марта 2020 г. по делу № 22 – 1195/2020. Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: sudact.ru (дата обращения 12.01.2024).

Можно констатировать, что верное определение места и времени совершения общественно опасного деяния, кроме установления других юридически значимых обстоятельств, позволяет, прежде всего, сделать правильный вывод о причастности (непричастности) подсудимого к совершению преступления. В этой связи показательна описательно-мотивировочная часть приговора суда первой инстанции, который, установив точное время и место совершения преступления (жилое помещение), указал, в том числе, следующее: *«В телефонных соединениях с точностью до секунды указана хронология событий. Суд, сопоставляя показания свидетелей в последовательности событий со временем по распечаткам телефонных соединений, приходит к выводу, что с 19:30 и вплоть до убийства Б. находился в машине Г»*²²⁵. Данное уголовное дело примечательно тем, что, во-первых, свидетельствует о том, что при заявлении подсудимым об алиби стороне обвинения, в любом случае, в соответствии с ч. 2 ст. 14 УПК, придется нести бремя его опровержения; во-вторых, наглядно позволяет убедиться в том, что при наличии соответствующего процессуального интереса время определенных юридических фактов, в некоторых случаях, может быть установлено с точностью до минут.

В связи с вышеизложенным весьма актуальной является следующая позиция Конституционного Суда РФ: *«Пункт 1 части первой статьи 73 УПК Российской Федерации, равно как и корреспондирующие ему положения части первой статьи 299 и пункта 1 статьи 307 того же Кодекса предусматривают, что при производстве по уголовному делу среди прочих обстоятельств подлежит*

²²⁵ Приговор Малгобекского районного суда Республики Ингушетия от 23 июля 2018 г. по уголовному делу № 1–18/2018 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: sudact.ru (дата обращения 12.01.2024).

доказыванию событие преступления — время, место, способ и другие обстоятельства его совершения, т.е. объективные признаки преступления, степень конкретизации которых при доказывании важна для квалификации деяния в качестве уголовно наказуемого, для определения основания и меры уголовной ответственности, когда эти элементы включены в конструкцию конкретного состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК Российской Федерации, или характеризуют обстоятельства, влияющие на назначение наказания, а также для установления закона, подлежащего применению с учетом его действия во времени, для определения подследственности, подсудности и разрешения иных юридически значимых вопросов»²²⁶.

Нельзя не отметить, что данный подход является концептуально оправданным ввиду того, что установление признаков объективной стороны с микроскопической точностью сделает доказывание виновности подсудимого непосильным бременем для обвинения и создаст явно завышенный стандарт к требованию обоснованности судебных актов. Между тем, недопустимыми, по мнению автора, являются и ситуации, когда конкретизация места и времени совершения преступления, а также размера материального вреда, снижается до уровня определения подследственности, сроков давности и преступности конкретного деяния. Это, с одной стороны, может создать предпосылки для фабрикации уголовных

²²⁶ абз. 3 п. 2 Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 30.11.2023 № 3265-О «Об отказе в принятии и рассмотрении жалобы гражданина Михеева Олег Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 32 и пунктом 1 статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision726996.pdf> (дата обращения 12.01.2024).

дел, а с другой — затруднить достижение цели по восстановлению законных прав лиц, потерпевших от преступлений. Поиск разумного баланса представляет собой актуальную и сложную исследовательскую проблему, которая, очевидно, не может быть решена путем введения в текст закона математических рамок.

Видоизменный режим распределения бремени доказывания складывается при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции в рамках особого порядка принятия судебного решения. Вполне ожидаемо, что существующая конструкция подвергается критическому анализу. Ввиду отсутствия, в соответствии с ч. 5 ст. 316 УПК, требования о производстве судебного разбирательства с производством в судебном заседании оценки и исследования доказательств, подтверждающих виновность подсудимого, некоторые авторы полагают, что при особом порядке судебного производства виновность подсудимого остается недоказанной. Так, по мнению Л. Г. Татьяниной: «Раз отсутствует процесс доказывания, а решение базируется на признании вины подсудимым, говорить о действии презумпции невиновности можно лишь условно. Отсутствие доказывания не предполагает реализацию состязательности сторон, так как выясняется только мнение сторон о возможности применения особого порядка»²²⁷.

Другими авторами также выражается мнение, что, помимо редукции состязательности, при особом порядке утрачивает свое действие презумпция невиновности: «В конечном счете, обвинительный приговор по уголовным делам данной категории дел не устанавливает вины лица в совершении преступления. Это, в свою

²²⁷ Татьяна Л. Г. Некоторые вопросы уголовно-процессуального доказывания по уголовным делам, рассматриваемым в особом порядке судебного разбирательства // Вестник ОГУ. — 2004. — № 3. — С. 38.

очередь, не позволяет говорить о реализации принципа презумпции невиновности»²²⁸. А. А. Брестер высказывает точку зрения, согласно которой, суд может оценить достоверность доказательств только в рамках их непосредственного исследования²²⁹. Можно предположить, что совокупность данных доводов приводит некоторых исследователей к выводу о том, что при использовании особого порядка сторона обвинения, фактически, освобождается от бремени доказывания вины подсудимого по уголовному делу.²³⁰

Однако, согласно доминирующей в доктрине уголовного процесса позиции, базовые принципы уголовного судопроизводства при рассмотрении дела в особом порядке не утрачивают свое действие полностью, а приобретают отчасти редуцированный характер. Это, по мнению автора, относится и к режиму распределения бремени доказывания в данном производстве.

Следует согласиться с А. В. Боярской, которая указывает на то, что специфика доказывания в рамках особого порядка судебного разбирательства обусловлена формированием здесь двухкомпонентного — уголовно-правового и уголовно-процессуального

²²⁸ Хромова Н. М. Принцип презумпции невиновности при особом порядке судебного разбирательства // Журнал российского права. — 2013. — № 6. — С. 107–115; Деришев Ю. В., Мурашкин И. Ю. Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. М., 2016. С. 37

²²⁹ См. Брестер А. А. Об ошибочности отнесения особого порядка принятия судебного решения к уголовно-процессуальной деятельности // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 12. — С. 144

²³⁰ См. Машинникова Н. О. Реализация принципов уголовного процесса в ходе судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. — 2022. — № 1. — С. 162

предмета доказывания²³¹. Его содержание конкретизировано в правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ: заявление ходатайства о рассмотрении уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства в присутствии защитника добровольно и после консультации с ним в период, установленный ч. 2 ст. 315 УПК РФ; осознание обвиняемым характера и последствий заявленного им ходатайства; обвинение лица в совершении преступления небольшой и (или) средней тяжести; отсутствие возражений у государственного или частного обвинителя и потерпевшего против рассмотрения уголовного дела в особом порядке; обоснованность обвинения и его подтверждение собранными по делу доказательствами²³².

Можно частично согласиться с позицией о том, что общий предмет доказывания не исчезает из правоприменительной деятельности и не заменяется другим, а обращен только к одному участнику уголовного судопроизводства — судье, на которого закон возлагает обязанность исследовать обстоятельства дела, чтобы убедиться в обоснованности предъявляемого подсудимому обвинения.²³³ Оценка доказанности обстоятельств, входящих в предмет доказывания, опосредованно производится не только судом, но и как минимум, обвиняемым, его защитником и прокурором.

²³¹ См. Боярская А. В. Доказывание в упрощенных судебных производствах уголовного процесса России: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Томск, 2012. С. 8

²³² п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 N 60 (ред. от 29.06.2021) «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 14.11.2024).

²³³ Боярская А. В. Характер и последствия преобразования предмета доказывания в рамках особого порядка судебного разбирательства // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2010. — № 3. — С. 206

В противном случае, нельзя говорить о полноценном осознании обвиняемым правовых последствий происходящего. Защитник, несмотря на то, что его позиция, по общему правилу, не может противоречить позиции подзащитного, обязан оценить материалы уголовного дела для исключения возможности самооговора и сформировать свое профессиональное убеждение в правосудности потенциального приговора. Это касается и прокурора, поскольку, несмотря на то, что максимальная реализация функции поддержания государственного обвинения возможна лишь при осуществлении судебного разбирательства в общем порядке, выполнить предписания ч. 5 ст. 315 УПК, а также определить свое отношение к размеру наказания, можно лишь ознакомившись с материалами уголовного дела.

Представляется, что наиболее емко и точно отношение сторонников позиции о том, что суд при постановлении приговора в особом порядке не освобождается от обязанности доказывания, сформулировал С. Б. Россинский: «Процессуальная ограниченность особого порядка судебного заседания никоим образом не освобождает судью от обязанности полноценного личного исследования имеющихся в уголовном деле доказательств, их оценки и логической аргументации своих выводов в целях вынесения законного и обоснованного процессуального решения. ч. 7 ст. 316 УПК РФ прямо указывает на возможность вынесения обвинительного приговора по уголовному делу лишь в том случае, если судья придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно и подтверждается собранными по уголовному делу доказательствами. Очевидно, что прийти к такому выводу без его логического обоснования, строящегося на полноценном собственном исследовании доказательств и их оценке (пусть даже проведенных вне условий состязательности

и гласности), невозможно»²³⁴. При этом, С. А. Роговая верно отмечает, что судья должен оценивать доказательства не с позиции максимальной их вероятности, а их достоверности²³⁵. Кроме этого, подлежат оценке и другие свойства доказательств, такие как относимость, допустимость и достаточность²³⁶.

Одним из актуальнейших направлений совершенствования института особого порядка принятия судебного решения является разработка предложений о балансировке его норм с точки зрения категоричности условий его применения. Как поступать судье, если по результатам предварительного изучения материалов уголовного дела у него сложилось внутреннее убеждение в виновности подсудимого, соответствующее высокой степени вероятности, но не достигающее достоверной убежденности, либо имеются сомнения в обладании отдельными доказательствами необходимыми свойствами?

Несмотря на то, что ч. 7 ст. 316 УПК не содержит требования к степени внутреннего убеждения судьи, представляется, что ч. 4 ст. 14 УПК сохраняет свое действие, поскольку обратное законом не установлено, что означает, что судья в таких случаях обязан назначить судебное разбирательство по уголовному делу в общем порядке. Здесь, однако, возникает вопрос, насколько справедлива

²³⁴ Россинский С. Б. Особый порядок судебного разбирательства как форма доказывания обстоятельств уголовного дела: возражения оппонентам // *Законы России: опыт, анализ, практика.* — 2016. — № 4. — С. 45

²³⁵ См. Роговая С. А. Проблемы оценки доказательств и принятия решений при особом порядке уголовного судопроизводства: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 23

²³⁶ См. Блинова О. Г. Возможно ли вынесение правосудного приговора при особом порядке принятия судебного решения? // *Судебная власть и уголовный процесс.* — 2019. — № 1. — С. 57–60

такая ситуация? Разумеется, ставить под сомнение полномочие судьи на отказ участникам уголовного судопроизводства в осуществлении судопроизводства в особом порядке представляется неуместным в силу целого ряда причин, как правового, так и внеправового характера. Между тем, в данном ключе возможен ряд компромиссных решений.

Первое из них заключается в том, что принятию судебного решения в особом порядке должен предшествовать обязательный допрос подсудимого²³⁷. Также заслуживает внимания идея о наделянии суда полномочиями по выборочной проверке отдельных доказательств при рассмотрении уголовных дел с последующим решением вопроса о применении особого порядка рассмотрения дела или о переходе к рассмотрению дела в общем порядке²³⁸. Можно признать, что данная мера по своей сути, означает переход к усеченной форме судебного следствия, что, тем не менее, не снижает ее конструктивный потенциал, даже с учетом того, что установление количественного критерия проверяемых доказательств не может выступать основным критерием возможности применения данной меры в конкретном производстве.

В завершение научного анализа института особого порядка принятия решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением представляется целесообразным кратко затронуть еще одно потенциальное направление его совершенствования. Так, И. С. Дикаревым сформулировано предложение возложить на суд,

²³⁷ См. Качалова О. В. Ускоренные производства в уголовном процессе: есть ли предел дифференциации уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 1 (62). — С. 147

²³⁸ См. Сенькина Ж. С. Активность суда в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2014. С. 24

рассматривающий уголовное дело в особом порядке, обязанность отражать и мотивировать свои выводы в итоговом судебном решении²³⁹. При этом в контексте методологии учения о бремени доказывания вполне уместным является и следующий приводимый аргумент в пользу данной позиции: «В настоящее время, как уже было сказано, проверка вышестоящей судебной инстанцией судебного решения по основанию, предусмотренному п. 1 ст. 389.15 УПК РФ, невозможна из-за того, что суд в приговоре, постановленном в порядке ст. 316 УПК РФ, фактические обстоятельства не устанавливает, анализ и оценку доказательств не приводит»²⁴⁰. Таким образом, внедрение подобной меры способствовало бы появлению у суда первой инстанции не только юридической обязанности по обоснованию судебного акта, но и объективной процессуальной необходимости реализации данной функции. Однако, как и во многих других случаях, достоинства предлагаемой меры являются продолжением ее недостатков. Данная конструкция, по сути, означает «ополовинивание» особого порядка ввиду того, что судебное разбирательство в таком случае остается особым, а этап постановления приговора, фактически, приобретает присущий общему порядку вид.

Между тем, даже в рамках данного вопроса возможен дальнейший поиск максимально сбалансированного нормотворческого решения. Так, Ю. А. Кузовенкова предложила скорректировать текст ч. 8 ст. 316 УПК РФ, указав, что анализ и оценка доказательств, подтверждающих обстоятельства, перечисленные

²³⁹ См. Дикарев И. С. Учет позиции потерпевшего при применении особого порядка судебного разбирательства // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2021. — № 1. — С. 93

²⁴⁰ См. Дикарев И. С. Там же.

в ч. 1 ст. 299 УПК РФ, в приговоре не отражаются. По всем остальным вопросам, указанным в ст. 299 УПК РФ, приговор, должен быть обоснован и мотивирован²⁴¹. Преимущество подобного подхода заключается в том, что, он позволяет учесть интересы максимально широкого количества вовлеченных в уголовное судопроизводство участников, в том числе потерпевшего, гражданского истца (гражданского ответчика) и их представителей (законных представителей). Как указывает А. А. Алимурзаев: «Согласие стороны защиты с обвинением презюмирует его доказанность и создает предпосылку для констатации судом бесспорности дела и возможности вынесения по нему решения по существу». Согласие обвиняемого с обвинением в установленном законом порядке равнозначно установлению главного факта и подтверждению права государства на применение уголовного закона к подсудимому.²⁴² Однако, несмотря на это, даже в условиях отсутствия судебного следствия, можно предусмотреть повышенные гарантии защиты интересов тех лиц, для которых решение вопроса о виновности (невиновности) подсудимого, а также вид и размер назначенного ему наказания имеют второстепенное значение и вызывают процессуальный интерес, главным образом, в контексте восстановления и (или) защиты гражданско-правовых прав.

²⁴¹ См. Кузовенкова Ю. А. Некоторые вопросы постановления приговора в особом порядке судебного разбирательства // Сибирские уголовно-процессуальные и юридические чтения. — 2017. — № 1. — С. 93

²⁴² Алимурзаев А. А. Доказывание в сокращенных формах уголовного судопроизводства по делам публичного обвинения: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М, .2014. С. 9–10

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщение специфики института бремени доказывания в отечественном уголовном судопроизводстве позволяет сделать ряд выводов относительно особенностей его становления и функционирования, влияния на судебную практику и дальнейшее развитие доктрины уголовного процесса.

1. Бремя доказывания — это обусловленная либо юридической обязанностью, либо объективной необходимостью деятельность участника уголовного процесса по установлению (обоснованию) существования юридически значимого обстоятельства в уголовном процессе. По своей структуре она включает в себя две разновидности процессуальной активности — юридическую обязанность и объективную (фактическую) необходимость. Юридическая обязанность доказывания, по своей сути, является классической правовой обязанностью, установленной процессуальным законом, неисполнение которой влечет негативные процессуальные последствия. Объективная необходимость доказывания представляет собой долженствование, обусловленное законным интересом и фактическим процессуальным положением участника уголовного судопроизводства, побуждающими его проявлять правомерную доказательственную активность с целью предотвратить риск наступления негативных последствий недоказанности юридически значимых обстоятельств.

2. Правовое закрепление распределения доказательственных обязанностей между субъектами уголовного судопроизводства напрямую зависит от господства в конкретный исторический этап правового развития государства определенного типа уголовного процесса. По мере усиления публичных начал в ходе осуществления производства по уголовным делам отмечается тенденция

перехода доказательственных обязанностей от частных лиц к представителям государственной власти. Развитие же принципов состязательности ведет к усилению роли сторон в реализации бремени доказывания.

3. Текстуальный анализ норм УПК показывает, что распределение бремени доказывания в уголовном процессе регулируется не только посредством использования терминов «бремя» и «обязанность», но и посредством других формулировок, включающих в себя такие юридические конструкции и предписания как «установление обстоятельств», «обоснование доводов», «представление доказательств», «выражение правовой позиции», «поддержание обвинения», «мотивирование жалоб и ходатайств». Данная деятельность невозможна, по крайней мере, без оценки имеющихся в уголовном деле или могущих быть включенными в уголовный процесс доказательств.

Возложение бремени доказывания на участников уголовного судопроизводства не определяется исключительно через прямое предписание закона, как это имеет место в ч. 2 ст. 14 и ч. 4 ст. 235 УПК. Его наличие и структура могут определяться также рядом иных способов: 1) посредством системного и логического толкования законодательства; 2) через содержание предмета доказывания 3) с помощью использования формальных средств доказывания (главным образом презумпций).

4. Критерием надлежащей реализации бремени доказывания участником уголовного судопроизводства является достижение пределов доказывания и стандарта доказанности обстоятельства, составляющего предмет доказывания. Границы пределов доказывания определяются требованиями закона, тенденциями правоприменительной практики и правовыми позициями высших судебных инстанций и характеризуют количественную сторону

процесса доказывания. Стандарт доказанности характеризует степень внутреннего убеждения суда в существовании доказываемого обстоятельства. В отечественном уголовном судопроизводстве общепринятыми являются два из них — вероятная доказанность и достоверная доказанность.

5. Распределение бремени доказывания имеет место как при доказывании юридически значимых обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК и влияющих на принятие итогового процессуального решения, так и при установлении обстоятельств, являющихся основаниями для принятия промежуточных процессуальных решений. Данная ситуация обусловлена постоянным развитием и усложнением уголовно-процессуального законодательства. В современном уголовном судопроизводстве бремя доказывания уже не может распределяться исключительно в рамках трех классических процессуальных функций, реализуемых при установлении фактических обстоятельств дела и виновности (невиновности) подсудимого.

В зависимости от разрешаемого вопроса, при установлении ряда иных юридически значимых обстоятельств в уголовном судопроизводстве, бремя доказывания может возлагаться не только на сторону обвинения или на отдельные публично-властные субъекты уголовного процесса, но и на других процессуальных субъектов, не наделенных властными полномочиями, отстаивающих личные или представляемые интересы: защитника (адвоката), обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика.

6. Бремя доказывания может распределяться не только между представителями состязającychся сторон, но и между процессуальными субъектами, представляющими одну сторону, в случае, если их процессуальные интересы либо расходятся, либо

полностью не совпадают. Например, при доказывании оснований и размера гражданского иска.

Кроме того, при реализации правоотношений, связанных с распределением бремени доказывания, могут складываться нехарактерные для состязательного судопроизводства процессуальные ситуации, связанные с общностью процессуальных интересов. Например, в случае возмещения судебных издержек, интересу потерпевшего может противостоять частично совпадающий интерес государственного обвинителя и подсудимого.

7. Ввиду того, что одним из основных регуляторов распределения бремени доказывания в уголовном процессе является презумпция невиновности, неустранимые сомнения в доказанности (недоказанности) юридически значимых обстоятельств должны толковаться в пользу обвиняемых не только при доказывании виновности, но и при установлении ряда других юридических фактов, существование которых может ухудшить их положение — наличие отягчающих обстоятельств, оснований для конфискации имущества, возложения на подсудимого процессуальных издержек и прочих.

8. Реализация обязанности доказывания прокурором в суде первой инстанции обеспечивается, прежде всего, действием принципа публичности российского уголовного судопроизводства, а объективной необходимости доказывания — содержанием принципа презумпции невиновности, возлагающей на государственного обвинителя бремя опровержения доводов защиты, устанавливающей правило толкования сомнений в доказанности виновности в пользу подсудимого, а также требование к достоверной доказанности обстоятельств, образующих главный предмет доказывания по уголовному делу. Между тем, требование к выполнению данной обязанности не может являться абсолютным, как и к реализации

принципов публичности и состязательности сторон. Отказ от государственного обвинения не является нарушением состязательности и исключает бремя и обязанность доказывания.

9. Адвокат в уголовном процессе обязан надлежащим образом участвовать в доказывании. Эта обязанность отличается от обязанности государственного обвинителя тем, что обусловлена не установлением процессуальных санкций (недопустимо, чтобы последствия недостаточной доказательственной активности адвоката сказывались на законных интересах подсудимого), а возможностью применения к нему дисциплинарных и гражданско-правовых мер ответственности в случае ее невыполнения. Это обстоятельство не позволяет правоприменительным органам выносить решения против подсудимого, мотивируя их тем, сторона защиты не представила необходимых доказательств. Учитывая это, следует осторожно относиться к предложениям о введении нормы об обязанности доказывания защитника именно в ст. 14 УПК²⁴³. Представляется более рациональным введение подобной нормы в ст. 49 УПК, устанавливающую правовой статус защитника. Объективная необходимость доказывания для защитника обуславливается, кроме чисто процессуальных факторов, еще и репутационной составляющей.

10. Бремя доказывания суда реализуется в двух основных формах: 1) в условиях судебного следствия в рамках действия принципов непосредственности и устности; 2) в рамках опосредованной оценки доказательств, начиная с этапа поступления уголовного дела судье, и заканчивая деятельностью по постановлению и оглашению итогового процессуального решения. Юридическая

²⁴³ См. Деришев Ю. В. Мурашкин И. Ю. Презумпция невиновности: теория, противоречия реализации и пути их нейтрализации // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2012. — № 2 (45). — С. 44–48

обязанность доказывания предусмотрена, главным образом, ст. 86–88 УПК и 297 УПК, предусматривающей, в том числе, требование к обоснованности приговора. Объективная необходимость доказывания обусловлена возможностью отмены или изменения вышестоящими судебными инстанциями судебного акта, постановленного с нарушением требований закона²⁴⁴. Данную меру можно признать видом правосстановительной санкции²⁴⁵.

Поскольку основной целью бремени доказывания суда является вынесение правосудного судебного решения, а не доказывание виновности (невиновности) подсудимого, то его доказательственная активность в рамках судебного следствия не может быть выше, чем у сторон. Обратное означает нарушение принципа состязательности. Наличие такой ситуации может быть констатировано судом вышестоящей инстанции путем анализа текста судебного акта и протокола судебного заседания.

11. Законодателю предстоит найти концептуальное решение вопроса о толковании сомнений в установлении юридически значимых обстоятельств уголовного дела в случае балансирования на «чаше весов» правовых интересов участников уголовного процесса, являющихся частными лицами, как это имеет место, например, в доказывании обоснованности и разумности размера понесенных потерпевшим расходов на получение квалифицированной юридической помощи.

Дальнейшее развитие учения о бремени доказывания может, с учетом сложившихся стадий уголовного процесса, развиваться

²⁴⁴ См. Васин В. В. Уголовно-процессуальное познание судом первой инстанции обстоятельств уголовного дела: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Томск, 2006. С. 16

²⁴⁵ См. Алексеев С. С. Общая теория права: 2-е издание М. 2008. С. 196

как в направлении изучения особенностей его распределения как на досудебных этапах уголовного судопроизводства, так и в ходе пересмотра решений судов первой инстанции. Субъектной состав и задачи каждой стадии непосредственным образом сказываются на процессе доказывания, что обуславливает сохранение актуальности и научной перспективы при проведении научных исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

Правовые акты:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 02.01.2024). — Текст : электронный.

2. Конституция РСФСР в редакции от 9, 10 декабря 1992 г. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения 21.12.2023). — Текст : электронный.

3. Псковская судная грамота (1397–1467): подлинная и в пер. на совр. язык с примеч. по установлению переводного текста / Составители И. И. Васильев и Н. П. Кирпичников — Псков: изд-во Псков. Археолог. о.-ва, 1896. — 76 с. — Текст : непосредственный.

4. Судебник Ивана IV; 1550 г. Перевод Цыганова В. Б. Электронный ресурс / URL: russiahistory.ru/download/library/istochniki/1073676_96334_sudebnik_1550_goda.pdf (дата обращения 16.01.2024). — Текст : электронный.

5. Соборное Уложение 1649 г. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения 16.01.2024). — Текст : электронный.

6. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения 16.01.2024). — Текст : электронный.

7. Основы уголовного судопроизводства СССР от 25 декабря 1958. Доступ из СПС «консультант+» (дата обращения 16.01.2024). — Текст : электронный.

8. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 15 февраля 1923. в ред. от 15.02.1923 г доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 16.01.2024). — Текст : электронный.

9. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960. в ред. от 27.10.1960 Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 16.01.2024). — Текст : электронный.

10. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992. N 2202-1 Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 08.12.2023). — Текст : электронный.

11. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 11.01.2024). — Текст : электронный.

12. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023). Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 02.01.2024). — Текст : электронный.

13. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) Доступ из СПС «Консультант+» (Дата обращения 10.01.2024). — Текст : электронный.

14. Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 07.01.2024). — Текст : электронный.

15. Федеральный закон от 28.12.2013 N 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 04.01.2024). — Текст : электронный.

16. Приказ Генпрокуратуры РФ от 20.11.2007 N 185 (ред. от 26.05.2008) «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства». Доступ из СПС «Консультант»+ (дата обращения 04.12.2023). — Текст : электронный.

17. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 25 декабря 2012. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения 07.12. 2023). — Текст : электронный.

18. «Кодекс профессиональной этики адвоката» (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 15.04.2021) Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 07.01.2023). — Текст : электронный

19. «Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве» [принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.]. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения 02.10.2023). — Текст : электронный.

20. «Стандарт оказания адвокатом бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи» (утв. XI Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2023) Доступ из СПС «Консультант+» (Дата обращения 07.01.2023). — Текст : электронный

монографии:

21. Алексеев С. С. Общая теория права: 2-е издание / С. С. Алексеев — Москва : Проспект, 2008. — 565 с. ISBN 978-5-482-01784-5.

22. Бабаев В. К. Презумпции в советском праве / В. К. Бабаев — Горький : Горьк. высш. школа. ГВШ, 1974. — 122 с.

23. Барабаш А. С. Сущность уголовного процесса и его роль в формировании ответственности правонарушителя / А. С. Барабаш — Красноярск : Краснояр. гос. аграр. ун-т., 1997. — 130 с.

24. Барац Г. М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией: Восстановление текста, перевод, комментариев и сравнение с другими правовыми памятниками, в частности, с Русской Правдой / Г. М. Барац — Киев : артели печ. дела, 1910. — 266 с.

25. Борисенко Г. Ф. Уголовный процесс Окончательное производство Г. Ф. Борисенко — Казань : Типо-литогр. «Восток», 1925. — 64 с.

26. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах / Л. Е. Владимиров — Санкт-Петербург : Кн. маг. Законоведение, 1910. — 440 с.

27. Владимирский-Буданов В. Ф. Обзор истории русского права / В. Ф. Владимирский-Буданов — Москва : Территория будущего, 2005. — 800 с. — ISBN 5-7333-0172-4.

28. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве / А. Я. Вышинский — Москва : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. — 220 с.

29. Галкин Б. А. Уголовный процесс / Б. А. Галкин, Н. Я. Калашникова — Москва : Гос. изд-во юрид. лит., 1949. — 228 с.

30. Евстигнеева О. В. Лавнов М. А. Спесивов Н. В. Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в российском уголовном процессе / О. В. Евстигнеева, М. А. Лавнов, Н. В. Спесивов — Саратов : Саратовская гос. юрид. акад., 2018. — 183 с. ISBN 978-5-7924-1413-6.

31. Зимин А. А. Памятники права киевского государства / А. А. Зимин — Москва : Гос. изд-во юрид. лит., 1952. — 304 с.

32. Каминская В. И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе / В. И. Каминская — Москва : изд-во АН СССР, 1948. — 132 с.
33. Карев Д. С. Советский уголовный процесс / Д. С. Карев — Москва : Госюриздат, 1956. — 416 с.
34. Кокорев Л. Д. Уголовный процесс: доказательства и доказывание / Л. Д. Кокорев, Н. П. Кузнецов — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. — 268 с. — ISBN 5-7455-0868-X (в пер.).
35. Коновалов А. Б. Основы теории доказывания / А. Б. Коновалова — Киров : Изд-во Вятского гос. гуманитарного ун-та, 2012. — 185 с. — ISBN 978-5-456-00122-1.
36. Кудрявцева А. В. Функция защиты на стадии предварительного расследования / Кудрявцева А. В., Великосельский Ю. И. — Челябинск : Полиграф-Мастер, 2006. — 167 с.
37. Кухта А. А. Доказывание истины в уголовном процессе / А. А. Кухта — Нижний — Новгород : НА МВД России, 2009. — 122 с.
38. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе / В. А. Лазарева — Москва : Юрайт, 2013. — 360 с. — ISBN 978-5-534-15772-7.
39. Ларин А. М. Презумпция невиновности / А. М. Ларин — Москва : Наука, 1982. — 152 с.
40. Левченко О. В. Доказывание в уголовном процессе России / О. В. Левченко — Астрахань : Астрах. гос. техн. ун-т, 2000. — 134 с. — ISBN 5-89154-054-1.
41. Либус А. И. Презумпция невиновности в советском уголовном процессе / А. И. Либус — Ташкент : Узбекистан, 1981. — 232 с.

42. Лупинская П. А. Доказательства в советском уголовном процессе / П. А. Лупинская — Москва : М-во высш. образования СССР, 1955. — 56 с.

43. Макарова З. В. Профессиональная защита подозреваемых, обвиняемых / З. В. Макарова — Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2008. — 335 с. — ISBN 978-5-94201-539-2.

44. Матузов Н. И. Теория государства и права / Н. И. Матузов, А. В. Малько — Москва : Дело, 2014. — 525 с. — ISBN 978-5-7749-0902-5.

45. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе / И. Б. Михайловская — Москва : Проспект, 2008. — 189 с. — ISBN 5-482-00648-4.

46. Момотов В. В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. / В. В. Момотов — Москва : Зерцало-М, 2003. — 416 с. — ISBN 5-94373-062-1.

47. Мотовиловкер Я. О. Основные процессуальные функции / Я. О. Мотовиловкер — Ярославль : М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР, 1976. — 93 с.

48. Деришев Ю. В., Мурашкин И. Ю. Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением / Ю. В. Деришев, И. Ю. Мурашкин — Москва : Юрлитинформ, 2016. — 176 с.

49. Нажимов В. П. Типы, формы и виды уголовного процесса / В. П. Нажимов — Калининград : Калинингр. ун-т, 1977. — 92 с.

50. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе / Ю. К. Орлов — Москва : Юристъ, 2009. — 174 с. — ISBN 978-5-7975-0964-6.

51. Петрова О. В., Уголовно-процессуальное доказывание / О. В. Петрова, В. В. Струкова — Курск : Юго-западный гос. ун-т, 2013. — 250 с. — ISBN 978-5-7681-0881-6.

52. Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание / А. В. Победкин — Москва : Юрлитинформ, 2009. — 408 с. — ISBN 978-5-93295-425-6.

53. Пронина М. П. Презумпции в современном российском праве / М. П. Пронина — Москва : Юрлитинформ, 2011. — 148 с. — ISBN 978-5-93295-939-8.

54. Свиридов В. А. Становление и развитие судебных органов в России: исторический аспект / В. А. Свиридов — Воронеж : Цифровая полиграфия, 2018. — 159 с. — ISBN 978-5-906384-69-0.

55. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса: судоустройство — судопроизводство / В. К. Случевский — Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1910. — 664 с.

56. Смирнов А. В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе / А. В. Смирнов — Москва : Норма, 2023. — 240 с.

57. Строгович М. С. Учение о материальной истине / М. С. Строгович — Москва : изд-во АН СССР, 1947. — 276 с.

58. Терехин В. В. Доказательства и доказывание в уголовном процессе / Терехин В. В., Наметкин Д. В., Смолин А. Ю. — Нижний Новгород: НА МВД России, 2013. — 125 с. — ISBN 978-5-88840-096-8.

59. Ульянова Л. Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России / Л. Т. Ульянова — Москва : Городец, 2008. — 173 с. — ISBN 978-5-9584-0189-5.

60. Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания / Ф. Н. Фаткуллин — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1976. — 206 с.

61. Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству / Г. С. Фельдштейн — Москва: Типо-лит. В Рихтер, 1915. — 433 с.

62. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. Т. 1 / И. Я. Фойницкий — Санкт-Петербург : Альфа, 1996. — 552 с.

63. Хутько Т. В. История государства и права России в период становления и развития абсолютизма (конец XVII–XIX вв.): учебное пособие для бакалавров / Т. В. Хутько — Симферополь : Издательство типография Ариал, 2019. — 240 с. — ISBN 978-5-907118-50-8.

64. Чельцов-Бебутов М. А. Обвиняемый и его показания в советском уголовном процессе / М. А. Чельцов — Москва : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. — 52 с.

65. Чурилов С. Н. Предмет доказывания в уголовном судопроизводстве и криминалистике / С. Н. Чурилов — Москва : Юстицинформ, 2010. — 133 с. — ISBN 978-5-7205-1001-5.

66. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам / С. А. Шейфер — Москва : Норма, 2014. — 238 с. — ISBN 978-5-468-00235-3.

67. Шифман М. Прокурор в уголовном суде / М. Шифман — Москва : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. — 208 с.

68. Якуб М. Л. Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР / М. Л. Якуб — Москва : Госюриздат, 1955. — 235 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций:

69. Авилов А. В. Субъекты обязанности доказывания в уголовном судопроизводстве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Авилов Александр Владимирович — Краснодар, 2011. — 165 с.

70. Алимйрзаев А. А. Доказывание в сокращенных формах уголовного судопроизводства по делам публичного

обвинения: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук : 12.00.09 / Алимйрзаев Алисултан Абдурагимович — Москва, 2014. — 36 с.

71. Амплеева Т. Ю. История уголовного судопроизводства России: XI–XIX вв. : дисс. ...докт. юрид. наук: 12.00.01 / Амплеева Татьяна Юрьевна — Москва, 2009. — 457 с.

72. Астемирова Л. М. Презумпции в российском праве: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук : 12.00.01 / Астемирова Людмила Амерхановна — Москва, 2010. — 24 с.

73. Барабанов П. К. Реализация назначения уголовного судопроизводства при доказывании в суде первой инстанции: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук : 12.00.09 / Барабанов Павел Кельсеевич — Владимир, 2011. — 26 с.

74. Боярская А. В. Доказывание в упрощенных судебных производствах уголовного процесса России: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Боярская Александра Владимировна — Томск, 2012. — 243 с.

75. Бурносова Ю. Л. Теоретические основы и практика применения правила непосредственности при рассмотрении уголовных дел судом первой инстанции: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Бурносова Юлия Львовна — Челябинск, 2022. — 33 с.

76. Васин В. В. Уголовно-процессуальное познание судом первой инстанции обстоятельств уголовного дела: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук : 12.00.09 / Васин Вячеслав Викторович — Томск, 2006. — 35 с.

77. Вульф В. Я. Обязанность доказывания в советском уголовном процессе : дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.00 / Вульф Виталий Яковлевич — Москва, 1963. — 259 с.

78. Горячев И. Н. Презумпция знания закона и принцип несущественности юридической ошибки в уголовном

праве России: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Горячев Илья Николаевич — Екатеринбург, 2010. — 24 с.

79. Дрягин М. А. Презумпция невиновности в российском уголовном судопроизводстве : дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Дрягин Михаил Александрович — Иркутск, 2004. — 210 с.

80. Егоров А. Ю. Состязательность в стадии назначения судебного заседания: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Егоров Александр Юрьевич — Екатеринбург, 2003. — 22 с.

81. Костовская Н. В. Оценка доказательств при принятии процессуальных решений по уголовному делу судом первой инстанции : автореф. дисс... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Костовская Наталья Валерьевна — Екатеринбург, 2010. — 26 с.

82. Козлова А. Н. Публичность как принцип уголовного судопроизводства : дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Козлова Анастасия Николаевна, Москва, 2007. — 251 с.

83. Крюков В. Ф. Правовой статус прокурора в уголовном преследовании (досудебное и судебное производство) : дисс. ...докт. юрид. наук: 12.00.09 / Крюков Виктор Федорович — Москва, 2012. — 499 с.

84. Кузнецов И. П. Доказывание и его особенности на стадиях уголовного процесса России : дисс ...докт. юрид. наук: 12.00.09 / Кузнецов Николай Пантелеймонович — Воронеж, 1998. — 444 с.

85. Левченко О. В. Система средств познавательной деятельности в доказывании по уголовным делам и ее совершенствование : автореф. дисс. ...докт. юрид. наук: 12.00.09 / Левченко Ольга Владимировна — Краснодар, 2004. — 55 с.

86. Лукашевич В. З. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе : автореф. дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.00 / Лукашевич Владимир Захарович — Ленинград, 1955. — 20 с.

87. Лупанова С. В. Предварительные слушания как форма подготовки дела к судебному разбирательству в российском уголовном процессе: автореф. ...дисс. канд. юрид. наук: 12.00.09 / Лупанова Светлана Владимировна — Нижний Новгород, 2006. — 219 с.

88. Максимова Т. Ю. Стадия назначения судебного заседания по уголовному делу: история и современность: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Максимова Татьяна Юрьевна — М., 2007. — 30 с.

89. Матвиенко Е. А. Судебное следствие в советском уголовном процессе: дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.00 / Матвиенко Евгений Александрович — Москва, 1951. — 308 с.

90. Морквин В. А. Правовые презумпции в уголовном судопроизводстве России : дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Морквин Виталий Алексеевич — Екатеринбург, 2008. — 243 с.

91. Осипков Е. Н. Действие принципа состязательности сторон на этапе подготовки к судебному заседанию в уголовном судопроизводстве России : автореф. ...дисс. канд. юрид. наук: 12.00.09 / Осипков Евгений Николаевич — Оренбург, 2009. — 18 с.

92. Плашевская А. А. Собираание доказательств при рассмотрении дела по первой инстанции в уголовном процессе России: дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Плашевская Анастасия Анатольевна — Томск, 2006. — 241 с.

93. Пронина М. П. Презумпции в современном российском праве : автореф. дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.01 / Пронина Мария Петровна — Нижний. Новгород, 2010. — 30 с.

94. Роговая С. А. Проблемы оценки доказательств и принятия решений при особом порядке уголовного

судопроизводства : автореф. дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Роговая Светлана Анатольевна — Нижний Новгород, 2006. — 28 с.

95. Рукавишников П. П. Отказ государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Иркутск, 2008. — 252 с.

96. Рябинина Т. К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение: автореф. дисс. ...докт. юрид. наук: 12.00.09 / Рябинина Татьяна Кимовна — Курск, 2021. 545 с.

97. Салеева Ю. Е. Преюдиция в современном уголовном процессе России: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Салеева Юлия Евгеньевна — Нижний Новгород, 2014. — 32 с.

98. Селедкина Н. А. Судебное следствие в российском уголовном процессе : дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Селедкина Наталья Александровна — Екатеринбург, 2005. — 223 с.

99. Сенькина Ж. С. Активность суда в уголовно-процессуальном доказывании : автореф. дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сенькина Жанна Сергеевна — Н. Новгород, 2014. — 24 с.

100. Тарасенко В. В. Презумпции и фикции в современном уголовном праве России: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Тарасенко Виталий Викторович — Краснодар, 2017. — 28 с.

101. Хохлова Е. М. Субъективное право и юридическая обязанность в механизме правового регулирования: дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Хохлова Елена Михайловна — Саратов, 2008. — 169 с.

102. Чебаненко С. Б. Княжеский и народный суд в Древней Руси : дисс. ...докт истор. наук: 07.00.02 / Чебаненко Сергей Борисович — Санкт-Петербург, 2007. — 308 с.

103. Шигуров А. В. Подготовка уголовного дела к судебному заседанию в российском уголовном процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Шигуров Александр Викторович — Ижевск, 2004. — 26 с.

104. Юрченко Л. В. Оценочные действия судьи на этапе подготовки к судебному заседанию: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Юрченко Лилия Вячеславовна — Москва, 2008. — 228 с.

СТАТЬИ:

105. Александров А. С. Принципы уголовного судопроизводства / А. С. Александров // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2003. — № 5. — С. 162–178

106. Амплеева Т. Ю. Судоустройство и уголовное судопроизводство в Московском централизованном государстве / Т. Ю. Амплеева // Публичное и частное право. — 2011. — № 2 — С. 60–72

107. Арсеньев Д. В. Должен ли порядок проведения предварительного слушания предусматривать судебное следствие? (некоторые суждения) / Д. В. Арсеньев // Право и правосудие в современном мире: актуальные проблемы публичного и частного права, сборник научных статей молодых исследователей. Санкт-Петербург, 2021. — С. 535–540

108. Блинова О. Г. Возможно ли вынесение правосудного приговора при особом порядке принятия судебного решения? / О. Г. Блинова // Судебная власть и уголовный процесс. — 2019. — № 1. — С. 57–60

109. Боруленков Ю. П. Довод как категория доказательственного права / Ю. П. Боруленков // Российский судья. — 2019. — № 3. — С. 23–28

110. Боярская А. В. Характер и последствия преобразования предмета доказывания в рамках особого порядка судебного разбирательства А. В. Боярская // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2010. — № 3. — С. 203–208

111. Брестер А. А. Об ошибочности отнесения особого порядка принятия судебного решения к уголовно-процессуальной деятельности / А. А. Брестер // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 12. — С. 140–146

112. Брянская Е. В. О развитии доказательств в уголовном процессе дореволюционной России / Е. В. Брянская // Сибирский юридический вестник. — 2014. — № 4. — С. 15–20

113. Брянская Е. В. Аргументирующая сила обязательных доказательств в уголовном судопроизводстве / Е. В. Брянская // Российская юстиция. — 2016. — № 10. — С. 53–56

114. Васильев А. А. Зацепина О. Е. Презумпции и фикции как элементы текста нормативно-правового акта / А. А. Васильев, О. Е. Зацепина // Юрислингвистика. — 2017. — № 6. — С. 19–31

115. Горячев И. Н. О статистических основаниях действия презумпции знания закона в уголовном праве России / И. Н. Горячев // Юридическая техника. — 2010. — № 4. — С. 130–145

116. Гринь Е. А. Оценочный признак общеизвестных фактов / Е. А. Гринь // правовое обеспечение агропромышленного комплекса: современное правовое регулирование и перспективы развития законодательства. Сборник статей II Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (симпозиума). Краснодар, 2021. С. 78–82

117. Грошев А. В. Презумпции в уголовном праве их роль в правоприменительной деятельности / А. В. Грошев // Юридическая техника. — 2010. — № 4. — С. 145–153

118. Давыдова М. Л. Правовые презумпции в системе средств юридической техники / М. Л. Давыдова // Юридическая техника. — 2010. — № 4. — С. 159–170

119. Деришев Ю. В. Мурашкин И. Ю. Презумпция невиновности: теория, противоречия реализации и пути их нейтрализации / Ю. В. Деришев, И. Ю. Мурашкин // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2012. — № 2. (45). — С. 44–48

120. Дикарев И. С. Учет позиции потерпевшего при применении особого порядка судебного разбирательства / И. С. Дикарев // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2021. — № 1. — С. 93–98

121. Ермакова Т. А. Отказ от обвинения: кто должен поддерживать государственное обвинение после отмены постановления суда о прекращении уголовного дела? / Т. А. Ермакова // Уголовное право. — 2015. — № 6. — С. 90–96

122. Ефименко С. П. Отказ прокурора от обвинения при несогласии потерпевшего / С. П. Ефименко // Законность. — 2011. — № 10 (924). — С. 6–9

123. Жумаканова Н. А. К вопросу об основаниях отказа государственного обвинителя от обвинения / Н. А. Жумаканова // Пробелы в российском законодательстве. — 2013. — № 6. — С. 242–343

124. Зотов Д. В. Доказательственные фикции в уголовном процессе / Д. В. Зотов // Судебная власть и уголовный процесс. — 2019. — № 2. — С. 51–61

125. Каландаришвили Х. А. Правовая фикция и ее проявления в российском уголовном процессе / Х. А. Каландаришвили // Судебная власть и уголовный процесс. — 2021. — № 4. — С. 42–68

126. Калинина А. Л. Проблемы применения гражданского иска при рассмотрении уголовного дела в особом порядке / Л. А. Калинина // Мир юридической науки. — 2018. — № 7. — С. 63–68

127. Калиновский К. Б. Обоснованность уголовно-процессуальных решений в свете учения о бремени доказывания / К. Б. Калиновский // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юрид. наук, профессора Полины Абрамовны Лупинской: сборник научных трудов. — 2011. — С. 59–65

128. Калиновский К. Б. // Бремя доказывания в уголовном процессе: динамический или статистический подходы В сборнике: Юридическая истина в уголовном праве и процессе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под общ. ред. К. Б. Калиновского, Л. А. Зашляпина. — 2018. — С. 94–103

129. Каргин К. В. Понятие юридической аргументации / К. В. Каргин // Юридическая техника. — 2013. — № 7-1. — С. 60–64

130. Карякин Е. А. Цель и бремя доказывания применительно к формированию судебной истины по уголовному делу в суде первой инстанции / Е. А. Карякин // Российский судья. — 2016. — № 5. — С. 22–26

131. Качалова О. В. Ускоренные производства в уголовном процессе: есть ли предел дифференциации уголовного судопроизводства / О. В. Качалова // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 1 (62). — С. 141–150

132. Ковтун Н. Н. О спорных вопросах порядка проведения судьей предварительных слушаний по уголовным делам / Н. Н. Ковтун // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2006. — № 3. — С. 93–98

133. Кодан С. В. Закрепление Презумпции знания закона в российском законодательстве (XVIII — начало XX в.) / С. В. Кодан // Юридическая техника. — 2010. — № 4. — С. 236–247

134. Комбарова Е. Л. Особенности доказательственной деятельности, осуществляемой судом в процессе предварительного слушания уголовных дел / Е. Л. Комбарова // Судебная власть и уголовный процесс. — 2016. — № 1. — С. 143–151

135. Косарев С. Ю. Возникновение инквизиционного процесса на Руси / С. Ю. Косарев // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии — 2014. — № 4. — С. 9–17

136. Кудрявцева А. В. Петров А. В. Доказывание и доказательства при осуществлении судебного контроля в уголовном судопроизводстве / А. В. Кудрявцева, А. В. Петров // Регулирование уголовно-процессуальных правоотношений: 20-летний опыт применения уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией К. А. Корсакова, В. А. Шиплюка. — 2023. — С. 44–52

137. Кузовенкова Ю. А. Некоторые вопросы постановления приговора в особом порядке судебного разбирательства / Ю. А. Кузовенкова // Сибирские уголовно-процессуальные и юридические чтения. — 2017. — № 1. — с. 89–96

138. Лазарева В. А. Состязательность и доказывание в уголовном процессе / В. А. Лазарева // Уголовное право. — 2007. — № 3. — С. 98–102

139. Лазарева В. А., Максимихина Ю. О. Проблемы установления виновности при прекращении уголовного дела в связи со смертью обвиняемого / В. А. Лазарева, Ю. О. Максимихина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. — 2017. — № 1 (28). — С. 55–58

140. Левченко О. В. Общеизвестные факты как средства уголовно-процессуального доказывания / О. В. Левченко // Государство и право. — 2002. — № 8. — С. 47–54

141. Лукашевич В. З. Назначение судебного заседания по новому УПК РФ / В. З. Лукашевич // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2002. — № 3. — С. 157–172

142. Лупинская П. А. Общее и особенное в правилах о доказательствах и доказывании в УПК РФ и ГПК РФ / П. А. Лупинская // Lex Russica. — 2005. — № 4. — С. 707–718

143. Малюгин С. В. Локальный предмет доказывания в уголовном судопроизводстве России // Российский юридический журнал. — 2014. — № 2. — С. 98–103

144. Манова Н. С., Францифиров Ю. В. Правовые последствия отказа прокурора от обвинения: проблемы и возможности их решения / Н. С. Манова, Ю. В. Францифиров // Российский криминологический взгляд. — 2009. — № 1. — С. 367–370

145. Машинникова Н. О. Реализация принципов уголовного процесса в ходе судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением / Н. О. Машинникова // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. — 2022. — № 1. — С. 155–167

146. Мезинов Д. А. Стандарт «вне разумных сомнений» как критерий достижения цели уголовно-процессуального доказывания / Д. А. Мезинов // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2017. — № 23. — С. 40–47

147. Меркутов Г. М. Лабанова С. А. Доказательственная деятельность суда в стадии назначения судебного разбирательства / Г. М. Меркутов, С. А. Лабанова // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2012. — № 82. — С. 1148–1172.

148. Михайлов И. Б. Полевой поединок — норма права в средневековой Руси / И. Б. Михайлова // История повседневности — 2016. — № 1. — С. 136–152

149. Мурашкин И. Ю. Сторона обвинения как субъект доказывания невиновности / И. Ю. Мурашкин // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2018. — № 1. — С. 25–29

150. Надеждин Н. Н. Правовое регулирование разрешения торговых споров в древнерусском государстве / Н. Н. Надеждин // Вестник Воронежского института МВД России. — 2007. — № 3. — С. 49–53

151. Омельяненко Е. В. Судостроительство российского государства в XV–XVII вв. / Е. В. Омельяненко // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2020. — № 4. — С. 111–120

152. Панокин А. М. Неустановленные обстоятельства совершения преступления: проблемы доказывания / А. М. Панокин // Журнал российского права. — 2015. — № 11. — С. 90–94

153. Панько К. К. Презумпции в уголовном праве и процессе, их значение и квалификация / К. К. Панько // Вестник Воронежского государственного университета. серия «Право» — 2013. — № 1. — С. 311–326

154. Панько К. К. Презумпции в уголовном праве и процессе / К. К. Панько // Судебная власть и уголовный процесс. — 2020. — № 4. — С. 38–52

155. Петрухин И. Л. Внутреннее убеждение суда и правовые презумпции / И. Л. Петрухин // Советское государство и право. — 1964. — № 3. — С. 63–71

156. Пономарева В. В., Брестер А. А. Становление следственного процесса в России / В. В. Пономарева А. А. Брестер // Вестник Омского университета Серия: «Право». — 2012. — № 3. — С. 250–256

157. Попов О. А. Клочков А. В. Допустимая неопределенность в установлении времени совершения преступлений / О. А. Попов, А. В. Клочков // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2018. — № 4 (47). — С. 119–125

158. Придворов Н. А. Трофимов В. В. Презумпции в Римском и современном праве: историко-теоретический аспект / Н. А. Придворов, В. В. Трофимов // Юридическая техника. — 2010. — № 4. — С. 463–470

159. Расчетов В. А., Бутенко О. С. Зарождение органов розыскного следствия на Руси / В. А. Расчетов, О. С. Бутенко // Академическая публицистика — 2018. — № 10. — С. 80–84

160. Рахманин С. В. Проблема опровержимости презумпции знания закона и юридическая ошибка в уголовном праве / С. В. Рахманин // Право и политика. — 2019. — № 3. — С. 40–46

161. Россинский С. Б. Особый порядок судебного разбирательства как форма доказывания обстоятельств уголовного дела: возражения оппонентам / С. Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2016. — № 4. — С. 40–48

162. Рябцева Е. В. Соотношение принципа разумности, публичности и диспозитивности в уголовном процессе / Е. В. Рябцева // Общество и право. — 2011. — № 5 (37). — С. 219–222

163. Рябченко А. Г. Руденко К. И. Политика Московского государства в сфере уголовного судопроизводства во второй

половине XV–XVII вв. / Рябченко А. Г., Руденко К. И. // Общество и право — 2013. — № 3. — С. 26–30

164. Селина Е. В. Судейская осведомленность и правовой обычай в уголовном процессе / Е. В. Селина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2012. — № 2. — С. 64–70

165. Серов Д. О. Федоров А. В. Следствие в Древнерусском государстве X–XIV вв. / Д. О. Серов А. В. Федоров // Российский следователь — 2015. — № 1. — С. 53–56

166. Смирнов А. В. Презумпции и распределение бремени доказывания в уголовном процессе / А. В. Смирнов // Государство и право — 2008. — № 1. — С. 60–68

167. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Презумпции в уголовном процессе / А. В. Смирнов К. Б. Калиновский // Российское правосудие — 2008. — № 4. — С. 68–74

168. Смирнов А. В. Стандарты доказанности: взаимосвязь в презумпции и распределением бремени доказывания // Уголовный процесс. — 2021. — № 12. — С. 86–94

169. Татьяна Л. Г. Некоторые вопросы уголовно-процессуального доказывания по уголовным делам, рассматриваемым в особом порядке судебного разбирательства / Л. Г. Татьяна // Вестник ОГУ. — 2004. — № 3. — С. 38–40

170. Францифиров Ю. В. Цена истины в уголовно-процессуальном доказывании / Ю. В. Францифиров // Российский следователь. — 2005. — № 11. — С. 10–14

171. Хайдаров А. А. К вопросу о последствиях отказа государственного обвинителя от обвинения в рамках судебного следствия / А. А. Хайдаров // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2013. — № (31). — С. 40–44

172. Химичева О. В., Сумин А. А. *Onus Probandi: Проблема переноса (реверса) в уголовном процессе* / О. В. Химичева А. А. Сумин // Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2022. — С. 304–308

173. Хромова Н. М. Принцип презумпции невиновности при особом порядке судебного разбирательства / Н. М. Хромова // Журнал российского права. — 2013. — № 6. — С. 107–115

174. Ястребов В. М. Отдельные особенности унификации правил преюдиции в судопроизводстве / В. М. Ястребов // *Sciences of Europe*. — 2020. — № 50-5 (50). — С. 49–53

материалы судебной практики:

175. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 N 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» / URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Decision/pages/default.aspx> (дата обращения 02.01.2024).

176. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 N 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 18.12.2023).

177. Постановление Конституционного суда РФ от 7 апреля 2015 г. № 7- П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 1064 гражданского кодекса Российской Федерации и пункта «а» части второй статьи 166 уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Кряжева / URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения 02. 01.2023).

178. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 N 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко». / доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 17.10.2023).

179. Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. N 104-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision33761.pdf> (дата обращения 12.01.2024).

180. Определение Конституционного Суда РФ от 20.11.2003 N 451-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Веккера Сергея Вадимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 86, 87, 235, 252, 253, 283 и 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 12.01.2023).

181. Определение Конституционного Суда РФ от 20.02.2014 N 298-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Малюжца Сергея Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьей 131 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision155129.pdf> (дата обращения 05.01.2024).

182. Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2011 г. N 1238-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Боброва Вячеслава Викторовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 73, частью первой статьи 252 и статьей 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / Доступ из СПС «Гарант» Дата обращения 11.01.2024

183. Определение Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 г. № 2329-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гагарина Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения 12.01.2024).

184. Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2015 г. № 1221-О/2019 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мазуровой Дианы Александровны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 221, 234, 237, 271 и 389.17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения 28.11.2023).

185. Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 1616-О/2015 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Коровина Вадима Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части второй статьи 38, статьей 86, частью второй статьи 159, частями седьмой и восьмой статьи 234, частями первой и второй статьи 271, статьей 286 и частью шестой статьи 389.13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. / URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Decision/pages/default.aspx> (дата обращения 28.11.2023).

186. Определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 1744-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан

Мамкина Данилы Даниловича и Мамкиной Нины Ивановны на нарушение их конституционных прав частью седьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения 02. 01. 2024).

187. Определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2017 г. N 1524-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мигули Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 389.9 и 389.19 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / URL:<https://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения 27.12.2023).

188. Определение Конституционного Суда РФ от 23 ноября 2017 г. N 2725-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мироненко Владимира Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьями 80, 87, 88 и 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision305577.pdf> (дата обращения 12.01.2024).

189. Определение Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. N 2873-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сайгакова Алексея Алексеевича на нарушение его конституционных прав положениями частей первой и третьей статьи 50, частей первой и третьей статьи 51, части второй статьи 52, части второй статьи 248, части первой статьи 292, части первой статьи 293, статьи 294 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта «в» части третьей статьи 146 Уголовного кодекса Российской Федерации» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 07.01.2024).

190. Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2019 г. N 1206-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Душакова Александра Михайловича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / доступ из СПС «Гарант» (дата обращения 12.01.2024).

191. Определение Конституционного Суда РФ от 30.06.2020 N 1357-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шакировой Ксении Анатольевны на нарушение ее конституционных прав частью восьмой статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision489457.pdf> (дата обращения 12.01.2024).

192. Определение Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 № 1925-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Феоктистова Олега Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 256, статьями 271 и 274 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 5, статьями 8 и 105 Уголовного кодекса Российской Федерации». / URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision507055.pdf> (дата обращения 12.01.2024).

193. Определение Конституционного Суда РФ от 25.04.2023 N 975-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Подгайного Александра Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision678450.pdf> (дата обращения 11.01.2024).

194. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30.11.2023 № 3265-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Михеева Олега Юрьевича

на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 32 и пунктом 1 статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision726996.pdf> (дата обращения 12.01.2024).

195. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.06.1978 N 5 «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 31.01.2021).

196. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 N 5 (ред. от 11.06.2019) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 19.10.2023).

197. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 19.10.2023).

198. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 N 1 (ред. от 01.06.2017) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8272/> (дата обращения 02. 01. 2024).

199. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 19.10.2023).

200. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 N 60 (ред. от 29.06.2021) «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 14.11.2024).

201. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 N 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 19.10.2023).

202. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 N 28 (ред. от 15.05.2018) «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.12.2022). / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 08.11.2023).

203. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 N 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 07.12.2023).

204. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 N 21 (ред. от 18.12.2018) «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора». / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 19.10.2023).

205. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 42 (ред. от 15.12.2022) «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 05.01.2023).

206. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 42 (ред. от 15.12.2022) (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных

действий» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 19.10.2023).

207. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 27.12.2023).

208. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 N 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» / доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 19.10.2023).

209. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 N 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения 12.01.2024).

210. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 N 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» / (доступ из СПС «Консультант+» Дата обращения 19.10.2023).

211. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» / URL: <https://vsrf.ru/documents/own/29308/> (дата обращения 02.01.2023).

212. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.03.2021 г. № 48-УД21-2-К7 / URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1977440 (дата обращения 27.12.2023).

213. Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10 января 2023 г. по делу № 77-381/2023

Доступ из базы судебных решений «судебныерешения.рф» / URL: <https://xn--90afdbaav0bdlafy6eub5d.xn--plai/72712137> (дата обращения 21.12.2023).

214. Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 26 сентября 2023 г. по делу № 77-3301/2023 / Доступ из СПС «Консультант+» (дата обращения: 17.10.2023).

215. Апелляционное постановление Ивановского областного суда от 27 июня 2019 г. по делу № 22–1010/2019 / Доступ из СПС «Судакт» URL: sudact.ru (дата обращения 01.11.2023).

216. Апелляционное постановление Нижегородского областного суда от 3 марта 2020 г. по делу № 22–1195/2020. Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: sudact.ru (дата обращения 12.01.2024).

217. Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 5 июля 2022 г. по делу № № 4/17-65/2022 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / <https://sudact.ru/> (дата обращения 22.12.2023).

218. Постановление президиума Тамбовского областного суда от 12 сентября 2019 г. по делу № 1–6/2017 / Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 12.01.2024).

219. Приговор Брюховецкого суда Краснодарского Края от 23 июля 2020 г. по уголовному делу № 1-190/2019 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 22.12.2023).

220. Приговор Железнодорожного районного суда г. Ульяновска Ульяновской области по делу № 1-1/2020 от 20 января 2020. Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: https://sudact.ru (дата обращения 27.12.2022).

221. Приговор Куртамышского районного суда Курганской области от 27 мая 2020 г. по уголовному делу № 1-41/2020 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 22.12.2023).

222. Приговор Малгобекского районного суда Республики Ингушетия от 23 июля 2018 г. по уголовному делу № 1–18/2018 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 12.01.2024).

223. Приговор Октябрьского районного суда города Архангельска от 16 июля 2020 г. по уголовному делу № 1-47/2020. Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 22.12.2023).

224. Приговор Рубцовского городского суда Алтайского Края 12 ноября 2019 г. по делу № 1-522/2019 Доступ из базы электронных решений «Судакт» / URL: https://sudact.ru (дата обращения 18.06.2022).

225. Приговор Советского районного суда г. Владивостока от 28 мая 2018 г. по делу № 1-235/2018 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: https://sudact.ru (дата обращения 01 ноября 2021).

226. Приговор Троицкого районного суда Челябинской области от 15 мая 2020 г. по делу № 1-105/2019 / Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» (дата обращения 12.01.2024).

227. Приговор Усть-Калманский районный суд Алтайского края от 03 июня 2019 г. по уголовному делу № 1–90/2018 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: https://sudact.ru (дата обращения 12.01.2024).

228. Приговор Чусовского городского суда Пермского Края от 29 июля 2021 г. по делу № 1-195/2021 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: https://sudact.ru (дата обращения 27.12.2022).

229. Приговор Чусовского городского суда Пермского Края от 18 марта 2021 г. по делу № 1-63/2021 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 06.01.2024).

230. Приговор Шарангского городского суда Нижегородской области от 28 июля 2021 г. по делу № 1-34/2021 / URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 27.12.2022).

231. Приговор Шебекинского районного суда Белгородской области от 06 августа 2019 г. № 1–106/2019 Доступ их электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 02.11.2023).

232. Приговор Яранского городского суда Кировской области от 28 октября 2020 г. по уголовному делу № 1-112/2020 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 22.12.2023).

233. Приговор Ярцевского городского суда Смоленской области от 06 декабря 2022 г. по уголовному делу № 1-285/2022 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 18.12.2023).

234. Постановление Ленинского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан № 1-183/202 от 24 мая 2023 г. Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт» / URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 18.12.2023).

235. Постановление Фрунзенского районного суда г. Иваново от 27 февраля 2020 г. по уголовному делу № по делу № 1-64/2020 Доступ из электронной базы судебных решений «Судакт». URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 02. 01. 2023).

Научное издание

Виноградов В. А.

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНСТИТУТА БРЕМЕНИ
ДОКАЗЫВАНИЯ
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ**

Научно-практическое пособие

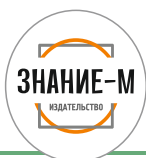
Компьютерная верстка: Елена Семенова

Издается в авторской редакции

Издательство «Знание-М»

Подписано в печать 20.06.2024. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times». Печать цифровая.
Усл. печ. л. 11,16. Заказ № 8652. Тираж 30 экз.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в научно-издательском центре «Логос»

Издано в научных и учебных целях.

book-best.ru

Смыслим в издательском деле!
Наши книги в Интернет-магазине www.litres.ru/logos

БК vk.com/cnzlogos

logos.book@mail.ru

ISBN 978-5-00187-777-6

9 785001 877776